

Й О С Е Ф   М А Ц Е К

Туситское
революционное
движение

ЙОСЕФ МАЦЕК · ТУСИТСКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Жижка во главе таборитских войск (цветной рисунок из йенской рукописи второй половины XV века).

9(43)
M-36

9(4)1
M36

ЙОСЕФ МАЦЕК

ГУСИТСКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

855221

Перевод с чешского

Н. М. ПАШАЕВОЙ, А. В. СТАРОСТИНА
и И. П. ХАТУНЦЕВОЙ

94396

Б I
Стан
№
СМФ

И * Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва, 1954

Корректор
И. К. БИЛЕУШ

JOSEF MACEK

HUSITSKÉ
REVOLUČNÍ Hnutí

PRAHA

1952

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В настоящей книге чешский историк Йосеф Мацек обращается к одной из наиболее героических страниц истории чешского народа — к периоду гуситского революционного движения. В течение пятнадцати лет чешский народ — крестьяне, городская беднота, массы ремесленников, к которым примкнула часть рыцарства, громил армии крестоносцев, собравшихся с различных концов Европы, чтобы подавить вспыхнувшее в Чехии революционное движение. Мужественная борьба чешского народа в XV веке всколыхнула всю Европу, вызвала отклики в различных концах ее, потребовала предельного напряжения сил европейской реакции, которой так и не удалось покорить чехов силой оружия.

Этим периодом своей истории чешский народ гордится по праву. Гуситские революционные традиции, не раз вдохновлявшие чешский народ на борьбу, особенно дороги ему теперь, когда он, освободившись от гнета эксплуатации, успешно строит социалистическое общество.

Создание труда, в котором была бы изложена подлинная история гуситского движения, дан марксистско-ленинский анализ его, давно стало настоятельной необходимостью. Буржуазная историография оказалась не в состоянии воссоздать исторически верную картину гуситского движения, более того, многие буржуазные историки представляют его историю в искаженном виде, обнаруживая прямую враждебность к восставшему народу, стараясь предать забвению революционный характер движения, его революционные традиции. Книга Мацека является первой работой, в которой освещена с марксистских позиций и последовательно изложена вся история революционного гуситского движения.

Й. Мацек — автор ряда работ по истории гуситского движения. Его перу принадлежит специальное исследование по истории Табора — «Табор в гуситском революционном движении», работы по отдельным вопросам — «Гуситы в Прибалтике и Польше» и другие. Таким образом, предлагаемая вниманию читателя книга написана большим знатоком истории Чехии XV века. Небольшая по объему и популярная по изложению, эта книга представляет собой ценный научный труд, так как она является итогом исследовательской работы, проведенной автором на основе огромного фактического материала. Автор показывает социальные предпосылки движения, дает серьезный и глубокий классовый анализ его, раскрывает его революционный, национально-освободительный характер.

Чехословацкая общественность дала высокую оценку работе. Книга Й. Мацека удостоена государственной премии Чехословакии.

На некоторых проблемах, затронутых автором, следует остановиться. Это относится прежде всего к такому важному вопросу, как вопрос об оценке гуситского движения. Известно, что Ф. Энгельс расценивал крестьянскую войну в Германии не просто как крестьянское движение, но как раннюю стадию буржуазной революции, как неудавшуюся буржуазную революцию. Проводя аналогию между крестьянской войной в Германии и гуситским революционным движением, Й. Мацек приходит к выводу, что гуситское революционное движение также является ранней стадией буржуазной революции. Эта точка зрения представляет значительный интерес.

Действительно, гуситское революционное движение резко выделяется в ряду крестьянских восстаний, таких, как Жакерия во Франции (1358 год) или восстание Уота Тайлера в Англии (1381 год), восстания каталонских крестьян XV века или восстание венгерских крестьян под руководством Дьердя Дожи в 1514 году. Это были, как правило, чисто крестьянские движения, лишь в незначительной степени (и то не всегда) поддержанные горожанами. В гуситском движении принимала участие широкая коалиция различных слоев населения, к крестьянству примкнуло городское плебейство, массы ремесленников, значительная часть рыцарства. Крестьянские восстания, как правило, подавлялись очень быстро, нередко в течение нескольких дней (Жакерия длилась около двух

недель). Чешский народ громил врага в течение пятнадцати лет.

Тем не менее точку зрения автора, рассматривающего гуситское движение как раннюю стадию буржуазной революции, еще нельзя считать доказанной. Вопрос о том, является ли гуситское движение ранней стадией буржуазной революции, следует решать не в зависимости от того, какое участие приняло в этом движении бюргерство,— решающим должен стать анализ социально-экономических отношений в Чехии конца XIV и начала XV века. Разрешить поставленный автором вопрос могло бы специальное исследование по социально-экономической истории, которое доказало бы зарождение и развитие в Чехии этого периода капиталистических отношений. В противном случае аналогия с крестьянской войной в Германии представляется не убедительной: чешское движение и крестьянскую войну в Германии разделяет столетие, в течение которого процесс зарождения и развития капиталистических отношений в Европе шел в высшей степени интенсивно, загронул он, несомненно, и Германию. Положение автора представляется нам еще менее аргументированным и потому, что он сам отрицает существование в Чехии начала XV века капиталистических отношений.

Для того чтобы раскрыть характер движения, объяснить причину возникновения широкой гуситской коалиции, необходимо в большей степени, чем это сделано в книге, остановиться на национально-освободительном характере той борьбы, которую в начале XV века вел чешский народ. Именно национально-освободительный характер движения способствовал объединению в лагере гуситов различных социальных слоев.

Вызывает сомнение точка зрения Й. Мацека на ту роль, которую играли в движении массы городской бедноты. Автор, по мнению которого беднота в течение определенного периода (1419—1421 годы) возглавляла революционное движение, преувеличивает роль этих слоев населения. Городская беднота, представлявшая собой разнородную массу, не оформившуюся еще в единый социальный слой, не была и не могла быть гегемоном движения.

Автор прекрасно показывает героическую жизнь и не менее героическую смерть Гуса, ту колоссальную роль, которую сыграл чешский реформатор в развитии народ-

ного движения. Однако в книге не проведено достаточно определенной грани между учением Гуса и взглядами его последователей. Гус, как отмечает и сам автор, не ставил целью добиться социальных преобразований, он хотел только устранить вопиющие злоупотребления в современном ему обществе. Ф. Энгельс не случайно упоминает Гуса в ряду представителей бюргерской ереси *. Наиболее революционное крыло в лагере гуситов — крестьянско-плебейская часть таборитов — стремилось к созданию общества, основанного на имущественном и правовом равенстве, иначе говоря, о решительном и полном уничтожении феодального строя. Эту грань между взглядами самого Гуса и наиболее революционных гуситов необходимо провести, иначе может создаться впечатление, что Гус разделял хилиастические мечтания бедноты, а табориты непосредственно осуществляли идеи Гуса — и то и другое не соответствует исторической действительности. Все вышеизложенное отнюдь не умаляет подвига Гуса, смело перед лицом народа обличавшего пороки церкви и всего господствующего класса, подвига вождя, возглавившего национально-освободительное движение чешского народа и отдавшего жизнь за свой народ.

Наличие в книге указанных выше спорных или не вполне верно освещенных вопросов не снижает её достоинств.

Работа И. Мацека, основанная на серьезном материале, пронизанная чувством подлинного патриотизма, дает в основном правильную картину одного из самых героических периодов в истории чешского народа и, несомненно, представляет большой интерес для советского читателя.

---

* См. Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М., 1952, стр. 35.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕХИИ ДО ГУСИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Общий кризис феодализма и классовая борьба в XIV и XV веках. — Обострение классовых противоречий в Чешском королевстве в конце XIV и начале XV века. — Церковь — крупнейший феодал Чехии. — Грабеж крепостных крестьян церковными феодалами. — Финансовые интересы папской курии. — Моральное разложение духовенства. — Высшее и низшее духовенство. — Экономическое и политическое положение высшего дворянства. — Кризис низшего дворянства. — Городской патрициат, бюргерство и городская беднота. — Социальная дифференциация в чешской деревне. — Экономическое и юридическое положение эксплуатируемого крестьянства. — Широкая гуситская коалиция против католической церкви в начальный период революционного гуситского движения.

В. И. Ленин дал классическую характеристику феодальному строю, указав на следующие четыре его черты: 1) господство натурального хозяйства; 2) мелкое производство как основа феодального производства, причем в отличие от капитализма производитель наделен средствами производства, в частности землей, и прикреплен к земле; 3) внеэкономическое принуждение, при помощи которого феодал вынуждает крепостного отдавать ему часть своих продуктов или работать на господской земле; 4) крайне низкое и рутинное состояние техники, обусловленное мелким производством*.

В XIV и XV веках во многих странах феодальный строй, до тех пор казавшийся столь прочным, стал сотрясаться под ударами народных движений. В связи с ростом новых производительных сил в городах, развитием торговли и увеличением числа трудящихся, лишенных средств производства, углублялся кризис феодального строя. Ф. Энгельс посвятил этой проблеме замечатель-

---

* См. В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 158—159.

ную работу «О разложении феодализма и возникновении национальных государств». В этой работе Энгельс нарисовал картину старого феодального общественного строя, которому уже противостояла нарождающаяся общественная сила — буржуазия, носительница капиталистических отношений. В работе Энгельса убедительно показано, почему XIV и XV века были переходным периодом; это был период кризиса феодального общественного строя, явившегося результатом развития ремесленного производства, товарно-денежных отношений, зарождения класса буржуазии. Классовые бои, происходившие в ту эпоху, были, как указал Энгельс, проявлением этого кризиса:

«В то время как неистовые битвы господствующего феодального дворянства заполняли средневековые своим шумом, незаметная работа угнетенных классов подрывала феодальную систему во всей Западной Европе, создавала условия, в которых феодалу оставалось все меньше и меньше места»*.

«В XV веке во всей Западной Европе феодальная система находилась, таким образом, в полном упадке»**. Действительно, начиная с XIV века во всех странах Европы идут ожесточенные классовые бои. Во Флоренции, где очень рано развилась суконная промышленность, снабжавшая сукном всю Европу, в конце XIII века происходят ожесточенные феодальные усобицы, которые бюргерство использовало для своего наступления против феодалов. В XIV веке улицы Флоренции были свидетелями кровавых классовых боев между бедной и мелкими ремесленниками, с одной стороны, и богатыми бюргерами и купцами — с другой. Во Франции в середине XIV века во времена Жакерии французские крестьяне с оружием в руках выступили против своих эксплуататоров, пытаясь разбить оковы рабства. Не менее ожесточенными, чем во Флоренции, были классовые бои во фландрских городах, единственных, которые могли в то время соперничать с итальянскими в области торговли и производства сукна. Во Фландрии бюргерство также не раз выступало против феодалов. Вместе с тем в течение XIV века происходили кровавые столкновения в среде самого городского населения — между мелкими

---

* Ф. Энгельс. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. См. Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М., 1952, стр. 153.

** Там же, стр. 156.

ремесленниками и беднотой, с одной стороны, и богатыми бюргерами — с другой. Вместе с городской беднотой выступало и крестьянство. В немецких городах шли такие же классовые бои. Борьба немецкой бедноты достигла своего кульминационного пункта в 1370 году, когда кельнские ткачи подняли восстание против городских властей. Постоянное брожение в городах продолжалось до XV века. В Англии наиболее ожесточенная борьба с феодализмом шла в деревне; в 1381 году пламя восстания охватило почти всю Англию. В ходе восстания была попытка создать союз восставшего крестьянства и городской бедноты; так, городская беднота открыла крестьянской армии ворота Лондона. Все эти классовые бои, разраставшиеся подобно лавине, ясно свидетельствуют, насколько глубоким в этот период был кризис феодализма. Рассматривая причины возникновения революционного гуситского движения и ход его развития, мы должны иметь в виду этот общий кризис феодализма, который в начале XV века захватил также и Чехию.

К концу XIV и к началу XV века в экономическом и политическом отношении Чешское королевство превращается в одну из передовых стран Европы. Кроме старых чешских земель — Чехии и Моравии, в состав чешской короны входили Люксембург, Нижняя и Верхняя Лужице, княжество Силезское с его богатым торговым центром — городом Вроцлавом. На западе Чешское королевство было окружено цепью мелких ленных владений, тянувшейся до самого Дуная. Это мощное государственное объединение еще более усилилось при Карле IV (1346—1378 годы), под властью которого наряду с чешскими землями находились также и земли соседнего германского государства. Однако блеск и величие чешской короны, столь превозносимые льстецами императора Карла IV и его сына и наследника Вацлава IV (1378—1419 годы), прикрывали крайне неприглядную действительность. В городах, с их великолепными готическими соборами и храмами, как тени, бродили бедняки, а у величественных городских стен толпы голодающих рылись в мусорных ямах, надеясь найти какую-либо пищу. Экономическое и политическое положение Чешского королевства, внешне кажущееся столь благополучным и прочным, было в конце XIV и начале XV века подорвано все более обостряющимися классовыми противоре-

чиями. Основной причиной обострения классовых противоречий были деньги, жажда денег, стремление феодалов нагнать их возможно больше. Ф. Энгельс дал гениальную характеристику той роли, которую играли деньги в развитии общества в XIV и XV веках. «Еще задолго до того, — писал Энгельс, — как стены рыцарских замков были пробиты ядрами новых орудий, их фундамент был подорван деньгами. На самом деле порох был, так сказать, простым судебным исполнителем на службе у денег. Деньги были великим средством политического уравнивания в руках бюргерства» *. Развитие денежных отношений в Чехии, отражавшее развитие ремесленного производства и торговли, являлось одной из причин усиления классовых противоречий. Чтобы показать ту роль, которую играли деньги в экономической и социальной жизни Чехии, достаточно привести хотя бы некоторые из немногих дошедших до нас чешских народных пословиц XIV века: «Если денег нет, словами горю не поможешь», «Без денег на рынок, без соли дома» и «Кто денег нет — гиблое дело»¹. Деньги были силой, которая разъедала вековые устои «вечного» феодального общества, ломала преграды, отделяющие дворянство от остальных социальных групп, деньги были силой, способствующей подъему новых общественных классов.

* * *

Согласно официальной католической точке зрения, основанной на высказываниях отцов церкви, общество делилось на три части: одни должны были управлять, другие молиться, третьи работать (*tu rege, tu ora, tu que labora*²). Согласно нерушимой заповеди божьей, во главе общества должен быть государь, окруженный своим дворянством, только им принадлежит право владеть «светским мечом», то есть право суда и репрессий по отношению к подданным. Светская власть дополнялась властью церкви, которой дано было право неограниченно господствовать над душами людей. Трудящиеся, третье сословие, должны были работать, дабы кормить два высших сословия. «А любовь, которая является третьим лицом божественной троицы, должна соединять воедино эти три части»³. Совершенно очевидно, что эта концеп-

---

* Ф. Энгельс, цит. соч., стр. 155.

ция выражала интересы эксплуататоров, светских и церковных феодалов. Путем открытого насилия и другими методами они заставляли трудовой народ выполнять его «обязанности». Чешское общество не знало «всемиротворяющей любви», в нем разгоралась классовая борьба. Руководитель пражской бедноты Ян Желивский, который смотрел на жизнь глазами бедноты, как мы покажем далее, ясно видел, что «этот мир подобен морю: он так же обманчив, так же горек, как морская вода, и столь же зловонен... И подобно тому, как большая рыба заглатывает маленькую, так богач пожирает бедняка»⁴. И действительно, внутренние классовые противоречия и открытая классовая борьба сотрясали все чешское общество.

Феодалы распри ослабляли королевскую власть. Вацлав IV не смог восторжествовать над этими борющимися силами — в 1400 году он был лишен императорского престола. Его власть в Чехии отнюдь не была крепкой. Между ним и наиболее крупными феодалами вспыхнула открытая война, окончившаяся позорным пленом короля: во время одного из таких феодалных мятежей король был отвезен в Вену, и только с помощью членов своей семьи ему удалось вырваться из рук феодалов. Попытки магнатов захватить власть в стране заставили Вацлава IV искать опоры в низшем дворянстве, из среды которого он вербовал большинство должностных лиц на местах. Однако церковь, бывшая главной опорой отца Вацлава IV, Карла IV, к началу XV века вызвала ненависть всех слоев общества. Папство переживало период раскола (вместо одного были избраны два, а позже даже три папы, вступившие в борьбу друг с другом), весь церковный институт был охвачен глубоким внутренним кризисом. Поэтому Вацлав IV не мог рассчитывать на помощь церкви. Это стало очевидным, когда дело дошло до открытой борьбы между ним и влиятельным чешским священником, архиепископом пражским Яном из Енштейна.

В такой экономической и политической обстановке власть Вацлава IV оказалась парализованной. Упадку королевской власти способствовали также и личные качества Вацлава IV. Охоту и другие развлечения он предпочитал королевским обязанностям, что, конечно, не могло способствовать его успеху в борьбе с феодалами.

Церковь к началу XV века была крупнейшим феодалом Чехии. Большая часть пахотных земель (подсчитано, что церкви принадлежала примерно треть всего земельного фонда страны) — основного средства производства в эпоху феодализма — находилась в руках церковных феодалов. Магистр Ян Гус прямо говорит, что «духовенству в нашем королевстве принадлежит четверть или треть доходов земли». Концентрация столь значительной земельной собственности в руках церкви стало возможным благодаря праву «мертвой руки»*. Начиная с XIII века церковь ввела целибат (в частности и в Чехии), который препятствовал дроблению ее земельных владений. Земельные пожалования церковным учреждениям, захват и скупка земель, а также полученные церковью привилегии привели к концентрации все большего количества земель под властью церквей, монастырей, капитулов и епископств. Увеличению земельных владений церкви способствовала политика Карла IV, который нашел в церкви главную опору для осуществления своих политических замыслов; именно поэтому он стремился привлечь церковь пожалованиями и привилегиями. Обращает внимание тот факт, что целью монастырей было присоединить близлежащие крепостные деревни к своим владениям и создать компактные, объединенные земельные угодья, которые обеспечили бы непрерывный приток денег в их казну. Но созданию таких компактных церковных владений препятствовали феодалы — владельцы смежных с церковными землями поместий, что приводило к бесконечным распрям. Тем не менее церковные владения непрерывно расширялись. От первоначальной христианской общины, «бедной церкви христовой», к XV веку сохранилось одно лишь название. Все проблемы, вызванные классовыми противоречиями, нашли свое отражение в произведениях чешских мыслителей XIV и XV веков, и прежде всего в произведениях Яна Гуса. О классовых группировках и классовых противоречиях того времени можно составить себе представление непосредственно из трудов Яна Гуса, который следующим образом характеризовал богатство церкви: «Кровли их хлебов богаче, чем кровли деревенских церквей или господских замков.

---

* В силу принадлежавшего церкви права «мертвой руки» имущество церкви было неотчуждаемо. — *Прим. ред.*

Разве они избрали себе суровую жизнь монахов, разве они терпят нужду? Дождь их не мочит, в их владениях нет топких болот, богатство избавило их от голода и жажды, а бедняк повсюду страждет в нужде»⁵. Не удивительно, что церковные богатства привлекали и взоры светских феодалов, которые нередко совершали разбойничьи нападения на церковные поместья (такие, например, как нападение на Опатовицкий монастырь в 1415 году). Ян Гус ясно указал, откуда идет ненависть к церкви: «Миряне видят, что богатые священники носят одежду более пышную, чем они, что у священников и кони красивей, и стол обильней, и жены прекрасней, что всего — и одежды и оружия — у них больше, чем у мирян. Поэтому многие посягают на их богатства словом или делом, иные из зависти, а иные, как, например, короли и князья, по праву»⁶.

Церковь, этот крупнейший феодал, богатства которого вызывали зависть светских феодалов, обращалась со своими крепостными куда более жестоко, чем светские магнаты. Помимо обычной барщины церковные феодалы требовали от своих крестьян (или, лучше сказать, выколачивали из них) разного рода дополнительные поборы. В церковных поместьях (главным образом монастырских) эти поборы стали постоянной повинностью крепостного, ибо, кроме всего прочего, монастыри и церкви платили чрезвычайные налоги не только королю — в королевскую палату, но и вышестоящим церковным сановникам. Кроме того, церковь взимала с крестьян так называемую десятину, иными словами, крестьянин должен был отдавать своему «духовному пастырю» десятую часть всех доходов своего хозяйства. Этим, однако, его повинности по отношению к церкви не исчерпывались. За каждый обряд — за крестины, исповедь, погребение — верующие должны были платить церкви. И так всю жизнь — от колыбели до гроба — над ними была простерта жадная рука священника или монаха. «Это за исповедь, это за обедню, это за таинство, это за отпущение грехов, это за проповедь, это за благословение, это на погребение, это за освящение святой водой, это за молитву. И последний грош, который бабушка завязала в платочек, чтобы ни разбойник, ни вор не нашли его, и этот грош отнимут у нее...»⁷ Подобными требованиями церковь возбудила ненависть к себе

во всех слоях общества. Служители церкви хозяйничали и в городах, они спекулировали незаложенными монастырскими поместьями и получали с владельцев домов фиксированные проценты — вечную ренту, что опустошало карманы бюргеров. Мелкие ремесленники также вынуждены были закладывать дома и из года в год выплачивать своим кредиторам (церковным магнатам или патрициату) проценты; таким образом, должники несли тяжкое бремя наследственной (пожизненной или вечной) ренты.

Богатые прелаты нередко сужали бюргерам необходимые им средства, несмотря на то, что церковное право запрещало духовенству заниматься ростовщическими операциями. Ренты, богатство, привилегии — все это приводило к засилью церкви в городах и вызывало неприязнь к ней населения этих городов. «Подобно тому как в настоящее время буржуазия требует дешевого правительства — *gouvernement à bon marché*, — пишет Энгельс, — точно так же и средневековые бюргеры требовали прежде всего дешевой церкви — *église à bon marché*» *. Таким образом, церковь возбуждала ненависть не только у крепостных и феодалов, но и у горожан. Всеобщая неприязнь к церкви усиливалась также в результате наглой финансовой политики папской курии, в результате упадка и разложения, которые переживала церковь.

С тех пор как римский епископ постепенно превратился в главу католической церкви, крепкие узы связали церковные организации всего христианского мира с Римом. В XIV и XV веках практически уже не существовало ни одной доходной церковной должности, на которую не распространялась бы юрисдикция римского папы. Папский дворец в Риме (а с начала XIV века — в Авиньоне) кишмя кишел сановниками, должностными лицами и прочими тунеядцами, вся эта орда поглощала буквально целые реки золота, дабы обеспечить себе возможность вести роскошный образ жизни. Чтобы содержать эту орду и финансировать различные политические и военные кампании, папа взимал деньги со своей паствы. Существовала крылатая фраза: «Римская курия пасет овец тогда, когда у них отрастает шерсть»⁸. Наместник святого Петра везде, по всему миру, раскинул сети

---

* Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М., 1952, стр. 35.

для ловли золотых. Каждая церковная должность, каждая церковная привилегия, превращенные в товар, служили источником неисчислимых доходов и объектом всевозможных мошеннических проделок. В Риме вокруг папского двора собрались наиболее алчные ростовщики, котопрые, как липку, обдирали верующего, попавшего в их руки. В сатирической литературе того времени обличаются «богоугодные, христианнейшие проделки святых отцов»:

Коль отправился ты к папе,
Истину пойми ты:
Бедным вход туда заказан,
Пану — путь открытый,
Говорят не зря о папе, —
Знай без лишних слов, —
Где бы, что б он ни увидел,
Все пожрать готов...
Ждет привратник взяток,
Канцлер ждет их тоже.
Дар умаслить кардинала
Да и папу может.
Дай одним и дай другим,
Трижды дай подряд,
Сколько бы ни отдал им,
Снова захотят.
В Рим пусть едет, кто мощну
Толстую имеет,
Там лекарство есть для всех —
Быстро похудеют⁹.

Однако недовольство грабежами папского двора выразилось не только в сатире. Постепенно церковь-эксплуататор теряла ореол святости и в конце концов стала подвергаться всеобщим нападкам.

Начиная с XIV века хищнические тенденции финансовой политики Рима в Чехии все более усиливались. Епископы и прелаты при назначении на должность должны были утверждаться папской курией, которая предоставляла им эту милость отнюдь не даром. В форме так называемых сервиций в папскую казну текли из Чехии потоки золота. Следует при этом учесть, что все платежи банкирам святых отцов производились в золоте, и притом в твердой валюте, и никоим образом не в местных деньгах (например, не в чешских грошах). Между

тем епископы и прелаты направляли в Рим немалые суммы. Так, например, сервисии за пражское архиепископство достигали 2 800 злотых, за оломоуцкое епископство — 3 500, за литомысльское — 800. Но и остальные бенефиции духовных лиц предоставлялись за очень высокую плату — так называемые аннаты (например, аннаты за место декана в Кромержиже составляли 425 злотых), причем кандидаты на вакантные должности должны были заплатить заблаговременно. Постепенно установился такой порядок, при котором лица, заинтересованные в получении бенефиция, платили за еще не освободившуюся должность. Доходные бенефиции нередко распродавались заранее. Рост такого рода церковных поборов начался главным образом со времени папы Иоанна XXII (начало XIV века), но уже в первой половине XIV века эти поступления достигли огромных размеров (так, например, в 1342—1352 годах в чешских областях такого рода платежи производились в 600 случаях). Рост аннатов и других платежей был связан также с тем, что новый папа отнимал все бенефиции, пожалованные его предшественниками. Всякий заинтересованный в закреплении за собой должности обязан был, таким образом, платить за нее вновь.

В XIV веке необычайно возросла также папская десятина. Если на протяжении всего XIII века папская десятина взималась лишь два раза, то в последнее десятилетие XIV века ее взимали уже восемь раз и в немалых размерах — кошелки ненасытных папских сборщиков были бездонны. По одному только пражскому архиепископству десятина приносила папе 1 400 коп грошей. Помимо десятины Рим взимал еще и чрезвычайные сборы — *subsidia caritativa* (сборы, чаще всего шедшие на создание наемных армий, необходимых папской курии для ведения постоянной борьбы с итальянскими феодалами). Огромные доходы приносила торговля индульгенциями. Все это следует иметь в виду, чтобы представить себе, каким образом из карманов верующих вытряхивали все до последнего гроша. Нужно принять во внимание, что сами служители церкви платили деньги папской курии не из своего кармана. За церковных феодалов платили их крепостные, вносившие так называемую «помощь». Финансовое бремя, лежащее на населении Чехии, возросло после 1378 года, когда в связи с

ерковной схизмой объявились два претендента на престол «наместника Христа на земле», а к началу XV века к ним присоединился третий. Эти три претендента на пражский престол старались превзойти друг друга не нравственными качествами, а богатством, роскошью и силой оружия. Все они стремились только к одному — гнать в свое стадо как можно больше стригимых овец. Нет ничего удивительного в том, что в чешской литературе, которую не мог не волновать вопрос о положении церкви, папы, жившие в роскоши и праздности, именуется антихристами и наложницами дьявола.

Церковь загнивала «во главе и членах». Совершенно ясно, что в таких условиях церковнослужителем мог стать либо тот, у кого были деньги на покупку должности, либо тот, за кого платил кто-нибудь другой.

Во времена Карла IV лучшие и наиболее доходные церковные должности в Чехии получали иностранцы, прежде всего немцы, собравшиеся вокруг императорского двора, который использовал свою тесную связь с папой, чтобы оказывать им поддержку. У чешского духовенства, особенно низшего, была, таким образом, еще одна причина ненавидеть высших сановников церкви, живших, как правило, чужеземцами.

Получать бенефиции и связанные с ними доходы становилось делом нелегким. Каждому хотелось бы стать священником и привольно жить за счет сборов и «помощи» верующих. Люди шли в священники совсем не из-за стремления «следовать Христу в смиренности и бедности», а ради руководило желание разбогатеть. «У духовенства становится больше добра, а потому растет число учеников и священников, ибо каждый хочет легко жить и богатеть»¹⁰.

Не удивительно, что на церковных должностях сидели люди, представлявшие прямую противоположность «христовым апостолам», хотя они и называли себя их братьями. «Третий обычай духовенства — раздавать церковные должности родственникам. Есть много властей, которые дают бенефиции приятелям, людям бесстыдным, неспособным даже пасти свиней...»¹¹

Распушенность духовенства граничила с бесстыдством, нравственный упадок достиг чудовищных размеров. В конце XIV века была проведена ревизия пражских доходов, имевшая целью выявить и ликвидировать, по крайней мере, наиболее вопиющие злоупотребления. Из

~~17~~
~~94396~~

Б. 10.

отчетов этой ревизии мы узнаём о некоем священнике Людвике Кояты из прихода св. Яна в Подскалии: «У него также была возлюбленная, проживавшая в Вышеграде, кроме того, в своем доме, находящемся близ монастыря св. Екатерины, что против школы св. Апполинария, он устроил публичный дом, в котором содержал четырех, иногда шесть и даже восемь проституток, принимавших гостей со стороны. Помимо того, он был страстным игроком в кости. Он ходил играть в кости на Старое Место в дом Гензла Глазера и Маркеты Плетловой, нередко он проигрывал там всю свою одежду и ночью возвращался нагим в дом своей сожительницы в Вышеграде. Дважды рихтарж * Нового Места прогонял его в таком обличье как бродягу, но ему удавалось скрыться в своем доме, что против школы св. Апполинария»¹². Следует добавить, что, по всей вероятности, Людвик Кояты не был исключением; безнравственных церковнослужителей было тогда множество.

С другой стороны, большой приток желающих получить бенефиций и должность священника приводил к тому, что кандидатов было больше, чем свободных мест. Значительно возросло количество низшего духовенства, куда входили священники из бедноты, прежде всего из чешских семей, не имевших средств на покупку бенефиция и вынужденных поступать на службу к бенефициариям в качестве держателей приходов, наниматься в церковные сторожа или становиться бродячими проповедниками. Таким образом произошла дифференциация духовенства, разделившегося на так называемых прелатов, то есть высших служителей церкви, или высшее духовенство (*clerus major*), и низшее духовенство (*clerus minor*), положение которого все более ухудшалось. Голодный и бедствующий проповедник сравнивал «церковь христову» — бедную, смиренную, какой ее описывали в евангелиях, с тогдашней церковью — распущенной и безнравственной, крупнейшим феодальным владельцем. Это вопиющее противоречие показывало, как «далеко зашла церковь». Не удивительно, что именно из рядов низшего бедного духовенства выходили люди, требовавшие исправления церкви, передовые борцы, лучшие организаторы и вожди гуситского народного движения.

---

* Рихтарж — должностное лицо города, судья.—Прим. ред.

Богатства и праздность церковнослужителей дорого обходились народу. Церковь была охвачена глубоким кризисом; деньги превратили ее в огромный международный вертеп, где бесстыдно спекулировали на чувствах верующих людей. Церковные богатства вызывали все большую и большую ненависть не только к местным церковным учреждениям, но и к самому Риму, что способствовало углублению кризиса церкви как института.

Кризис феодальной системы захватил и светских феодалов. Класс светских феодалов не был единым. В зависимости от размеров владений, происхождения и общественного положения светские феодалы делились на высшее дворянство (панство) и низшее дворянство, то есть рыцарей, земанов и паношей*. Паны, так же как и монастыри, стремились к объединению своих разпыленных владений. Эти владения в значительной своей части были раздроблены и состояли из отдельных участков, на которых сидели крестьяне. Панство стремилось к тому, чтобы эти участки были расположены близ домениальных земель, на которых велось барское хозяйство. Мы уже видели, что подобные же стремления духовенства наталкивались на сопротивление соседних феодалов. Точно так же усилия какого-либо пана увеличить или округлить свои владения наталкивались на противодействие других феодалов.

Несравненно хуже было положение низшего дворянства, мелких феодалов, которые в экономическом отношении не могли конкурировать с владельцами крупных поместий. Владения низшего дворянства уменьшались в результате посягательств со стороны соседних панов. С подобным явлением мы встречаемся в южной Чехии. Так, например, панский род Рожемберков с половины XIV века расширил свои владения прежде всего за счет мелких дворян, которые вынуждены были продавать свои обремененные долгами замки и усадьбы и поступать на службу к Рожемберкам в качестве бургграфов и служащих. В стремлении расширить свои владения Рожемберки не останавливались даже перед захватами церковной собственности, именно это-то стремление и приводило

---

* Земаны — дворяне, владельцы незначительных участков земли. Паноши — здесь дворяне, владевшие мельчайшими участками. — *Прим. ред.*

часть панства в гуситский лагерь. Панские роды, могущество которых теперь возросло, претендовали на неограниченное господство, стремясь захватить в свои руки как центральную, так и местную власть, вследствие чего возникали постоянные трения между панством и королем. Если Карлу IV, нашедшему опору в церкви, еще удавалось держать в повиновении крупных феодалов, то Вацлаву IV пришлось не только испытать на собственном горьком опыте, насколько паны сильнее его, но, как уже говорилось, и познакомиться с панской тюрьмой. Вопрос теперь шел о том, удастся ли низшему дворянству также получить доступ к местному управлению. Мелкий дворянин, все силы которого уходили на борьбу с могущественным и знатным соседом, с ненавистью смотрел на гордо возвышавшиеся башни пышных панских замков. Очень часто, не выдержав борьбы, он вынужден был продавать собственный замок и усадьбу и искать пропитания либо при дворе, либо в тех же панских замках. Много мелких дворян шло в наемную армию как в своей стране, так и за границу. Армия представляла собой закованную в броню конницу, сопровождаемую сравнительно незначительным количеством пеших наемников. Таким образом, одна часть этого обедневшего рыцарства кормилась за счет войны, часть же прибегала к иным средствам — к грабежу и разбою. В полном соответствии с духом феодального права рыцарь, по отношению к которому соседний пан совершил какую-либо несправедливость, мог объявить ему войну, брался за меч и возмещал убытки за счет панского имущества. Он нападал на панские усадьбы и деревни, угонял скот и грабил крестьян. Эти феодальные усобицы, столь обычные для эпохи феодализма, превращающиеся иногда в настоящую «виселичную войну», усугублялись борьбой между самими разбойничьими бандами; во главе этих банд обычно стояли обедневшие дворяне, которые в лесной чаще или на больших дорогах грабили путников и купцов. Многочисленные примеры феодального разбоя и грабежа встречаются в южной Чехии, они записаны в так называемой «Книге казней панов из Рожемберка». Преступления — разбой, грабеж, налеты и поджоги, — описанные в «Книге казней», наглядно показывают, насколько глубоко зашло разложение господствующего класса.

Само собой разумеется, что интересы дворянства (как высшего, так и низшего) не могли не вступить в противоречие и с интересами городов. Города, центры ремесла и торговли, были чужеродным элементом в недрах феодализма *. Развитие ремесла и торговли наталкивалось на давние привилегии панства; точно так же паны не намеревались делить власть с «холопами», как они называли бюргеров. Сравнительно более тесные отношения с городами поддерживали рыцари, которые в борьбе против церкви и панства искали союза с горожанами. Кредитные операции, к которым дворянство очень часто вынуждено было прибегать, были также одной из связующих нитей между ним и городами.

Что же касается отношения к крестьянству, то здесь низшее дворянство было заодно с панами. Подобно пану мелкий дворянин стремился выжать из крепостных возможно больше. Помимо обычных поборов и оброков он требовал от крестьян еще и чрезвычайную «помощь», а также прибегал ко многим другим способам эксплуатации. Петр Хельчицкий, этот своеобразный мыслитель, уроженец южной Чехии, с возмущением указывал на поведение дворянства: «Следует отметить, что... значительно выросло число духовных лиц и панов, все захотели стать панами, оруженосцами, наемными солдатами. Приятно ездить на толстых конях, надменно разговаривать и угрожать, натравливать холопов на простых людей, обдирать их, как липку, и рубить им головы; приятно сладко есть и много пить, праздновать, разъезжать с места на место, болтать без толку и грешить без всякого стыда. Таких головорезов можно найти очень много в замках и городах, они приносят много зла общинам, они берут деньги и хорошо живут в своих домах, пируют и бездельничают»¹³. Отношения между феодальной верхушкой и крепостными — это отношения между эксплуататорами и эксплуатируемыми.

В XIV и XV веках бюргерство не представляло собой единого общественного класса. В городах, представлявших собой центры ремесла и торговли, зарождались новые общественные классы. В XIV веке в результате развития ремесла и торговли, а также вследствие развития денежных отношений города стали играть все боль-

---

* См. примечание на стр. 103. — *Прим. ред.*

шую роль в экономической, социальной, политической и культурной жизни страны.

Начиная с XIII века с развитием ремесла и торговли в Чехии шло развитие горного дела, снабжавшего страну драгоценными металлами, необходимыми для развития торговли. Из серебра, которое добывали на чешских горных промыслах и особенно в Кутной Горе, чеканили чешские гроши, имевшие хождение по всей Центральной Европе. Правда, в результате кризиса феодализма и упадка торговли ценность чешского гроша начиная с XIV века все время падала. Несмотря на это, Чехия была неиссякаемым источником серебра. В правление Карла IV Прага стала одним из крупнейших торговых центров Европы. В этом городе, расположенном на пересечении торговых путей, идущих с севера на юг и с востока на запад, жило свыше 30 тысяч человек, которые кормились прежде всего за счет торговли. По своему значению Прага значительно превосходила остальные чешские города. До некоторой степени с ней могла сравниться только Кутна Гора, расцвет которой объясняется развитием горнорудного дела.

В руках крупнейших бюргерских семейств концентрировался торговый капитал, это позволяло им занять господствующее положение в городе. «Не только торговля, а и торговый капитал старше капиталистического способа производства и в действительности представляет собою исторически древнейшую свободную форму существования капитала» *. Уже сам по себе торговый капитал подрывал феодальные отношения. Однако в руках пражского патрициата торговый капитал не стал острым оружием, ибо на него не создавали ремесленных предприятий, — его вкладывали в торговлю, на него покупали земельные участки, его обращали в сокровища. В самом деле, торговый капитал, если он не использовался для развития ремесленного производства, всегда выступал как сила, тормозящая общественное развитие; городской патрициат, сыгравший в период своего возникновения прогрессивную роль, становится в скором времени реакционной общественной силой. В начале XV века патрициат в Праге и других чешских городах был опорой реакции. Власть в городе принадлежала

---

* К. Маркс, Капитал, Госполитиздат, М., 1953, т. III, стр. 337.

нескольким патрицианским семьям, связанным друг с другом узами родства. Они были хозяевами городской ратуши и использовали власть для собственного обогащения. В чешских городах власть корыстолюбивого патрициата была еще более ненавистна потому, что патрициат здесь в большинстве своем был немецким, в то время как подавляющее большинство городского населения составляли чехи. Таким образом, социальные противоречия усугублялись национальными.

Против патрициата выступали также широкие слои ремесленников, которых мы условимся называть бюргерами. Бюргеры уже давно перестали быть только эксплуатируемым слоем населения — торговый расцвет городов позволил им накопить значительные средства (впрочем, ремесло, несмотря на его развитие, редко перерастало узкие рамки местного рынка). У бюргеров были все основания, чтобы возненавидеть богатый патрициат. За свои дома они обязаны были платить патрициям и монастырям арендную плату (вечная рента), суммы, поступающие от городских налогов, исчезали в бездонных карманах патрициев. В процессе торговли патрициат устанавливал контроль и над ремеслом. Правда, цехи пытались противодействовать этим посягательствам, однако, поскольку они покупали сырье и продавали готовые изделия, им волею-неволею приходилось сталкиваться с патрициатом, который умел использовать все средства, чтобы наполнить свою кошницу. «И эти хитрые ростовщики всячески грабят общину, ибо богатый ростовщик вмешивается в ее дела и продает, как ему вздумается, а так как у него много денег, то он не спешит покупать. И Прага погибает от того, что несколько жадных богачей назначают при покупке удобную им цену или завозят товары из других стран, продают их, как им заблагорассудится, заявляя, что товаров нет или их мало. И просят своих друзей в Венеции и других местах сообщить им, какие товары там всего дороже, а узнав это, сообщают другим, пугают их и побуждают их торговать»¹⁴. Конечно, такие действия наносили вред не только ремесленникам, но и всем потребителям и вызывали ненависть к патрициату. Поэтому раздоры и мелкие столкновения между цехами и захватившим власть патрициатом были обычным явлением в жизни чешских городов начиная с середины XIV века.

Так, например, в городе Брно во время волнений в 1378 году представители ремесленников требовали, чтобы восемь мастеров, чехов по происхождению, участвовали в заседаниях совета, когда там обсуждаются вопросы, касающиеся всей «общины» (то есть имущих слоев города). Точно так же и в Иглаве в 1391 году имели место выступления против патрициата. Однако все эти выступления были подавлены патрициями при помощи стражников.

Но патриции и бюргеры представляли состоятельные слои городского населения. Многочисленную группу населения составляла городская беднота, теснившаяся в лагунах предместий, в городских трущобах. Это были разорившиеся ремесленники, поденщики, челядь, работающие по найму подмастерья, а также подонки феодального общества — нищие и проститутки. Это не был сложившийся общественный класс, а только его зародыш. Эта часть городского населения, существование которой в течение длительного времени отрицали или недооценивали, представляла собой взрывчатый материал, готовый вспыхнуть от первой искры. Начиная с XIV века положение городской бедноты — вероятно, самой многочисленной группы населения чешских городов — неуклонно ухудшалось. Росли цены на самые необходимые предметы потребления, которые вынуждена была покупать городская беднота. Заработная плата при этом оставалась прежней, а если и возрастала, то все-таки не могла поспеть за растущими ценами. Поденщик или работник, работающий по найму, могли за ту же заработную плату купить все меньшее и меньшее количество предметов первой необходимости. Положение бедноты ухудшалось и в результате обесценения денег, особенно мелких, в которых выплачивалась заработная плата. К притеснениям в области экономической прибавлялись притеснения в области социальной и правовой. Все большее количество обнищавших ремесленников пополняло ряды бедноты. Единственным средством, при помощи которого беднота смогла бы устранить феодальный гнет, была революция. Бюргеры в борьбе с патрициатом использовали революционный энтузиазм городской бедноты; вместе с тем, однако, цеховые мастера боялись, как бы подмастерья и работники не рассчитались с ними самими. Поэтому беднота, представлявшая самое революционное

крыло движения, проливала кровь за чуждые ей классовые интересы. Она не могла найти себе союзников ни в кругах патрициев, ни в кругах бюргерства, ее союзником могло стать только крестьянство, подвергавшееся столь же жестокой эксплуатации.

Рассмотрим положение, создавшееся в чешской деревне в конце XIV и начале XV века.

Крестьянство в предгуситский период уже подверглось процессу социальной дифференциации. Наряду с зажиточными крестьянами, которые вели хозяйство на больших земельных участках (в пол-лана или целый лан), в деревне жили и малоземельные крестьяне, державшие четверть лана земли и меньше, затем безземельные крестьяне (то есть держатели ничтожных по своим размерам клочков земли или совсем лишенные земли). У всех этих крестьян была, по крайней мере, крыша над головой; они владели, правда, с соизволения господина, домом или жалкой лачугой. Однако в деревне работало также много челяди — поденщиков, служанок, которые вынуждены были зарабатывать себе кусок хлеба, нанимаясь на работу либо к пану, либо к зажиточному крестьянину.

Буржуазные историки изображали феодальную деревню в искаженном виде. Для них население деревни состояло только из зажиточных крестьян, сельских старост, владевших участками размером в лан или пол-лана, что же касается деревенской бедноты (безземельных крестьян, поденщиков, служанок), то ее для них вовсе не существовало. А между тем во многих деревнях крестьян, державших небольшие участки земли, было больше, чем крестьян, владевших участками в один лан. Так, например, владения Златокорунского монастыря в южной Чехии были раздроблены на мельчайшие участки. В деревнях, принадлежащих этому монастырю, на участке в один лан было несколько крестьянских хозяйств. Так, например, в Грбове на 19 человек приходилось 4 лана земли, в Дольних Храштянах на 14 человек — 3,5 лана, в Лгеницах на 50 человек — 6,53 лана, в Пржислопе на 9 человек — 2,26 лана и т. д. В связи с ростом населения дробились и более крупные участки земли*.

---

* Процесс дробления крестьянских участков объясняется в основном не ростом населения, а обнищанием крестьян, а нередко и частичной их экспроприацией. — *Прим. ред.*

населения все больше и больше нищала и была вынуждена наниматься на работу к зажиточным крестьянам или в панскую усадьбу. Конечно, положение деревенской бедноты было иным, чем положение сельских старост, пользующихся милостями панства или богатых крестьян. В нашем распоряжении нет источников, которые позволили бы нам описать жизнь деревенской бедноты, но и по отдельным намекам и упоминаниям мы можем составить себе представление о том, в какой нищете, в каких страданиях проходила эта жизнь. Ян Гус прямо пишет о том, что дворовые, поденщики и служанки были настолько обременены работой на пана, что им не разрешалось даже прийти послушать проповедь! «Поденщикам, служанкам запрещается ходить слушать проповедь, и они, бедняжки, боятся потерять хлеб, лишаются слова божьего»¹⁵.

Томаш Штитный, Ян Гус, Якоубек из Стржибра и Петр Хельщичский отстаивали интересы прежде всего деревенской бедноты, а не богатых крестьян (следует принять во внимание, что в старочешское понятие «беднота» включалось понятие всего крестьянства). Понятно, что деревенская беднота и зажиточные крестьяне по-разному относились к важнейшим проблемам, волновавшим тогдашнее общество. Зажиточные крестьяне видели в бедноте врага. В записанном Ондржеем Ржезенским диалоге между зажиточным крестьянином и священником речь идет как раз о такого рода противоречиях: «Однажды один зажиточный крестьянин в разговоре со священником сказал: «Мне кажется, было бы справедливо, если бы паны не обременяли нас так сильно». Тогда священник спросил: «А как это сделать?» Зажиточный крестьянин ответил: «А так, чтобы во всем было равенство». На это священник возразил: «Если ты такого мнения, то как бы тебе понравилось, если бы ты вошел к себе в дом, в котором ты хозяин, а твой слуга захотел бы быть тебе ровней?» Крестьянин ответил: «Да, это бы мне не понравилось». Тогда священник спросил: «А почему?» Крестьянин ответил: «Потому, что этого не может быть». «А если не может быть так, как ты говоришь, то что же тогда делать?» Крестьянин ответил: «Пусть же лучше тогда остается все по-старому, когда, согласно обычаю, низший подчиняется высшему»¹⁶. В этом диалоге наглядно и живо показано противоре-

чие между поденщиком и зажиточным крестьянином, противоречие, наличие которого препятствовало зажиточным крестьянам решительно выступить на борьбу с феодалами. Что же касается указанных выше мыслителей, то они, несомненно, защищали именно деревенскую бедноту и выступали против ее эксплуататоров. В тех случаях, когда писатели-современники говорят о благосостоянии деревни, они имеют в виду прежде всего зажиточных крестьян.

Имущество крепостных принадлежало церковным и светским феодалам. Крестьянин пользовался этим имуществом только с соизволения феодала. Владение крестьянина было наследственным, если оно было записано на основе так называемого заупного (немецкого) права, или пожизненно, если было записано на основе так называемого чешского права. В. И. Ленин в своем спределении феодализма отмечал, что одной из характерных черт этого строя является внеэкономическое принуждение. Казалось, что крепостной действительно работает на своей земле, однако он принужден был часть своего труда отдавать феодалу, владельцу этой земли, у которого всегда наготове было достаточно надсмотрщиков и слуг, чтобы заставить нерадивого крепостного выполнять его «обязанности». Обычно земля была обременена как денежным, так и натуральным чиншем. Ежегодно ко дню св. Георгия и св. Гавла крепостные обязаны были платить владельцу замка или монастырю определенную сумму и обеспечивать феодала продуктами (яйцами, птицей, зерном и т. д.). Кроме того, крепостной обязан был несколько дней в неделю нести на городской земле пешую или конную барщину.

Даже Халоупецкий вынужден был признать, что «в конце XIV века были случаи, когда барщина, которой был обязан крестьянин, доходила до пяти дней в неделю»¹⁷. Само собой разумеется, что вся тяжесть барщины падала прежде всего на бедняков, не имевших ни рабочего скота, ни поденщиков, которых можно было бы послать на барщину вместо себя. Мелким и безземельным крестьянам приходилось самим идти работать на поле феодала, оставляя свои крошечные участки необработанными.

К этим обычным повинностям, которые сами по себе были уже достаточно тяжелы для крепостных, прибавля-

лась еще так называемая «помощь» («помощью» назывались чрезвычайные повинности). Положение крестьян прекрасно характеризует пословица: «Крепостной, что верба, чем чаще ее обрубать, тем гуще она будет ветвиться»¹⁸. И феодалы «обрубали» нищую бедноту, как могли. Понятно, что при расточительности феодалов им всегда недоставало денег, и панские сундуки вечно были пусты. Это побуждало феодалов прибегать ко все новым и новым поборам. Налоги, которые в конце XIV века все чаще и чаще требовали от феодалов, немедленно перекладывались ими на плечи крепостных.

Князя, что войны затевают
И бедняков тем разоряют,
Налоги на налоги громоздят,
А короли со свитою дворян
Не меньше тянут из крестьян:
Оброки с каждого взимают,
Потом налоги выжимают¹⁹.

Так сатира того времени откликнулась на ухудшение положения крепостных. Было время, когда взимание податей было только предлогом для того, чтобы, как говорит Штитный, паны «могли использовать своих людей». Мы видели, что податное бремя неуклонно росло также в результате финансовой политики папской курии. Крепостные своим трудом кормили не только прелатов, каноников и жирных чешских монахов — они оплачивали роскошь папского двора.

Как уже говорилось, экономическое угнетение усугублялось правовым и политическим. Уже отмечалось, что крепостной держал землю только с соизволения господина. Правда, формально, согласно феодальному праву, владение крепостного было наследственным. Фактически же феодал всегда имел возможность согнать крестьянина с земли и поступить с его имуществом по своему усмотрению. Что подобные факты не были редкостью, свидетельствует сатира, бичующая действия панов:

Пан первым делом угрожал,
Что сгонит их с земли отцов
И превратит их в бедняков²⁰.

Но даже если крепостной владел своим хозяйством на праве наследования, его право собственности было

ограничено. Согласно праву на выморочное имущество, хозяйство крепостного, не оставившего прямых наследников, переходило в руки господина, который мог распорядиться им по своему усмотрению. В предгуситский период поднялась волна протеста против права феодала на выморочное имущество, которая захватила не только вождей реформаторского направления (например, Гус пишет целый трактат, в котором доказывает аморальность этого права), но и некоторых представителей высшего духовенства (выступление архиепископа Яна из Енштейна и трактат Кунеша из Тржебовле). Кроме того, некоторые феодалы почувствовали, что было бы неблагоразумно рассчитывать дольше на бесконечное терпение крестьянства. Вот почему пражский архиепископ и присоединил свой голос к голосу реформаторов, требовавших ликвидации права феодалов на выморочное имущество. Феодалы при этом хотели убить двух зайцев: убедить крепостных, что им оказывают благодеяние, что повинности их, таким образом, резко снижены, и одновременно пополнить карманы, заставив крестьян выкупать право феодала на выморочное имущество. Крепостные должны были дорого заплатить за ликвидацию этого права. Право на выморочное имущество в церковных (например, во владениях пражского архиепископа), а также в светских владениях было действительно уничтожено, но этот дар данайцев не мог удовлетворить крестьян и задержать развитие революционного движения. Во владениях Рожемберков в южной Чехии ликвидация права на выморочное имущество была начата только в 1418 году, когда революционный пожар уже охватывал одну деревню за другой. Что же касается владений Златокорунского монастыря, то здесь, так же как и во многих других церковных владениях, это право вообще не было ликвидировано.

В правовом отношении крепостной также был отдан на милость, вернее, на произвол феодалов, — он был подсуден только панскому суду. Феодалы превратили правосудие в орудие выкачивания новых средств. «Еще раз напоминаю тебе, — писал Гус одному судье, — что когда ты судишь, то не требуй денег за каждое слово, как это делают многие, присуждая бедняков за каждое попросту сказанное слово к штрафу или к смертной казни... К сожалению, иные радуются тому, что их крепостные

допускают проступки; они радуются драке, как доктор — ране, как священник — смерти: пан получит штраф, доктор — за лечение раны, а священник — за исполнение требы»²¹. Каждый проступок крестьянина служил для панских судей предлогом для взыскания с него денег. Не лучше, чем феодалы, вели себя в деревне их слуги, набивавшие свои карманы за счет крестьян. В сатире «Конюх и ученик» конюх, в бедственном положении которого ученик говорит с таким сожалением, хвастливо заявляет, что он живет хорошо:

Можешь этому поверить,
Мужики меня боятся.
Стоит с ними повстречаться,
Подойти лишь стоит близко,
Как все кланяются низко:
«Здравствуй, пан!» — и со всех ног
Поскорее наутек...²²

И если даже не следует верить всему, что говорит хвастливый конюх, все же по этим сатирическим стихам можно ясно представить, каковым было его посещение деревни. Чем больше унижений терпел слуга от своего господина, тем большее значение хотелось ему приобрести в глазах деревенских жителей. А быть паном означало презирать уже самый факт существования крестьян. «Ибо в глазах этих людей [то есть феодалов. — *И. М.*], высоко задиравших голову, простые и угнетенные люди все равно, что псы: поэтому нет такого оскорбления, которому бы их не подвергали. Они дрянь, они деревенщина, воры и совы, они холопы и уроды в семье»²³. Так относились феодалы к источнику своего благосостояния. Феодала и крепостного разделяла пропасть.

Помимо основных податей, крестьяне были задавлены множеством мелких повинностей. Крепостные должны были поставлять продовольствие, фураж и скот во время войн и частых феодальных усобиц, нести военную службу, ремонтировать дороги, оказывать мелкие услуги во время панских игр и развлечений — все это входило в их «обязанности». Впрочем, феодал не обращал внимания ни на сложившиеся обычаи, ни на письменные соглашения. Если ему что-либо было нужно, он просто брал

это у крепостных; если ему нужны были ловчие для охоты или поденщики, он посылал за ними в деревню. «А члены святой церкви тянут с крестьян в таком размере, что невозможно наложить на крепостных новый оброк или придумать им какую-либо новую отработку, а сами они, сидя в холодке, смеются над этими холопами, изнывающими на жаре, или их, плохо одетых, выгоняют в сильный мороз на зайцев, а сами в этом время сидят в тепле»²⁴.

Но даже и после того, как крепостной выполнял все эти повинности, его не оставляли в покое.

За светским феодалом приходил священнослужитель. Священники стригли свою паству и брали со всякого имущества десятую часть, которую они выколачивали с необычайной жестокостью. «Горе правителям, бессердечным панам, — восклицает Ян Гус, — но хуже всего придется священникам, которые притесняют и душат бедняков, когда те не могут заплатить десятину, и теснят их, чтобы выжать из них плату за требу»²⁵.

Однако повинности крестьян по отношению к церкви не ограничивались десятиной. Мы уже приводили высказывание Яна Гуса о том, что простой верующий должен был платить церкви с колыбели до гроба, в час рождения и в час смерти. Предприимчивые священники и прелаты при помощи «чудес» — «кровоточащих просфор», «явления девы Марии» и т. д. — умели завлекать паломников в церкви, а собирая милостыню и требуя дарений, отнимали у простых людей последний грош. «А потому так много развелось различного рода монахов, каноников, крестоносцев, законников и иных священников, которые, подобно панам, хорошо едят и пьют, богато одеваются, строят себе высокие дома и хоромы и тунеядствуют. И все это ценой пота и крови крепостной общины, путем измышлений и лжи; община для них не член единого тела, а пес, служащий им на посмешище»²⁶. Эта мрачная картина, нарисованная Хельчицким, наглядно показывает, что простой крестьянин действительно получал «множество благоденний» от святой церкви.

Невыносимо тяжкие страдания крестьянства в предгуситский период были основной темой, к которой обращались в своих трактатах мыслители и писатели. Наблюдая мученическую жизнь, нужду и страдания одних, тунеядство, роскошь и разврат других, они приходили к

выводу о необходимости изменить существующее положение и призывали к преобразованиям. Те проповедники и ученые, которые вышли из народа, знали его нужды, не закрывали глаз на весь ужас его положения. Именно они подняли голос протеста.

Реформаторская литература конца XIV и начала XV века откликнулась на страдания и бедствия простого народа. Петр Хельчицкий, сравнив страшную действительность с представлением об идеальном общественном строе, пришел в своем трактате «О трёхчленном народе» к выводу, что равенства между «тремя сословиями» в отношении прав и обязанностей в действительности не существует, что эксплуатируемый трудовой народ принужден потом своим и кровью питать два высших сословия. «И если уже исходить из того положения, что раз страдает один член тела, с ним вместе должны страдать все члены, то как же тогда объяснить тот факт, что одни, держащие меч, попирают, мучают, истязают и заточают в тюрьмы, обременяют барщиной малых сих так, что те едва держатся на ногах, а угнетатели бродят, как раскормленные кони, сытые и праздные, насмеваются над ними, а священники, как острые глаза на этом теле, смотрят во все стороны, чтобы еще содрать, и все вместе — паны и священники — ездят на трудовом народе, как им заблагорассудится. Как далеко ушли они от учения святого Павла, изрекшего, чтобы все члены страдали в случае бедствия какого-либо одного члена. Одни плачут, потому что их бьют, сажают в тюрьмы, обыскивают, другие же — насмеваются над их бедой»²⁷. Буржуазные историки приукрашивали положение крестьян в конце XIV и начале XV века, которое в действительности все больше и больше ухудшалось. В. Халоупецкий, ученик Пекаржа, в популярной работе «Сельский вопрос в гуситстве»²⁸ посвятил положению чешской деревни накануне 1419 года всего лишь 50 страниц, тем не менее данный им «анализ» послужил основой, из которой исходили в своих писаниях прочие буржуазные историки и прежде всего Пекарж. Правда, Халоупецкий, исходя главным образом из высказываний реформаторов, начиная с Вальдгаузера и кончая Гусом, подробно показал те бедствия и страдания, которые выпали на долю чешского крестьянства, но его выводы противоречат тому материалу, который он сам же собрал. Халоупецкий обра-

щал внимание главным образом на правовую сторону взаимоотношений крепостных и феодалов, уделив экономическому положению крепостных всего лишь несколько беглых фраз²⁹. Это-то и дало ему возможность говорить об относительно благополучном положении крепостных. При этом Халоупецкий стоял на позициях наивного идеализма. Достаточно процитировать несколько его высказываний, чтобы понять, почему его взгляд является совершенно ошибочным. Гуситство, по его мнению, порождено «западными идеями и устремлениями»³⁰. Гуситы — прямые наследники запада³¹, гуситское время «движется идеей»³², а народ «живет под воздействием выступлений и трактатов»³³. Этот идеализм достигает кульминационного пункта в объяснении причин перехода к действиям, к гуситской революции; причины эти Халоупецкий усматривает в «свойствах чешской души с ее несколько наивной, но истинно прекрасной мечтой об осуществлении гуманных стремлений»³⁴. В действительности произведения Халоупецкого отражают космополитизм чешской буржуазии, объединившейся с империалистами Запада; буржуазные историки, прикрываясь идеалистической фразеологией, стремятся фальсифицировать данные о положении чешского крестьянства, затушевать классовые противоречия и классовую борьбу, предать забвению революционные традиции чешского народа.

Разобрав экономическое и социальное положение Чехии в предгуситский период, мы видим, что прав Желивский, говоря о зловонном море, где большая рыба заглатывает малую — богач пожирает бедняка. Все более углубляющиеся классовые противоречия вели к революционному взрыву. Кризис феодального общественного порядка распространялся не только на класс эксплуатируемых, но и на класс эксплуататоров. Усиление классовых противоречий во всех слоях общества вылилось в гуситское революционное движение — самый грандиозный из бывших до того времени классовых боев эпохи феодализма. «Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XX веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-ста-

рому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда «низы» *не хотят* старого и когда «верхи» *не могут по-старому*, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса»*. Экономическое и социальное положение предгуситской Чехии является еще одним подтверждением этого закона. Общенациональный кризис, захвативший и эксплуатируемых и эксплуататоров, подготовил в Чехии почву для гуситского революционного движения, которое потрясло старый общественный строй гораздо сильнее, чем другие антифеодальные революционные восстания. Следует отметить, что во всех классовых столкновениях имела одна общая особенность — все они были направлены против крупнейшего феодала — церкви. Поэтому в начале движения создалась широкая гуситская коалиция, к которой принадлежали не только крестьянство, городская беднота, бюргеры и низшее дворянство, но и часть панства, мечтавшего захватить церковные имения. Однако вскоре эта широкая коалиция классов распалась в зависимости от классовых интересов на три определенных лагеря. Реакционный феодальный блок опирался на высшее духовенство, богатые монастыри, на немецкий патрициат и богатое панство. Революционные силы нашли поддержку в наиболее угнетенных слоях — у городской и деревенской бедноты. Бюргерство и низшее дворянство, классовые интересы которых были близки, стали на путь борьбы, однако, не очень решительной.

Политика бюргерской оппозиции (я понимаю под этим термином союз низшего дворянства и бюргерства) была политикой компромисса, поскольку бюргерская оппозиция считала своим врагом не только лагерь реакции, но и весь эксплуатируемый народ. Противоречие классовых интересов не могло не отразиться и на идеологии.

---

* В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., т. 31, стр. 65.

**ГУСИТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ
КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ЧЕШСКОГО ОБЩЕСТВА**

Идеология католической церкви как идеология феодального общества. — Ереси как религиозная форма борьбы с феодализмом. — Проповедь Конрада Вальдгаузера, Яна Милича из Кромержижа, Матвея из Янова и трактаты Томаша Штитного как выражение кризиса чешского общества. — Жизнь, деятельность и революционное наследие магистра Яна Гуса. — Католическая догматика как идеология реакционного лагеря — церковной иерархии, панства и немецкого патрициата. — Хилиазм — идеология бедноты. — Четыре пражские статьи как выражение классовых интересов бюргерской оппозиции. — Расслоение внутри гуситского революционного движения.

Чтобы понять идеологию гуситских священников и мыслителей, следует ясно представить себе те функции, которые выполняла церковь в средние века. Идеология католической церкви служила мощным орудием защиты всего феодального строя. Мы уже указывали, что церковное учение «о тех, кто молится, кто властвует и кто работает», соответствовало классовым интересам феодалов.

Постепенно приобретая земельные владения, церковь в Чехии превратилась в самого богатого феодала. Могущество церкви объясняется не только тем, что ей принадлежала земля и живущие на ней крепостные, — церковь постепенно стала господствовать и над мыслями людей. Следует помнить, что образование фактически оставалось монополией духовенства. Университет был в руках теологов, а научная деятельность, если вообще можно о ней говорить, не шла дальше разбора и толкования «Священного писания».

Церковь, кафедра проповедника были единственным местом, где теория могла прийти в соприкосновение с повседневной жизнью. При создании политических концепций или выработке правовых норм опирались на

авторитет церкви и на «Священное писание», которое рассматривалось как неисчерпаемый клад премудрости. Священник — ученый, священник — писатель, священник — судья и, наконец, священник — политик и феодал — так практически проявлялось владычество церкви над верующими. Если прибавить к этому злоупотребления исповедью, спекуляцией на «чудесах», торговлю индульгенциями и «заступничеством перед богом», угрозы адских мук, отлучения, проклятия, интердикт, — станет ясно, почему борьба против феодализма неизбежно должна была принять форму религиозной борьбы. «Ясно, что при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все социальные и политические революционные доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости» *.

Только рассматривая средневековые ереси с поверхностной, идеалистической точки зрения, можно считать их простым отклонением от церковной догматики. В действительности для простого человека это был наилучший способ выразить свой протест против эксплуатации; он бросал своего духовного пастыря, отказывался верить тому, что ему проповедовали в церкви, и шел на призыв странствующих проповедников, обещавших иным путем освободить людей от «юдоли слез», чем тот, который указывала церковь, призывавшая к покорности и к отречению от всего земного.

Мы уже говорили о том остром кризисе, который переживало в предгуситский период низшее духовенство, все более нищавшее и вынужденное искать источник существования помимо церковных доходов. Именно это-то низшее духовенство лучше, чем кто-либо другой, могло сравнить «церковь христову», о которой говорится в «Священном писании», церковь бедных и смиренных братьев, с современной им церковью, церковью богатых и безнравственных священнослужителей, которых они встречали на каждом шагу. Действительно, эти священ-

---

* Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М., 1952, стр. 34.

ники, вышедшие из народной среды и живущие среди народа, были самым ходом вещей предназначены к тому, чтобы воспринять гуситскую ересь и в ней выразить свой протест, протест всего народа против феодального бесправия.

Пока идеи исправления церкви, а тем самым и всего общества, истлевали вместе с толстыми фолиантами и трактатами, в которых они содержались, они не представляли для феодалов большой опасности. Опасность таилась в том, как бы эти идеи не дошли до масс. А мостом, соединяющим теорию и практику в средние века, была кафедра проповедника.

Ф. М. Бартош с полным правом говорил об огромной роли проповеди, сравнивая значение кафедры со значением печати в наши дни.

Проповеди священников, воодушевленных идей исправления церкви «во главе и членах», а таким образом и всего общества, находили горячий отклик в сердцах простых верующих, наиболее остро ощущавших «порчу церкви», ибо они каждодневно подвергались жестокой эксплуатации со стороны церковных феодалов. Таким образом, в Чехии во второй половине XIV века в связи с неуклонно углубляющимся кризисом всего феодального общества развивается и становится все более радикальной реформаторская идеология. Эта идеология превращается в революционную идеологию.

Первым известным проповедником, начавшим во второй половине XIV века ожесточенную борьбу против «греховности» современного ему общества, был Конрад Вальдгаузер. Оставаясь верным ортодоксальной церковной догматике, он, тем не менее, обличал злоупотребления церкви и всего господствующего класса и тем расчистил путь другим проповедникам.

Милич из Кромержижа пошел много дальше Вальдгаузера. С пражской кафедры Милич уже открыто и гневно обрушивался на пороки короля и церкви. Известно, что в своей горячности Милич не побоялся назвать «великим антихристом» самого императора Карла IV. По словам Милича, «все правители, как светские, так и духовные, если они не придерживаются справедливости,— не владыки, а разбойники»¹. Такого рода проповедям феодалы уже больше не могли попустительствовать. Карл IV приказал бросить Милича в темницу, а

кардиналы позаботились о том, чтобы «огненный проповедник» познакомился с тюрьмой в Авиньоне (в папской резиденции). Последующий проповедник, Матвей из Янова, развивая идею исправления церкви, не выступал в своих проповедях так резко, как Милич. Правда, он порицал высокомерность королей и князей, восхвалял «апостольскую бедность» раннехристианской церкви и ставил ее в пример духовенству, однако, обещая народу вечное блаженство на том свете, он тем самым призывал его смириться с тяготами земной жизни. Также и Томаш Штитный, мирянин, рыцарь из южной Чехии, человек образованный, хорошо понимавший испорченность современной ему церкви, не мог, однако, в своем обширном труде подняться до революционной идеологии. В трактатах Штитного слишком явно на первый план выступают интересы феодалов. Подобно Матвею из Янова, который зависел от милости двора и панства и был связан с обязательствами, вытекавшими из этих «милостей», Штитному не удалось преодолеть классовой ограниченности. Основы той революционной теории, которая в своем дальнейшем развитии вдохновляла народные массы на борьбу, создал магистр Ян Гус.

К концу XIV века было много священников, которые едва сводили концы с концами. Из среды этих-то бедных священников и выходили самые усердные толкователи «закона христового», самые горячие борцы за создание на земле справедливого строя, которые твердо следовали идеалам раннехристианской бедной церкви и сами терпели нужду. В них бедный крестьянин, жестоко эксплуатируемый дворянином или прелатом, нашел своих защитников. Они были выразителями настроений широких трудящихся масс. К этим священникам принадлежал и магистр Ян Гус. Он родился около 1371 года в Гусинце (южная Чехия). Его родители были людьми малосостоятельными. Одаренный мальчик рос в бедности; с ранних лет он горячо мечтал о высшем образовании. Позднее, уже в зрелом возрасте, Гус вспоминает слова своей благочестивой матери: «А моя мать учила меня говорить: Аминь, дай бог, чтоб так было»². Таким же благочестивым и кротким оставался до самой смерти и Гус. В студенческие годы немало было, разумеется, и веселой необузданности: «Пока я был молод летами и разумом, я совершал в жизни и сумасбродства, но когда господь

раскрыл мне смысл писания, я вычеркнул эти сумасбродства из числа своих глупостей»³. Он прекратил эти сумасбродства еще и потому, что с самого начала пребывания в университете столкнулся с огромными лишениями. У бедного студента не было особых оснований для буйного веселья. «А я, когда был голодным студентом, делал ложку из хлеба, съедал горох, а потом съедал и ложку»⁴. Горох и сухой хлеб — еда бедняков — такова была пища бедного студента из южной Чехии. Не удивительно, что уже тогда он смотрел подчас с нескрываемым раздражением на богатства некоторых пражских священников, сравнивая их роскошь и свою бедность. «Когда я был студентом и пел с другими за вечерней, мы пели только, чтобы отделаться, потому что деньги получали другие, а нас только дергали и помыкали нами»⁵. Таков был удел всех эксплуатируемых в феодальном обществе. Они трудились до полного изнеможения, а паны загребали звонкую монету и туго набивали себе кошелек; пока бедные студенты пели, прелаты отнимали у верующих последний грош. Не удивительно, что бедный студент мечтал тогда о теплом месте священника. «Я признаю свое дурное вожделение: когда я был студентом, я хотел скорее стать священником, чтобы иметь хорошее жилье и имущество и чтоб люди меня почитали. Но это дурное вожделение я осознал, когда постиг писание»⁶. Но «постигнув писание», то есть глубоко продумав «Священное писание», творения отцов церкви и чешских мыслителей, он начал внимательно приглядываться к окружающему и пришел к убеждению, что существующий общественный порядок должен быть исправлен. Гус, который вышел из народа и был кровно связан с народом, со свойственной ему пронизательностью видел, что общество и особенно церковь далеки от идеала первоначальной церкви и бедной простой апостольской общины. В период такого рода размышлений он познакомился с произведениями английского реформатора и мыслителя Джона Уиклифа. «В день святого Иеронима Славянина» (30 сентября 1398 года) он кончил переписку ряда его трактатов.

Это были минуты глубокого волнения, когда Гусу, читавшему резкие выступления Уиклифа против современной ему церкви, казалось, что английский реформатор высказывает его же собственные мысли. В радостном

волнении он приписал к заключительным словам трактата Уиклифа: «О Уиклиф, Уиклиф, не одному человеку полонишь ты душу»⁷. К этому времени Гус уже окончил университет, стал бакалавром, а затем и магистром философского факультета.

В 1401 году он записал в деканскую книгу философского факультета: «Я, Ян из Гусинца, магистр свободных искусств, был избран деканом. Присягал и обещал и принял обещания от присутствовавших тогда магистров согласно статуту этого факультета»⁸. Однако на этом и кончилась его деятельность на философском факультете. Гус перешел на богословский факультет, который открывал ему доступ к сану священника. Он, разумеется, не искал, подобно другим, в этом сане возможности разбогатеть. Он понимал, что проповедь — лучшее оружие в борьбе против несправедливости, что только с кафедры можно говорить с народом, что священник может вступить в наиболее тесное соприкосновение с народными массами.

Вот почему Гус сразу же после посвящения хлопочет о месте проповедника во вновь учрежденной Вифлеемской часовне. 14 марта 1402 года он был утвержден в качестве проповедника в Вифлееме.

Необыкновенная способность Гуса делать понятным для простого слушателя самые сложные вопросы, его умение понять все горести мелкого ремесленника или поденщика — все это привлекло к Вифлеему самые широкие слои пражского населения.

Исполненные красноречия проповеди популярного проповедника привлекли в Вифлеем и некоторых представителей высших слоев общества. Однако основную массу слушателей составляли мелкие ремесленники, трудовой люд — это ясно из самого содержания проповедей магистра. Вновь и вновь в своих проповедях он обличает богатых священников, которые давно перестали быть представителями «церкви христовой». Праведная жизнь духовенства возможна только в том случае, если оно откажется от своих богатств. Гус нападает не только на богатых прелатов, но и на дворян, которые нещадно эксплуатируют своих крепостных. «О, горе! Светские паны, притворяясь нуждающимися, обирают своих крестьян, взимая с них поборы. А что еще отвратительнее, прелаты церкви, такие, как папы, архиепископы, епископы, архидиаконы, аббаты, пробсты, каноники и их

приспешники, пуще огня боящиеся бедности, умножают свои доходы поистине дьявольскими средствами»⁹.

Не удивительно, что нападки на богатых и сильных и, в первую очередь, борьба против богатства духовенства вызвали у тех, против кого были направлены проповеди Гуса, желание заставить его замолчать. Попробовали стать на путь любовной сделки, но Гус на это не пошел. Пришлось избрать иную тактику.

В 1409 году архиепископ запретил проповедь в часовнях и небольших церквах. Это была явная попытка заставить Гуса замолчать. Но Гус не испугался, он продолжал борьбу. Тогда прелаты во главе с архиепископом прибегли к другому оружию: они объявили Гуса еретиком, отлучили от церкви и лишили таким образом возможности продолжать проповеди. Они прекрасно понимали, что выдвинутое Гусом требование «бедной церкви» представляет угрозу их самым кровным интересам. Они не собирались отказаться от покоя и удобств, оставить пышные дворцы ради простых лачуг, забыть о роскошных яствах, лакомствах и дорогих винах. Чтобы сохранить свои богатства, они не останавливались ни перед какими средствами.

Они знали, что Гус всецело разделяет взгляды английского реформатора Уиклифа, который после своей смерти был как еретик отлучен от церкви, и решили прибегнуть к тому же способу, чтобы заставить замолчать вифлеемского проповедника.

Архиепископ запретил распространять учение Уиклифа. Сочинения Уиклифа были сожжены во дворе архиепископского дворца (причем у Гуса также были отняты рукописи). Однако это не испугало Гуса, он с вифлеемской кафедры протестовал против сожжения.

Именно в этот момент стало особенно ясно, насколько тесно Гус был связан с народом, как велико было влияние его проповеди. Передают, что в этот период Гус сказал: «Вот я отказался повиноваться приказам архиепископа и сейчас отказываюсь, — хотите ли вы, несмотря на это, идти за мной?» На это народ закричал: «Хотим и будем с тобой!» «Так знайте, — продолжал Гус, — что я хочу проповедовать и дальше и, следовательно, либо буду проповедовать, либо буду изгнан из страны, либо умру в темнице. Папы, конечно, лгали и лгут, но бог не лжет: выбирайте, кто хочет быть со мной, оставайтесь и не

бойтесь отлучения, потому что ради церкви, ее закона и обычая вы вместе со мной оказались еретиками», и прибавил: «Поверьте, нужно было бы, как повелел Моисей в Ветхом завете, чтобы каждый, кто хочет защищать закон божий, препоясался мечом и был готов, — так нужно, чтобы и мы препоясались и защищали закон божий!»¹⁰ Голос Гуса звучал как трубный сигнал, зовущий к бою. И хотя в Констанце, как мы знаем, Гус, объясняя эти слова, утверждал, что он призывал лишь к духовному бою, он, тем не менее, вызвал столь живой отклик в сердцах простых слушателей, что они выступали за Уиклифа, за Гуса, против архиепископа Збынека Зайца из Хазенбурга.

Епископ Збынек Буки-Аз
Книг немало сжег у нас,
Что в них писано, не знает —

распевали на улицах мальчишки и взрослые и прибавляли:

Збынек книги сжег,
Зденек их поджег.
Опозорил Чехии сынов!
Но проучим лживых мы попов!¹¹

Народ тогда уже открыто стал на защиту магистра Яна и Уиклифа. Народная ненависть против церкви вспыхнула с особой силой несколько лет спустя, когда в Прагу явились посланцы папы Иоанна XXIII продавать индульгенции. Каждому, кто платил и тем самым содействовал военной кампании папских войск, были «отпущены грехи».

В Прагу прибыл к нам легат,
Стал кардиналов созывать,
Чтобы вместе начинать
Грابتь, деньги выжимать
Изо всей страны.
Отпущений тянет воз он,
Барабанщик рад и козам,
Если ж кто овцу вручит,
Рим того освободит
От гибели и пекла.

А стихотворец тотчас подхватывает гневные слова Гуса против этой спекуляции на чувствах верующих:

Магистра Гуса возмущает,
Писанье божье нарушает,
Что люди с богом торг ведут
О том, что в лучший мир войдут
Еще на этом свете¹².

О том, как к проповеди Гуса относился народ, видно из листовки того времени: «Верьте больше магистру Гусу, который говорит правду, чем мошеннической шайке прелатов, погрязших в конкубинате и симонии¹³. Выступления Гуса против индульгенций глубоко запали в душу простого человека. Богатым церковным сановникам стало ясно, что нужно любой ценой избавиться от Гуса.

Гус знал, что в народе он найдет опору. Поэтому его не испугали ни обвинения в ереси, ни отлучение, он продолжал борьбу против пороков церкви, за реформу общества. Он не прекратил своей деятельности даже тогда, когда вынужден был покинуть Прагу. Ведь еще в Вифлееме он ясно сказал: «Проповедник не смеет откаться от своего долга ни из-за злобного проклятия, ни уступая просьбам, ни из-за земных соблазнов, ни по внушению дьявола»¹⁴.

Итак, «злобные проклятия» не заставили его замолчать. Он проповедовал в чешских деревнях, в городах, в крепостях, на лоне цветущей природы, — везде, где вокруг него собирались крестьяне, жаждущие послушать проповедника. А как его слушали! Ведь слушали его собственными глазами видели богатства панов и на собственном опыте испытали тяжесть церковной десятины. «Сначала я проповедовал в городах и на улицах, а теперь проповедую около изгородей, возле замка, который называется «Козий», на дорогах и проселках»¹⁵.

Если в Вифлеемской часовне обличительная проповедь Гуса находила благодатную почву прежде всего в среде измученного городского люда, то во время пребывания Гуса в деревне его главными слушателями были крестьяне. Его выступления против феодальной эксплуатации, проповеди, в которых он говорил о бедствиях крестьян, встречают живой отклик в народе. «Вы, священники, а вместе с вами и монахи, обираете бедноту путем лицемерия и хитрости, путем симонии. А вы, миряне, занимаетесь ростовщичеством, творите неправый суд, насильничаете, вымогаете, измышляете провинности

и взимаете поборы с наследства»¹⁶. Встречающиеся уже в проповеди Матвея из Янова восхваление бедности в устах Гуса звучит с новой боевой силой, поскольку он обращается с этой проповедью непосредственно к бедноте: «Если епископ погряз в разврате, а мирянин не ведет за собой никакого смертного греха, старается не грешить и действительно за ним нет смертного греха,— тогда мирянин, будь он бедный крестьянин или бедная женщина, больше значит в глазах господ»¹⁷. Эти слова могли бы потонуть в ученых трактатах и остаться без отклика. Но они были обращены к простым беднякам, они будили и поднимали эксплуатируемый народ, который до тех пор ничего не видел, кроме презрения и издевательств. Ставить бедного крестьянина наравне с епископом и, более того, утверждать, что он выше епископа, значило уничтожить ореол святости, на который претендовали священнослужители, и пробудить самосознание угнетенных.

Козий Замок в южной Чехии — любимое пристанище Гуса. Здесь он продолжает свои научные занятия и еще больше убеждается в правоте своих убеждений. Теперь он готов перед кем угодно отстаивать свои идеи исправления современного ему общества. Он верит в себя, он верит, что дело простых людей, которое он защищает, должно победить. С этой твердой уверенностью он 11 октября 1414 года отправляется в Констанц, где надеется защитить истину перед лицом всего тогдашнего образованного общества. Он полон оптимизма, ему и в голову не приходит, что прав будет его верный почитатель портной Андрей Поляк, который, расставаясь с ним в Праге, сказал ему: «Храни тебя бог! Мне кажется, что ты не вернешься!»¹⁸.

С этого момента его жизнь становится все более сложной. Сначала в Констанце все шло хорошо, он работал, писал письма в Чехию. Но однажды ночью его отвели в тюрьму. Мужество и там не покидает его. Епископ Отто в сопровождении 170 вооруженных людей отвез его в лодке в свою крепость Готтлиб. Напрасно просит Гус своих друзей: «Если вы любите бедного Гуса, позаботьтесь, чтобы король приставил ко мне свою стражу или в этот же вечер освободил меня»¹⁹.

Его призывы тщетны, одна лишь железная камера с ее мертвой тишиной свидетельница его страданий.

Заклоченный в темную башню, открытую холодным ветрам, днем и ночью закованный в тяжелые железные кандалы, терзаемый муками голода, он, все еще исполненный надежды, ожидал суда. И только очутившись лицом к лицу с собором, он понял, что его констанцский спор проигран*.

Вероломный император Сигизмунд и высшие церковные сановники готовы были погубить всякого, кто подрывал основы их власти и посягал на их привилегии. Вот почему тот бой, в который героически вступил Гус, должен был неизбежно окончиться поражением. Чашу страданий магистра переполнила бесстыдная клевета на него со стороны его бывших друзей, которые состояли на службе у императора и церкви.

В продолжение долгого суда решался один вопрос — удастся ли церкви поставить на колени мятежного магистра или он, выдержав физические мучения, устоит также и перед душевными муками. И то, что Гус не отрекся от своей правды, доказывают слова, которые он бросил в лицо всему собору, передававшему его как еретика в руки светской власти: «Я стою перед судом божьим, который будет судить и меня и вас по делам нашим»²⁰. Оставалось всего несколько дней до казни. Полный смирения, Гус вспоминает в темнице всех своих знакомых, родных, все счастливые минуты, проведенные в Чехии, вспоминает всех своих земляков, к ним обращается он в своих последних письмах. Он призывает их жить в единении и согласии и остаться верными тем идеям, которые они когда-то разделяли с ним. Он обращается ко всем слоям общества: «Молю панов милостиво относиться к беднякам и обращаться с ними по справедливости. Молю горожан честно вести торговлю. Молю ремесленников верно вести свое дело и пользоваться его плодами. Молю слуг верно служить своим господам и господам. Молю магистров, чтобы они, ведя праведную жизнь, верно учили своих учеников, а главное, любили бога, учили во славу его и на процветание общества и во имя своего спасения, а не ради корысти или ради мирского возвышения. Молю студентов и всех учеников слушаться своих учителей и следовать им во

---

* На соборе Гусу вообще не дали говорить, от него требовали только, чтобы он полностью отрекся от своего учения. — *Прим. ред.*

всех их добрых начинаниях и усердно учиться во славу божию и на спасение свое и других людей»²¹.

Среди этих размышлений о родине застал его день 6 июля 1415 года. Его вывели из тюрьмы. Лишенный сана священника, с колпаком еретика на голове, он шел по Констанцу и пел дорогой духовные песни.

О последних минутах жизни магистра Яна мы знаем благодаря Петру из Младеновиц, который присутствовал при мученической смерти вифлеемского проповедника: «А место, на котором он был замучен, было нечто вроде луга среди садов констанцского предместья. Итак, сняв с него верхнюю черную одежду, в рубашке, крепко привязали его веревками в шести местах к какому-то толстому бревну, руки скрутили назад и, заостривши бревно с одного конца, воткнули его в землю, а так как лицо Гуса было обращено к востоку, некоторые стоявшие тут сказали: «Поверните его лицом на запад, а не на восток, потому что он еретик».

Так и сделали. Он был привязан к этому бревну за шею черной закопченной цепью, на которой какой-то бедняк вешал свои котелки на огонь. И увидев эту цепь, он сказал палачам: «Господь Иисус Христос, мой милый искупитель и спаситель, был связан за меня более жесткими и тяжелыми путами, и я, бедный, не стыжусь за его святое имя быть привязанным этой цепью». А под ноги положили ему две вязанки дров, а на ногах у него были башмаки и одна колодка. Обложили его со всех сторон этими дровами, вперемежку с соломой, близко к телу, до самого горла. А до того как поджечь, подъехали к нему имперский маршал Гаппе из Попенгейма и с ним сын Клема, увещевая магистра отречься от своего учения и проповедей и подтвердить это присягой. А магистр Гус, подняв глаза к небу, торжественным и ясным голосом ответил: «Бог мне свидетель, я никогда не учил и не проповедовал всего того, что несправедливо приписали мне, используя лжесвидетелей; первой мыслью моей проповеди, учения и писания и всех моих прочих поступков было желание спасти людей от греха. За эту правду закона божьего и толкований святых и ученых мужей, которой я учил, о которой писал и которую проповедовал, хочу сегодня с радостью умереть». Услышав это, маршал с сыном Клема хлопнули в ладоши и отъехали от него прочь. И тогда палачи подожгли

костер. А магистр высоким голосом запел: «Христос, сын бога живаго, помилуй нас!» И во второй раз: «Христос, сын бога живаго, помилуй меня!» А когда он в третий раз хотел запеть, поднялся ветер и направил пламя ему в лицо. Итак он умолк и, молясь про себя, испустил дух. А перед тем как умереть тихо шевелил губами и качал головой, как человек, который скороговоркой три раза произносит «Отче наш»²². Прах Гуса был брошен в Рейн, чтобы и воспоминания не осталось о «скверном еретике».

От обличений общественных зол до призыва к борьбе с этим злом — таков путь Гуса. Этот путь ясно показывает диалектическую связь выдающейся личности с революционным народом. Гус вел широкие массы простых верующих, чешский народ по пути к освобождению от эксплуатации, воодушевлял, ободрял и поддерживал его; одновременно самого Гуса вели, увлекали за собой, воодушевляли и поддерживали его слушатели, к которым он так горячо был привязан. Если бы не глубокая любовь к народу, радости и горести которого он так хорошо знал, Гус не смог бы так стойко перенести все мучения темницы и клевету, не смог бы преодолеть страха смерти и мужественно взойти на костер.

Констанцские письма Гуса исполнены пламенной любви к людям, веры в них и чувства близости к ним. Так, еще 16 июня в тюрьме, в одиночестве, он вспоминает друзей по университету, друзей из среды мелких горожан, ремесленников, всех дорогих ему людей, оставшихся дома, в Праге, в Чехии, к ним обращены его мысли. «Докторов, моих возлюбленных братьев во Христе, сапожников, портных и писарей приветствуй также и скажи им, чтобы они пребывали ревностными к закону христову, были смиренны духом и не полагались на собственные толкования, а только на толкования святых отцов. Сыновей моего брата, если можно, пристрой к ремеслу, я боюсь, как бы они, перейдя в духовное сословие, не стали бы вести себя неподобающим образом»²³. Даже перед лицом страшной смерти этот человек находит в себе столько любви и трогательной заботы о людях — сердце его принадлежит чешскому народу. Сознание, что он умирает за дело, близкое народу, дало Гусу, да и не только ему, достаточно сил, чтобы твердо встретить смерть. Его ждет гибель, а он думает только о том, останется ли для простого народа лучшая, прекрасная

жизнь. Этим и объясняется тот оптимизм, которым пронизаны произведения Гуса, оптимизм, который он сумел сохранить в течение всей своей жизни и который не покинул его в последний час. Он отдал жизнь за лучшую жизнь на земле. Вот почему констанцские письма Гуса близки «Репортажу с петлей на шее» Фучика, несмотря на то, что их разделяют столетия.

Даже сама смерть Гуса послужила как бы завершением его дела. В Констанце, на костре, Ян Гус показал, что исправление общества — столь высокая цель, что за осуществление ее не жаль отдать и жизнь. Реформаторское дело Гуса (Гус хотел только исправить старый общественный строй, но не разрушить его) стало благодаря его мученической смерти делом революционным*. В своей деятельности Гус чрезвычайно действенным образом сочетал теорию с практикой. Его идеи об улучшении общественного строя вышли за пределы тихих университетских стен: находясь в постоянном живом единении с народом, он обличал злоупотребления феодалов. Подготавливая почву для революционного движения, вместе с тем он сам рос и мужал в борьбе против церковной иерархии, против эксплуататоров.

В учении Гуса — именно потому, что он так хорошо знал истинные нужды народа, — воплотились все чаяния угнетенных общественных слоев, гнев и ненависть которых были направлены против опоры феодализма — церкви.

Поэтому наиболее резкие выступления Гуса были направлены против церкви. Отвечая на вопрос, где нужно искать первоисточник всего общественного кризиса, он глубоко вскрывал основные пороки феодального строя. «Богатства, добытые нечестным путем, губят церковь, разъедают и отравляют душу почти всего христианства. Откуда раздоры между папами, между епископами и другими духовными лицами? Псы грызутся за кость, отнимите кость — перестанут»²⁴. Эти соображения стоят уже в совершенно ясной связи с требованиями четырех статей — «чтобы была уничтожена светская власть духовенства»²⁵. Отсюда можно сделать вывод, что не только

---

* Казнь Гуса вызвала негодование всего чешского народа и в значительной степени способствовала началу гуситского революционного движения. — *Прим. ред.*

Ян Гус на костре (наиболее древнее скульптурное изображение Гуса из герба города Табора, XV век).

Гус на костре (из йенской рукописи второй половины XV века).

в церкви, но и вообще в обществе причиной всех злоупотреблений является собственность. «Отнять у псов кость» — означало начать революционное наступление на основы феодализма.

Мы говорили до сих пор о жизни и деятельности Гуса, о его значении для революционного гуситского движения. Однако также имеет большое значение и его научная и культурная деятельность. Как живо звучат слова Гуса, определяющие метод его научной работы: «С самого начала своего учения я взял за правило, узнав более правильное мнение, чье бы оно ни было, тотчас отказываться от своего, менее правильного, и смиренно и радостно принимать мнение более обоснованное»²⁶. Не менее велико значение Гуса для развития чешского языка. До тех пор в литературе и в науке безраздельно господствовала латынь — язык церкви. Гус, не колеблясь, выступил в защиту чешского языка — языка народа. Это вполне соответствовало интересам чешского бюргерства, которое принимало все большее участие в общественной жизни. О горячей любви Гуса к чешскому языку, о его стремлении насадить чешский язык, о борьбе за чистоту родного языка — лучше всего свидетельствуют его собственные слова: «Нужно сделать так, чтобы чешский язык не погиб; если чех женится на немке, дети с самого начала должны учиться чешскому языку и не говорить сразу на двух; двуязычие — это готовая почва для зависти, раздора, смуты и свары... Точно так же отхлестать бы стоило тех пражан и иных чехов, которые разговаривают наполовину по-чешски, наполовину по-немецки, говоря: «тоболька» вместо «тоболка» (кошелек), «лико» вместо «лыко», «хантух» вместо «полотенце», «шорц» вместо «передник», «кнедлик» вместо «булочка», «панцьер» вместо «доспехи», «хуншкоп» вместо «уздечка», «маршталъ» вместо «конники», «масхауз» вместо «мезонин», «трепки» вместо «лестница», «мантлик», вместо «плащ», «хаускнехт» вместо «домашний слуга», «форман» вместо «возчик».

Чего только не внесли в чешскую речь — всего и не перечислишь. Дело дошло до того, что истинный чех слышит, как они говорят, но не понимает, что они говорят; отсюда рождаются гнев, зависть, раздоры, свары, и это оскорбляет чехов»²⁷. Заботами Гуса о чистоте чешского языка и его распространении были заложены

основы развития чешской литературы XV и позднейших веков.

Действительно, выступлением магистра Яна Гуса начинается новый период в нашей исторической литературе. Его сочинения являются образцом подлинно чистой чешской речи. Его трактаты написаны отточенным, ясным, гибким чешским языком, в который вплетены обороты, взятые из народной речи, так что речь становится понятной и близкой слушателю и читателю из народа. Высокой оценки заслуживает проведенная Гусом реформа чешского правописания, которая способствовала тому, что чешское правописание смогло просто, точно и легко передавать устную речь.

Заботясь о чистоте чешского языка и его усовершенствовании, что сыграло столь важную роль в деле дальнейшего его формирования, а следовательно, и формирования чешской нации, Гус вместе с тем относился с величайшим вниманием ко всем областям чешской культуры. Как известно, именно магистр Ян Гус заставил короля Вацлава IV издать Кутногорский декрет (1409 год), который решающую роль в Пражском университете представлял «чешской нации» (то есть студентам и профессорам — уроженцам Чехии и Моравии). В связи с уходом из Праги реакционных немецких университетских магистров, отказавшихся признать декрет, Гус сделал на полях следующие заметки, показывающие, как остро он переживал борьбу за укрепление позиций чешской интеллигенции в университете: «Ха-ха, немцы, ха-ха — вон, вон!»²⁸. Любовь к чешскому народу и чешской земле, которой дышит каждая строка произведений Гуса и которая особенно горячо выражена в его констанцских письмах, не мешала Гусу с уважением относиться и к другим национальностям. На пути в Констанц Гус убедился, что немецкий народ, столь же жестоко эксплуатируемый, как и чешский, жадно слушает его слова и толпами стекается на его проповеди. «Я убеждаюсь, — пишет Гус с дороги своим чешским друзьям, — что здесь ко мне вражды не больше, чем у чешских земляков»²⁹. Гус прямо выражает свое отношение к людям: «Говорю по совести, что если бы я знал добродетельного чужеземца, который больше любит бога и стоит за добро, чем мой собственный брат, он был бы мне милее брата. А поэтому хорошие английские священники мне милее,

чем негодные чешские, и хороший немец милее плохого брата...»³⁰.

Учение Гуса не утратило своего значения на протяжении веков, его голос звучит и сегодня; а позиция Гуса в этом вопросе и теперь является образцом и примером.

Я стремился лишь вкратце рассказать о том значении, которое имела деятельность Гуса для революционного гуситского движения, почему она оставила неизгладимую печать в сердцах современников и в истории нашего народа. Все передовые люди, начиная с XV века и до наших дней, неизменно глубоко сочувствовали делу магистра Яна Гуса.

На протяжении всей нашей истории представители революционных народных традиций неизменно обращались к учению Гуса, находя в нем утешение, силу и поддержку. И наоборот, реакционные силы, потомки констанцских палачей, пытались очернить светлую память Гуса, вырвать из сердца народа память о констанцском мученике. Но это было невозможно хотя бы уже по одному тому, что мысли Гуса были бесконечно близки нашему народу. Через пять лет, после того как запылал констанцкий костер, по всей стране вспыхнуло революционное движение; народ восстал с оружием в руках и воплотил в жизнь учение магистра. К решающим боям гуситы шли, разбившись на отдельные группировки, каждая из которых имела свою особую идеологию.

Реакционный лагерь, представленный, как уже было сказано, высшей церковной иерархией, панством и немецким патрициатом, остался верен католической догматике. Политически эти силы искали опоры в иноземной реакции, надеялись на помощь короля Сигизмунда, брата и преемника Вацлава IV.

Против реакции выступил гуситский лагерь, представлявший большую часть чешского народа. Этот лагерь, однако, не был единым и в зависимости от классовых интересов распадался в основном на три группы. Наиболее революционное крыло составляла деревенская и городская беднота; ее идеологией был хилиазм и учение Гуса, из которого были сделаны крайние выводы. Среднее положение между лагерем реакции и лагерем революции занимала бюргерская оппозиция, которая в соответствии с классовыми интересами составлявших ее групп разделялась на радикальное и консервативное крыло.

Ближе всего к реакционному лагерю стояло консервативное крыло бюргерской оппозиции — богатое бюргерство (главным образом Старого Места), позднее — чешский патрициат, наиболее богатая часть низшего дворянства и часть панства, на первых порах примкнувшего к гуситам. Уже само различие классовых интересов делало эту группу неоднородной; основная масса панства очень скоро открыто перешла в лагерь реакции, оставшиеся изменили в период, предшествовавший Липанам. Это консервативное крыло бюргерской оппозиции присоединилось к гуситам прежде всего потому, что зарилось на богатства церкви и хотело свести счеты с церковной иерархией. Выразителями этого консервативного крыла была большая часть университетских магистров, которые, выдавая себя за приверженцев Гуса, на деле не принимали его учения полностью, отказываясь от самых радикальных его положений.

Характерным для большей части университетских магистров было то, что они проявляли свой пыл только в теоретических вопросах и ограничивались университетской аудиторией. Сколь бы радикально ни выступали они против догматов католической церкви, их речи были обращены к узкому кругу учеников и сторонников и, конечно, не могли иметь такого значения, как проповеди, обращенные непосредственно к народу. Поэтому даже самые радикальные ученые трактаты практически не имели никакого значения для возникновения и развития революционного движения. Впрочем, в 1419—1420 годах, когда классовые интересы пришли в открытое столкновение, большая часть университетских магистров именно потому, что их интересы были близки интересам богатого бюргерства и шляхты, доказала, что она не хочет иметь ничего общего с народными массами, поднявшимися на революционную борьбу. Правда, в самом начале магистры под давлением революционной бедноты были вынуждены заявить, хотя и с большими оговорками, что эту борьбу они считают справедливой, однако шум дискуссий, ведшихся в стенах университета, был заглушен мощным громом орудий народной армии, которые подтвердили справедливость этой борьбы без помощи университетских магистров.

Вместе с тем, однако, университетские магистры, усиленно внушая, что путь спасения — это «путь терпения»,

призывали отказаться от борьбы, ослабляя тем самым волю народа к борьбе. В течение всего гуситского революционного движения они вместе с бюргерством отходили все более вправо, в лагерь феодалов.

Группу университетских магистров возглавлял прежде всего магистр Пржибрам, его путь от радикализма к фактическому возврату в лоно церкви как бы символизировал всю линию поведения консервативного крыла бюргерской оппозиции — от восхваления революционного гуситского движения к оговоркам и, наконец, к подлому предательству.

Бюргерская оппозиция неизбежно должна была расколоться на два крыла именно потому, что она занимала промежуточное положение между реакционным и революционным лагерями. В то время как консервативное крыло с самого начала тяготело к реакции, радикальное крыло бюргерской оппозиции ради достижения своих собственных целей искало союза с народом, с городской и деревенской беднотой. Это крыло состояло преимущественно из мелкого и среднего бюргерства и низшего дворянства; они-то и являлись организаторами гуситского революционного движения. Экономической базой революционных армий явились городские ремесла, из городских мастерских получали войска свое оружие. Мелкие рыцари выступали во главе войск.

Радикальное крыло бюргерской оппозиции нашло своих идеологов среди университетских магистров — друзей Гуса, а также среди большинства простых священников, у которых поведение церковных магнатов вызывало отвращение. В 1415—1420 годах классовые требования бюргерской оппозиции были сформулированы в так называемых четырех пражских статьях, в основу которых были положены мысли, высказанные ранее Яном Гусом.

Первая статья содержала требование, чтобы «слово божие свободно провозглашалось»³¹. Это требование было обращено против практики церковников, которые стремились помешать распространению в народе реформационных воззрений. Вместе с тем свобода проповеди должна была быть ограничена; представители консервативного крыла во время обсуждения этой статьи стремились ограничить эту свободу ссылкой на церковный устав и обычай, на церковный авторитет. Однако и радикальное крыло практически не собиралось давать проповедникам

безграничную свободу в толковании «Священного писания». Это проявилось, например, в отношении таборитской бюргерской оппозиции к хилиастическим и пикартским священникам, деятельность которых была стеснена и ограничена светским и церковным авторитетом Табора.

Вторая статья, гласившая, «чтобы тело и кровь христовы принимались под видом хлеба и вина»³², выдвигала в качестве боевого символа гуситских партий гуситскую чашу. Согласно католической догматике, только священник имеет право во время мессы причащаться вином, то есть «кровью христовой». Таким образом, священник отделен от простых верующих, только ему принадлежит высокое право принимать «и тело и кровь христову». Введение причащения вином для всех верующих должно было стереть грань между священником и мирянами, уничтожить исключительное положение духовенства. Причащение под обоими видами было введено в Праге в конце октября 1414 года стараниями друга Гуса, магистра Якоубека из Стржибра, который и впоследствии продолжал дело Гуса. Впрочем, если в ранний период гуситского революционного движения Якоубек встал на сторону революционных сил, то затем он постепенно стал приближаться к консервативному крылу и отрекся от того дела, которое поддерживал в 1419—1420 годах, когда от имени университета выразил солидарность с народом, поднявшимся на борьбу. Позиция Якоубека опять-таки отражала позицию мелкого бюргерства. Первоначально оно вышло на улицы и вместе с беднотой выступило против патрициата, однако, убедившись, что призыв бедноты к полному устранению эксплуататоров означает также и устранение господства цеховых мастеров над подмастерьями и учениками, мелкое бюргерство отступило и вместо того, чтобы заключить соглашение с беднотой, начало переговоры с консервативным дворянским лагерем. Статья о причащении под обоими видами практически не посягала сколько-нибудь серьезно на социальную структуру феодального общества. Отсюда становится понятным, что именно к требованию чаши для мирян примкнула наиболее значительная часть консервативного крыла бюргерской оппозиции. Это крыло в конце концов побудило всю бюргерскую оппозицию из четырех пражских статей сохранить только одну: требование чаши.

Третья и четвертая статьи подрывали основы феодальной иерархии. Требование, «чтобы прекратилась светская власть духовенства»³³, было направлено против крупнейшего феодала — церкви, а тем самым против феодализма. Как я уже говорил, именно эта статья вначале вполне удовлетворила так называемых гуситских панов. Но как только они захватили владения соседних прелатов и монастырей, они перестали настаивать на ее осуществлении. Более того, они хотели бы, чтоб вокруг вопроса о церковной собственности вообще не поднимали особенного шума, поскольку это могло навести церковь на мысль о реставрации. Они уже насытились церковными землями и боялись только того, как бы церковь не потребовала их обратно. Вот почему крупные феодалы выступали также против того толкования, которое давали третьей статье наиболее радикальные табориты, по мнению которых секуляризация церковных земель должна быть произведена всей общиной, а никоим образом не отдельными феодалами.

Формулировка четвертой главы, «чтобы смертные грехи были наказуемы»³⁴, также давала широкую возможность для различных толкований. Представители консервативного крыла в тот период, когда они еще признавали четыре статьи, утверждали, что наказание за «тяжкие грехи» могут налагать только те, кто призван к этому по своей должности.

Согласно тому толкованию, которое давали статьям табориты, право налагать наказания принадлежит любому верующему, всему народу, независимо от того, кто подлежит наказанию, — король, князь, дворянин, прелат, крестьянин или бедная женщина. Ясно, что в различных толкованиях этой статьи отражались различные классовые интересы. Центром и базой радикального крыла бюргерской оппозиции, защищавшей четыре статьи в их самой крайней формулировке, была сначала Прага, главным образом Новое Место, а затем Табор и Градец Кралове.

К этим городам постепенно присоединилось множество крестьян и рыцарей. На стороне бюргерской оппозиции были численный перевес и сила. Речь шла о том, останется ли бюргерская оппозиция в союзе с народом или же перейдет в консервативный лагерь.

Деревенский люд и городская беднота, которых не могла удовлетворить программа социальных реформ,

занимали крайне левую позицию. Никакая реформа не могла устранить тяжесть эксплуатации, которой подвергалась беднота. Перед ней был только один путь: полное уничтожение старого порядка, уничтожение феодализма, поэтому программа четырех статей была для нее программой-минимумом. Идеологией, воплощающей интересы бедноты, был хилиазм. Священники — прежде всего нищие странствующие проповедники — продолжали дело Гуса.

В отличие от ораторов бюргерской оппозиции, которые стремились превратить революционную программу в систему чисто теоретических положений, народная ересь делала из нее самые крайние выводы. Средоточием еретических движений была прежде всего южная Чехия. Южночешская ересь была связана с еретическим движением в Австрии. Эти еретические секты, выступающие против католической догматики, известны под общим наименованием вальденсов — от вальденских сект XII и XIII веков, — однако у них не было определенной организации. Основным источником для них являлось «Священное писание», которое мог толковать каждый верующий. К проповедникам, которые толковали Библию в духе, враждебном феодализму, стекался деревенский люд, который, присоединяясь к еретикам, выражал тем самым свой протест против феодального гнета. Наиболее важным в деятельности южночешской и верхнеавстрийской еретических сект следует считать восстание 1340 года. Были совершены нападения на дворы и замки панов из Индржихова Градца; феодалам потребовалось напряжение всех сил и помощь инквизиторов, чтобы подавить это движение. Однако следы народной ереси сохранились в южной Чехии до начала XV века. Не случайно, разумеется, именно здесь возник один из центров революционного движения — Табор. Проповедники-хилиасты, учение которых сложилось на основе народной ереси и хилиастических пророчеств о неотвратимо близящемся конце света, дали народу подлинно революционную идеологию. Они стремились вернуться к раннехристианской церкви, а возврат к ней означал по существу уничтожение всего тогдашнего строя. Проповедники говорили, что на дымящихся обломках старого мира воздвигнется новое «царство христово», в котором не будут «обирать бедноту», не будет «оброков и налогов», а все будут жить

вместе, как братья и сестры. В борьбе за этот идеальный мир поднялось крестьянство и городская беднота, за него они, рискуя жизнью, шли в бой против защитников старого строя, против эксплуататоров.

Если бюргерская оппозиция играла роль организатора и вождя, то беднота была движущей силой гуситского революционного движения, его горячо пульсирующей кровью. Раздоры в среде эксплуататоров, союз с могущественной бюргерской оппозицией обеспечили успех первого натиска бедноты: вновь основанный Табор был в ее руках, Новое Место, где протекала деятельность Желивского, приобретает несравненно большее значение, чем Старое Место. Но как только произошел спад революционной волны, как только во главе движения оказалась бюргерская оппозиция — с гегемонией бедноты было покончено. Прежде всего бюргерство ликвидировало в Таборе общность имущества (1421 год), а вскоре путем убийства избавилось от Желивского (1422 год). Бюргерской оппозиции был расчищен путь к гегемонии.

Если исходить из расстановки классовых сил в гуситском революционном движении, историю этого движения можно разделить на следующие периоды:

1. Период, когда у власти стояла беднота (1419—1421 годы).

2. Период, когда у власти стояла бюргерская оппозиция (1421—1434 годы).

3. Липаны и поражение гуситского революционного движения (1434—1437 годы).

БЕДНОТА ВО ГЛАВЕ ГУСИТСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

1. Уход в горы и хилиазм

Сожжение Яна Гуса и Иеронима Пражского и начало революционного движения. — Борьба между королем и панством, а также между низшим дворянством и панством как свидетельство противоречий внутри правящего класса. — Народные волнения в городах (Ческе Будеёвице, Домажлице, Бороун, Клатови, Жатец, Усти Сезимово, Пльзень). — Прага — арена революционной борьбы. — Микулаш из Дрездена. — Ян Желивский как идеолог революционной бедноты. — Восстание бедноты 30 июля 1419 года в Праге. — Деятельность народных проповедников в деревне. — Уход в горы. — Горы и пять городов как первые центры революционных сил. — Попытка концентрации революционных сил в Праге в ноябре 1419 года. — Значение ухода в горы.

Сожжение Яна Гуса ускорило выступление революционных сил в Чехии. Для широких народных масс казнь Гуса, мученически погибшего на костре, послужила сигналом к борьбе за создание лучшего, более справедливого, социального строя. Через год в Констанце на костре погиб верный друг Гуса — Иероним Пражский, который не побоялся явиться в Констанц, где собралась вся свора церковных сановников. Иероним, подобно Гусу ощущая свою кровную связь с родной страной, с чешским народом, несмотря на временное колебание, гордо, перед лицом всего собора, объявил себя сторонником и поборником чешской идеи исправления церкви «во главе и членах». До самой последней минуты, даже всходя на костер, Иероним был полон светлого оптимизма, тлубокой веры в правоту своего дела. Он «весело и охотно шел к своей гибели, не боясь ни огня, ни мук, не страшась позорной смерти»¹.

Констанцские костры 1415 и 1416 годов разожгли пламя восстания, тлевшее в чешских городах и селах. Классовые противоречия, сколько бы их ни пытались скрыть или уничтожить с помощью насилия, все чаще и

чаще проявлялись в форме различного рода столкновений.

Король Вацлав IV и его двор остались безучастны к констанцскому процессу Гуса. Однако уже в конце 1415 года Вацлав IV выступил против союза католического панства, хотевшего мечом прекратить распространение волнений среди крестьян.

Вацлав IV решился на этот шаг не из-за сочувствия к учению Яна Гуса, так как это учение, продолженное его последователями, было, несомненно, направлено не только против церкви, но и против феодализма вообще. Вацлав оказал сопротивление панскому католическому союзу потому, что видел в нем старого врага — тех, кто двадцать лет назад начал против него открытую войну, кто бросил его в темницу. Власть в стране фактически постепенно переходила к королевскому совету и придворному дворянству.

Однако чешское панство упорно боролось с королем, не теряя надежды захватить в свои руки власть. По мере того как слабели силы Вацлава, паны один за другим стали искать союза с его братом и наследником Сигизмундом. Сигизмунд, король венгерский и немецкий, казался панству самым подходящим государем, поскольку уже занимал два трона и был настолько обременен делами, что поневоле должен был бы предоставить панам управление страной. К. Маркс, рисуя яркий портрет Сигизмунда, говорил, что это был «жалкий паразит, тунеядец, попрошайка, кутила, пьяница, шут, трус и фигляр...» *. Панству не было дела до безнравственности и распутства, которыми славился Сигизмунд. Более того, «подобные достоинства» вполне устраивали панство.

Было, кроме того, известно, что наследник чешского трона, славившийся расточительностью и бесстыдством, знает много способов, как извлекать из церковных сокровищниц деньги не только для себя, но и для своих приверженцев. Большая часть чешского панства, забыв, что еще в 1415 году она торжественно заявила свой протест против сожжения «блаженной памяти достопочтенного Яна Гуса», готова была перейти на сторону Сигизмунда. В 1415 году 452 чешских дворянина (391 рыцарь

---

* К. Маркс, Хронологические выписки, «Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 218.

и 61 пан) направили собору письмо протеста за подписями и печатями, в котором говорилось, что паны хотят «без боязни и невзирая на противоположные людские постановления до последней капли крови защищать и оберегать закон божий и его верных проповедников»². Но уже в 1416 году Якоубек из Стржибра, идеолог пражского бюргерства, раскрыл подлинные цели той части панства, которая примкнула к Гусу: «Паны, устраивающие съезды и собрания, стараются об одном: чтобы шли удачно их земные дела»³. Ход событий до 1419 года и в эпоху гуситского революционного движения показал правоту Якоубека: склоняясь к гусизму, панство преследовало всегда своекорыстные цели, защищало свои классовые интересы.

Так, например, в 1415 году гуситские паны напали на Литомышльское епископство, где епископом был Ян Железный, глава католической реакции в Чехии, захватили его поместья и богатую добычу. Точно так же и католические паны Ян Местецкий и Ота из Бергова, в том же году «ворвались в Опатовицкий монастырь и замучили до смерти аббата Лазура»⁴. Открытые нападения панства (будь то католического или гуситского) на церковные владения усилили непрерывные феодальные раздоры, характерные для Чехии накануне революционного движения.

С конца XIV века южная Чехия была ареной бесконечных раздоров. Обнищавшие рыцари во главе подонков тогдашнего общества вели грабительские бои против Рожемберков и церковных сановников. Эти толпы, превращавшиеся подчас в наемные военные отряды, борющиеся за интересы нанимавших их панов, скрывались в дремучих лесах; иногда они приобретали характер грабительских шаек с большой дороги, вымещавших на купцах, на всех проезжих и прохожих свою злобу за то горе, нужду и голод, которые им приходилось терпеть. Эти разбойничьи набеги были обусловлены той нищетой, до которой были доведены как мелкое рыцарство, так и обедневшие бюргеры, голодные, не имеющие работы поденщики, батраки и халупники, и также являлись одним из признаков кризиса феодального общественного строя. Именно поэтому разбойники встречали поддержку у крестьян, имели возможность получить у них продовольствие, находили убежище в разбросанных

по южной Чехии хуторах. Подобные длительные и кровавые мятежи происходили и в восточной Чехии, где низшее дворянство так же упорно — не на жизнь, а на смерть — вело борьбу с панством. Эти выступления южночешского и западночешского низшего дворянства нужно рассматривать как прелюдию к его выступлению во главе гуситских войск, которое произошло несколько лет спустя. Раздоры между светскими феодалами, а также все учащающиеся нападения на церковных феодалов содействовали разложению правящего класса.

Открытые выступления против церкви происходили и в чешских городах. Уже в 1412 году ремесленники и бюргеры в Новом Быджове восстали с оружием в руках против тамошнего монастыря и атаковали его крепкие стены. В Оломоуце в 1415 году, в связи с казнью Гуса, по приказу патрициата были сожжены двое бюргеров. По некоторым отрывочным сведениям в 1416—1419 годах в Будеёвице, Домажлице и Бероуне происходили волнения, во время которых у приходских священников и у владельцев церковных бенефициев отнимали их владения. До нас дошли королевские грамоты, направленные против подобных нападений на церковь только в этих трех городах. Однако более чем правдоподобно, что так же действовало бюргерство всех тех городов, где власть патрициата была в той или иной степени ослаблена. В 1414 году в Клатови, Жатце, а в 1417 году в Лоуни монахам и прелатам устроили настоящую резню. Выступления против церкви происходили и в Пльзене, где борьбой бедноты и мелких ремесленников руководил проповедник Вацлав Коранда; то же происходило и в панском городе Усти Сезимово. Окрестности Усти Сезимова уже давно являлись средоточием народной ереси; еретики выражали свой протест против феодализма, отрицая догматы и уставы католической церкви и примыкая к мелким странствующим священникам-проповедникам. Проповедь Гуса в Козьем Замке еще более усилила борьбу крестьянства и мелкого бюргерства против старого порядка. Здесь дело дошло до резких выступлений, направленных против церковной иерархии. В 1419 году города Пльзень, Клатови, Жатец, Лоуни и Усти Сезимово становятся центрами революционного движения. Многочисленные выступления предшествующих лет подготовили их население к восстанию.

Но особенно сильными были волнения в пражских городах, где за десятилетие, предшествующее началу гуситского революционного движения, произошли крупные выступления бюргерства и бедноты. Еще в 1412 году в связи с деятельностью Гуса произошли волнения в Праге. Пражские улицы были свидетелями огромного скопления народа, причем дело дошло до открытых сражений между стражниками городского совета и народом. Тогда же, несмотря на предостережения и просьбы Гуса, коншелы * Старого Места приказали обезглавить трех подмастерьев, которые открыто выступили против продажи индульгенций папскими сборщиками. «Многое еще происходило в те дни: каждый день объявляли запрещение сходить к ратуше, но чем больше приказывали, тем больше людей сходилась; и где бы их ни разгоняли, они вскоре опять собирались и вместе обсуждали все, что случилось в эти дни»⁵.

Жизнь тех, кто был виновен в смерти трех подмастерьев, висела на волоске. Бюргерство и беднота, собравшиеся у ратуши, дали почувствовать староместскому патрициату, какую силу они представляют. Они завладели телами казненных юношей и по велению магистра Яна из Ичина в торжественной процессии понесли их в Вифлеем. Так рос справедливый гнев пражского люда, гнев, который не могли сломить ни тюрьма, ни другие кары, обрушившиеся на головы многих участников этой демонстрации.

Ян Гус не принял участия в торжественном погребении трех казненных юношей. Он также не использовал их казнь, чтобы открыто призвать народ к восстанию. Сдержанность Гуса вызвала недовольство пражского люда. В народе говорили, что стражники и коншелы замкнули уста магистру. Однако патрициат хорошо знал, что Вифлеемская часовня в руках магистра Яна — постоянная угроза их спокойствию. В октябре 1412 года Вифлеемская часовня подверглась вооруженному нападению, однако студенты защитили магистра и отстояли часовню. Отъезд Гуса в деревню отнюдь не содействовал «водворению порядка». В ноябре 1413 года были обезглавлены два патриция, коншелы Домшик и Ченек — так бюргерство, на короткое время овладевшее ратушей,

---

* Коншелы — члены городского совета. — *Прим. ред.*

выразило свой протест. Эта казнь была лишь прелюдией последующих кровавых судов и казней, которыми полна история Праги. Старый летописец с прискорбием говорит о борьбе бюргерства с патрициатом: «О, сколько на моей памяти обезглавлено в Праге горожан, людей именитых, начиная от пана Домшика и пана Ченека. Убитыми можно было бы заселить большую улицу! А все это сделали гордость да зависть, ибо везде одни желают подняться над другими, желают власти в Праге, желают получить долю в управлении, дабы обогатиться»⁶.

Сожжением магистра Яна, любимца пражского народа, церковь только подлила масла в огонь. Уже в ноябре 1415 года волнением была охвачена вся Прага, народ напал на богатых священников, на монастыри, церкви, приходы. У священников были конфискованы полученные ими доходы, а у сопротивлявшихся священников были отняты бенефиции и отданы сторонникам магистра Яна. Это решительное выступление народа, сопровождавшееся изменением состава городского совета, обеспечило спокойствие, по крайней мере, на два года. Однако королевский двор оказывал церкви все более решительную поддержку, поскольку при дворе прекрасно понимали, что эти изменения могли повести к революционному взрыву и, следовательно, угрожали самому трону. В Старом Месте, где жили наиболее богатые немецкие патрицианские фамилии, было спокойно. Напротив, в Новом Месте, городе ремесленников и бедноты, постоянно вспыхивали мелкие раздоры между бюргерами и приходскими священниками, причем дело доходило до кровавых стычек (подобных той, которая произошла в 1419 году на Поречье, у св. Михаила в Опатовице на Новом Месте). Возврат к прежним порядкам стал возможен лишь после 6 июля, когда король назначил коншелами Нового Места одних только противников Гуса. Последние немедленно начали наступление на революционные силы. Стремясь воспрепятствовать концентрации этих сил, они запретили все проповеди и изгнали бедных гуситских проповедников.

Как уже говорилось, борьба против церкви должна была неизбежно принять форму религиозной борьбы; процесс организации и концентрации революционных сил должен был проходить под религиозными лозунгами, под покровом религиозной обрядности.

Религиозные шествия наряду с кафедрой проповедника были лучшим способом для объединения городского населения. В своих проповедях проповедники обличали общественные пороки, призывали набожных верующих публично выразить свой протест, устраивать шествия и общие молебны «об исправлении общества». Коншелы Нового Места, грабившие общину, хорошо поняли опасность и попытались устранить ее. Но все их усилия были тщетны. Не прошло и месяца, как народ штурмом взял ратушу. Накопленный столетиями гнев революционного народа против грабителей и насильников сметал все преграды на своем пути. На историческую арену выступил вождь пражской бедноты Ян Желивский.

В предыдущей главе, разбирая взаимосвязь между углубляющимся кризисом феодализма и идеологией реформации, которая становилась все более радикальной, мы установили, что деятельность Яна Гуса, его дело и его смерть оказали влияние на формирование революционной идеологии. Мы уже указывали, что бюргерская оппозиция раскололась на два лагеря: на левый радикальный лагерь (мелкое бюргерство) и правый лагерь (большое бюргерство и университетские магистры). Что же касается бедноты, то у нее была своя идеология; беднота от идеи исправления феодального общества шла к требованию прямого уничтожения феодализма. Еще в то время, когда Гус был в Праге, среди пражского люда выдвинулись своими пламенными проповедями магистры Микулаш и Петр из Дрездена, изгнанные из родного города по подозрению в ереси.

До нас дошли сведения о том бурном успехе, который имела в Праге в 1402 году проповедь некоего Микулаша, это и был, вероятно, Микулаш из Дрездена. Вот отрывки из его проповедей, которые дают представление об этом человеке, а также и о результатах его деятельности. Выступая с кафедры, Микулаш говорил, указывая на присутствующих коншелов: «Смотрите, дорогие мои, не пройдет и года, как эти господа будут казнены и их головы поплывут в крови; либо их убьет собственная челядь, либо те, кто их окружает»⁷. А когда в ответ на это бургомистр и коншелы удалились, оскорбленные, из церкви, Микулаш бросил им вслед: «Смотрите, их дьяволы выводят из храма»⁸. С такой же смелостью Микулаш обрушивался в своих проповедях и на архи-

епископа Ольбрама, разоблачая его подлинные дела и проклиная этого князя церкви за то, что он пустил по миру множество народа. Известного купца Кржижа, одного из основателей Вифлеемской часовни, он назвал с кафедры человеком, достойным виселицы, и обличал его сына Петроника, который, пьяный, жег жалкие хижины бедняков. «Пусть уж он будет благодарен хотя бы за то, что бог уже столько раз спасал его отца от виселицы»⁹, сказал он тогда с кафедры, имея в виду Кржижа. После этих бурных выступлений проповедник Микулаш исчез из Праги (быть может, он был изгнан церковной иерархией и патрициатом) и только спустя десять лет снова появился вместе с Петром Дрезденским. Именно тогда Микулаш из Дрездена и развернул в Праге бурную деятельность как воспитатель и проповедник. Он оказал большое влияние на широкие народные массы, призывая народ торжественно носить по Праге картины, изображающие разительные социальные контрасты: бедность «христовой церкви» наряду с изнеженностью и пышностью церкви современной. Была, например, изображена изможденная фигура Христа в бедной одежде, сидящего на осле, а рядом монах, развалившийся в кресле за столом, уставленным дорогими яствами и напитками. Это умение использовать в качестве агитационного приема метод противопоставления характерно для манеры Микулаша-писателя. Он резко нападал на церковные богатства и на светских панов и заступался за бедняков и нищих. В своих нападках он не делал исключения и для ремесленников и ремесленных цехов, которые, по его мнению, «противны божьим установлениям». Выдержками из Ветхого завета он доказывал, что близок конец света, и призывал к борьбе за возврат к раннехристианской бедной церкви. Эти хилиастические идеи характерны для всех идеологов бедноты. Они еще сильнее развиты у Желивского и таборитских священников: «О господи, дай увидеть нам обновление твоей святой церкви!»¹⁰ — восклицает Микулаш и, прибегая к библейским образам, призывает к борьбе против «апокалиптической блудницы» — так называет он церковь. «О, господи, дождусь ли блаженного мига, когда апокалиптическая блудница будет разоблачена и плоть ее будет сожжена в огне? Чаю увидеть господню благодать в их сердцах, чтобы они сделали так, как угодно господу»¹¹. Этот идеолог

бедноты, впоследствии изгнанный из Праги и сожженный в Мейссене как еретик (вероятно в 1417 году), был забыт нашей историографией. Между тем именно его учение, наряду с учением Гуса, послужило образцом и источником для идеолога пражской революционной бедноты, проповедника Яна Желивского. До нас дошли сведения только о трех последних годах жизни Яна Желивского (с 1419 по 1422 год). Из его произведений сохранились лишь наброски проповедей, которые он проносил с кафедры церкви св. девы Марии Снежной на Новом Месте. Но даже и эти отрывки позволяют восстановить могучий образ страстного обличителя общественных злоупотреблений и бесстрашного революционера, идеолога пражской бедноты. В одной из своих проповедей он объявил себя поборником учения Гуса и, насколько нам известно, преклонялся перед памятью Миклаша из Дрездена, провозгласив обоих своих учителей святыми мучениками.

Уже по одному тому, как беспощадно бичевал он тех, кто эксплуатировал широкие народные массы, как бесстрашно разоблачал подлые методы эксплуататоров, можно легко представить себе его классовую позицию: он стоял во главе самого левого крыла движения, во главе городской бедноты. Безнравственному священнику он в качестве образца противопоставлял бедного простого верующего. «Самое важное — безыскусственная преданность богу, нашему доброму отцу. В него должны мы верить, ему быть покорными и не обращать внимания на лживые предписания людей — пап, кардиналов и изменников-прелатов. Настоящий христианин беден, смиренен, терпелив, правдив, прост, искренен и чист»¹².

Для проповедей Желивского в высшей степени характерна резкая критика в адрес коншелов, мастеров и вообще цеховых ремесленников. Отсюда видно, что для Желивского сторонники бюргерской оппозиции были слишком консервативны и что он как идеолог бедноты видел в них эксплуататоров и классовых врагов: «Ныне мы видим, кто хулит святых и ученых мужей, обвиняет невинных и сам открыто грешит. Вам придется ответить, коншелы! Судьи не должны брать взятки, так как принимать подарки — значит унижать правосудие. А они отказываются судить, даже не разбирают дела, пока не получат за это какой-нибудь дар. Если не удастся взять

здесь, они, по крайней мере, дороже продают напитки. Отвечай, бургомистр, грабитель общины!»¹³. Так в присутствии всего народа бесстрашно обличал он коншелов и бургомистра. Резких упреков Желивского не избежали и ремесленники. Он прямо перечисляет «нечистые ремесла», относя к ним ремесло сапожников, живописцев, золотых дел мастеров, пекарей, резчиков, каменщиков, плотников, поскольку в этих ремесленниках он видит эксплуататоров. По адресу священников он говорит: «Тот, кто гнушается бедности, попадает в когти к дьяволу!»¹⁴. Выходец из среды бедноты, он горячо сочувствует беднякам и не устает превозносить их: «Бедный должен проповедовать против тех, кто не выдержал испытания... Бедные и бесхитростные должны разрушить ученость этого мира и дьявольскую гордыню его... Только те, кто действительно трудится, по праву говорят «хлеб наш насущный», остальные же едят чужой хлеб, как злодеи и грабители. Это те, кто торгует в воскресенье, это — короли, князья, рихтаржи, коншелы, — все, кто бездельничает в ратуше, все прелаты, которые не трудятся вместе с народом, как велит евангелие, священники, не выполняющие евангельских требований, монахи и монахини»¹⁵. Из этих слов совершенно ясно, к какому лагерю причислял себя Желивский и чьи интересы он отстаивал. О том, каким представлялся бедноте весь мир, весь феодальный общественный порядок, можно судить по той картине современного ему общества, которую нарисовал Желивский: «Этот мир подобен морю: он так же обманчив, так же горек, как морская вода, и столь же зловонен... И подобно тому, как большая рыба заглатывает маленькую, так богач пожирает бедняка»¹⁶. И самый девиз Желивского — вариант библейского изречения «кто не работает, тот не ест», — показывает, что он защищал интересы бедноты, простого труженика.

Проповеди у св. девы Марии Снежной, подобно магниту, притягивали огромное количество слушателей. Народный проповедник, сжившийся с нуждами и горестями простого народа, Желивский развивал хилиастические идеи, высказанные уже Микулашем из Дрездена. Он находил глубокий смысл в словах Ветхого завета и «Откровения св. Иоанна», где говорится о том, как бог мечом истребил всех врагов слова божьего; в мрачных

образах виделись ему разрушение и падение этого порочного мира, и он вдохновенно проповедовал пришествие «тысячелетнего царства христового». «Теперь опасный час, кругом лжепророки!» — восклицает Желивский. — «Но не бойтесь людской клеветы. Правда никогда не умрет. Рука господина покарает всех, кто преследует невинных. И сильнейшие будут уничтожены, и некому будет похоронить их. И будет так, как сказано в «Откровении» (гл. 19, стих 18—21): чтобы пожрали вы трупы королей и трупы гетманов, и трупы коней, и тех, кто сидел на них, и трупы всех свободных, и слуг, и малых, и великих... И схвачен тот зверь и с ним лжепророк тот... И брошены оба живыми в озеро огненное, горящее серой. А прочие убиты мечом... и птицы питаются их трупами»¹⁷. Эти воззвания, облеченные в форму ветхозаветных пророческих видений, были понятны простому народу. Беднота и мелкие ремесленники чувствовали, что слова Желивского выражают их взгляды на порочность и жадность церкви и патрициата. Вместе с тем эти библейские воззвания показывали им, что единственной возможностью решить мучивший их вопрос было вооруженное восстание. Желивский прямо призывал к нему. По мнению Желивского, Христос одобряет справедливую борьбу пражской бедноты, разбивающей оковы, в которых томятся все, кто верен истине. «О, если бы дожить нам до того часа, когда увидим мы сына человеческого, грядущего в царство свое, сначала в Чехии, а потом во всей церкви»¹⁸. Голос Желивского звал народ к борьбе.

В воскресенье 30 июля 1419 года пражане, прежде всего пражская беднота, вооружившись, явились в церковь св. девы Марии Снежной. В этот день Желивский подготовил проповедь на тему о неправедном правителе. Уже раньше он резко нападал на короля, призывал его исправиться и выполнять обязанности справедливого правителя — «тогда только ты будешь действительно править, перестанешь быть королишкой, а станешь королем»¹⁹. Теперь он призывал гнев божий на головы короля и всех противников истины и обещал верным, что бог избавит их от врагов и передаст в их руки власть. Ян Желивский ставил Прагу в пример всем верующим: «О, если бы Прага стала примером всем верующим не только в Моравии, но и в Венгрии, Польше и Австрии.

Да разойдется по всему свету слово господне»²⁰. Пражане хорошо поняли, в чем они должны стать примером для всего мира. Тотчас после проповеди народ повалил на улицу и под руководством Желивского, несмотря на запрещение коншелов, выстроился в процессию, во главе которой встал Желивский с высоко поднятой монстранцией*. Вооруженная толпа двинулась к церкви св. Стефана, которая по повелению короля была отдана католикам. Священник церкви св. Стефана не пожелал открыть дверей. Тогда народ выломал двери, проник внутрь, выгнал из храма бывших там учеников вместе с их ректором, а затем разгромил дом священника. Отсюда процессия двинулась к новоместской ратуше, где заседали коншелы с некоторыми старшинами (то есть представителями широких бюргерских кругов). Желивский вошел в здание ратуши, чтобы от имени собравшегося народа добиться освобождения заключенных, брошенных в городскую тюрьму реакционерами-коншелами, назначенными королем за месяц до этого. Бургомистр и коншелы отказались выполнить просьбу Желивского и попытались разогнать толпу. Но это было последнее антинародное дело, которое им удалось совершить. Пришедший в ярость народ выломал ворота и ворвался в ратушу. Коншелов избивали и выбросили из окон. «И такую жестокость учинили с ними — они должны были падать вниз на копыя, на пики, на мечи и на шпаги; а кого не пронзили, того тотчас добивали»²¹. Дефенестрация** 30 июля 1419 года послужила искрой, разжегшей тот пожар, потушить который реакционным силам удалось лишь после пятнадцатилетних ожесточенных боев.

К народу, сражавшемуся в городах (главным образом в Праге), уже с начала XV века присоединилось крестьянство. Чешские деревни нередко становились ареной волнений, которые хотя не выливались в открытые бои, тем не менее свидетельствовали, что и в деревне поднимается волна революционного движения. В южной Чехии, как мы знаем, действовали мелкие разбойничьи шайки; они находили защиту и поддержку у сельского

---

* Монстранция — сосуд со «святыми дарами», который носят во время католических церковных процессий. — *Прим. ред.*

** Дефенестрация — буквально «выбрасывание из окна». К способу казни, описанному здесь, не раз прибегал чешский народ, карая своих заклятых врагов — *Прим. ред.*

населения, которое предоставляло им ночлег и пищу. Мы знаем, что в 1412 году в Пльзеньском крае произошли волнения и что король оказал помощь пану из Рожемберка.

В южной Чехии деревенский люд шел за проповедниками, последователями магистра Яна и другими сторонниками «ереси», и этим выражал протест против гнета церкви и феодалов. Голоса этих народных пророков все чаще звали к открытой борьбе с эксплуататорами.

Потом новые пророки взялись за дело.

Они отважились говорить смело.

Говорят: бейтесь за божий закон.

А кто не с вами — того убивайте²².

Этих проповедников, звавших сельский люд на борьбу против векового рабства и покорности, мы ни в коем случае не должны представлять себе в виде пастырей, одновременно и ревностных и кротких. Это были революционеры, которые не боялись взять в руки оружие и «строить народ к бою».

О проповедники чудесные!

Разбили церкви вы известные,

И чтоб придумать казни вам,

Пришлось бы туго палачам.

Одних бы вешали, топили,

Другим бы головы рубили,

О вы, сладчайшая утеха!

Для них вы грозная помеха.

С амвона вы, в руке сжимая меч,

Народ готовите для сечи.

Всегда с кинжалом иль с копьем,

Иль с палицей, иль с топором,

Везде вы громко, что есть мочи,

Зовете к бою днем и ночью²³.

Только благодаря долгим и терпеливым разъяснениям проповедников, обращенным к народу, стало возможно от слов постепенно перейти к делу, от критики недостатков феодального общества перейти к наступлению на это общество. Протест деревенского люда в 1419 году нашел выражение в так называемых уходах в горы. В этот период формировались революционные силы крестьянства.

Организовать революционные массы в городах было легче, чем в деревнях, отделенных друг от друга большим расстоянием.

В городах организующую роль играли проповеди и религиозные шествия, на которые могли сойтись верующие почти со всего города. Вифлеемская часовня, например, по новейшим археологическим исследованиям могла вместить несколько тысяч верующих. В деревне нужно было искать другие формы организации. Проповедники должны были выйти на лоно природы, на перекрестки, на холмы и призывать верующих, чтобы они собирались вместе и шли в горы. Мы знаем, что Гус, проповедуя среди полей и лугов южной Чехии, оставил неизгладимый след в сердцах южночешского крестьянства. В 1419 году нищие бродячие проповедники призывали народ уходить в горы. Основываясь на библейском тексте «На горах явится бог», проповедники учили, что нравственный долг каждого простого верующего идти на эти народные сборища. Только в горах можете вы услышать глас божий, возвещенный верными священниками, последователями констанцкого мученика, — так звучали призывы проповедников, и народ все более мощными толпами стекался в назначенные ими места.

Весной 1419 года первые паломники начинают сходиться на гору Табор (недалеко от Бехини, у деревни Храштян). Это были по большей части жители соседних деревень и местечек. Они шли за проповедниками, которые уже раньше проповедовали среди них, несмотря на запрещение церкви и властей. Крестьяне и мелкие горожане собирались и на других горах, например, на Оребе у Градца Кралове, на Беранеке у Младе Вожице. Проповедники (особенно в западной и северо-западной Чехии) призывали также всех верных «закону божьему» отправляться в пять городов (согласно ветхозаветным пророчествам), предрекая, что все остальные города будут уничтожены перед пришествием Христа. «Тот, кто не уйдет в горы, погибнет вместе с городами, селами и садами от грома божия»²⁴. Единственное спасение от божьей кары, которая уничтожит старый грешный мир, это либо уйти в горы, где «явится бог», либо в указанные пять городов. «В этот час отмщения останется только пять городов, и люди, бежавшие сюда, будут спасены, а все другие города, деревни и сады со всеми, кто в них нахо-

дятся, будут разрушены или сожжены, как Содом»²⁵. В соответствии с этим районы гор и пяти городов превращались в первые центры революционных сил чешского крестьянства. Среди различных захолустных городов выделяются — Пльзень, «город Солнца» (здесь власть перешла в руки бедноты, руководимой священником Вацлавом Корандой), Клатови, Лоуни, Жатец и Слани; по другим данным, и Писек, где, как мы видели, в 1419 году дело дошло до нападений на монастыри и где власть перешла в руки мелких ремесленников, поддержанных беднотой, а может быть, и самой бедноты.

Наибольшее значение имела гора Табор, которая получила свое название от горы Фавор, упоминаемой в ветхозаветном сказании о мучениях Израиля под игом царя Ханаанского (Книга Судей, IV, 6). Пророчица Дебора вела народ к победе, повинувшись словам бога: «Пойди, взойди на гору Фавор и возьми с собой десять тысяч человек...»²⁶. Уже сам библейский текст показывает, для чего народ должен собираться в горах. Нужно было объединить эксплуатируемых — самым надежным оружием против угнетателей было единство народа. Прежде всего необходимо было спаять воедино крестьян, пришедших со всех концов Чехии, повысить их самосознание. Поэтому проповедники разъясняли им, что именно они являются избранниками божьими, которые призваны Христом, чтобы жить в его обновленном царстве. А чтобы можно было дать отпор феодалам, которым были вовсе не по душе подобного рода народные демонстрации, проповедники предостерегали народ и призывали к активной борьбе: «Тот, кто такому врагу станет выплачивать деньги, или оказывать какую-нибудь помощь, или водить с ним дружбу, должен быть уничтожен, — и тело его, и имя его»²⁷. «В этот наш час будет конец века, а с ним и искоренение всего злого на этом свете»²⁸. В этот час отмщения христианский закон любви нужно заменить законом меча. «В этот час отмщения добрые люди должны покинуть все города, села и сады»²⁹. Настал последний час, еще не поздно послушаться слов христовых, близок конец мира, и «заря Судного дня зардела на востоке. Будем бодрствовать, ибо не знаем, в какой час ангел затрубит в трубу»³⁰. Понятно, что эти воззвания оказывали глубокое воздействие на народ, вызывая в нем твердую решимость следовать за теми, кто поведет

«в райскую обитель, где будет цвести вера и произрастать справедливость»³¹. Многие проповедники в заманчивых красках рисовали будущее «царство христово», расцветшее на обломках старого общественного порядка. «В тот час не будет на земле ни королей, ни владык, ни подданных, не будет никаких платежей, ни налогов, никого ни к чему не будут принуждать силой, потому что все будут равными братьями и сестрами»³². Это была та жизнь, о которой мечтали эксплуатируемые крестьяне, деревенская и городская беднота. Это была конечная цель ее пути, к этому сводились ее классовые требования. Бедняки, не задумываясь, бросали все, что имели, громили гнезда эксплуататоров (дома священников, монастыри) и уходили в горы или в пять городов.

Здесь знакомились они со своими земляками и братьями, столь же угнетенными и бесправными, как и они.

Покинув села и посады,
Собрались божии отряды
На Таборе, в других горах,
На Беранеке, в полях.
В тихой вере и смиренье,
В дружбе, братском единенье,
Всё делили меж собой —
Кто яйцо, кто хлеб сухой³³.

Здесь в горах крепло единство широких слоев народа, столь необходимое для борьбы с угнетателями.

Движение народа к Табору достигло кульминационного пункта в июле 1419 года, когда здесь сосредоточилось 40 000 паломников; это были уже не только уроженцы Бехиньска и южной Чехии, сюда стекался народ из восточной Чехии и из Моравии. Уже тогда благодаря пламенной агитации Вацлава Коранды была налажена связь с беднотой Пльзеньского округа. Необходимо было, однако, спаять эти отдельные местные сборища воедино и завязать сношения с пражской беднотой.

Вскоре после 30 июля 1419 года беднота в Старом и особенно в Новом Месте была оттеснена от власти бюргерством, которое уже с первых шагов своих на исторической арене продемонстрировало свойственные ему двуличие и склонность к компромиссу. Бюргерство изъявило согласие на изгнание из города прелатов, церковных сановников и патрициев, поскольку оно зарилось на их богатства, однако

в то же время оно не хотело и не могло допустить, чтобы это было осуществлено беднотой. Штурм новоместской ратуши пражской беднотой и мелкими ремесленниками, нападение бедноты 7 августа на монастыри и 19 августа на публичные дома — все это казалось коншалам и бюргерам слишком революционными действиями. Весть о смерти короля Вацлава IV (16 августа) послужила толчком к новым действиям пражской бедноты. Смерть короля соответствовала пророческим предсказаниям. Разве хилиасты-священники не говорили, что «никакого короля уже больше не будет избрано на земле, потому что править будет сам Христос»³⁴? Королевский трон, внезапно освободившийся со смертью Вацлава IV, как казалось бедноте, был уготован для Христа; наступало его тысячелетнее царство. Беднота врывалась в пражские монастыри, выгоняла монахов, а также громила публичные дома. В среде бюргерства эти новые выступления бедноты вызывали все большую тревогу.

Поэтому городской совет одно время выступил даже в защиту прелатов и монахов. Еще не достигнув своих классовых целей, бюргерство уже искало союза с панами-чашниками. Многие представители бедноты, принимавшие участие в поджогах и разгроме монастырей, были схвачены и брошены в темницу. Желивскому не удалось удержать новоместской ратуши. Впрочем, бюргерство Нового Места не отважилось на союз с панством. Во главе Нового Места встало тогда мелкое бюргерство, которое поддерживало союз с беднотой и использовало ее выступления в своих интересах.

30 сентября 1419 года на Кржижках (у Ладви, около деревни Сулице, между Прагой и Бенешовом) было созвано громадное народное собрание. Здесь и был осуществлен союз между пражанами (беднотой и мелким бюргерством) и теми, кто жил на горе Табор. На Кржижках пражская беднота и таборские переселенцы встретились с пльзеньской беднотой и крестьянством юго-западной и западной Чехии. Тогда уже отчетливо звучали голоса, призывавшие собрание к активным боевым действиям. Уже 17 сентября собравшиеся на горе Бзи обратились с воззванием ко всему чешскому народу, где говорилось: «А поэтому, милые сыновья, утвердитесь в законе и мужественно выполняйте его; ибо когда вы исполните то, что повелено вам в законе господом богом

вашим, вы будете встречены со славой»³⁵. Вацлав Коранда говорил на Кржижках: «Братья! Знайте, что зацвел виноградник, но козлы хотят объесть его; потому ходите не с посохом, но с оружием»³⁶. Вечером того же дня при свете факелов и под звон колоколов народ сошел с Кржижек и, пройдя через Вышеград, вступил в Прагу. Таким образом пражская беднота, возглавляемая Желивским, получила подкрепление (правда, очень ненадолго).

Однако присутствие в Праге, наряду с беднотой, революционно настроенных крестьян, непосредственно угрожало чешскому панству и бюргерству. Дело дошло до того, что гуситское панство предательски заключило союз с королевой Софией и прелатами. К этому союзу присоединились и староместские бюргеры, еще раз доказав этим свой страх перед деревенской беднотой. Крестьяне вынуждены были покинуть Прагу. Единственное спасение от революционной опасности бюргерство видело в союзе с реакционными силами. Знать, к которой присоединилось и пражское бюргерство, страшилась главным образом предстоящего народного собрания, которое, по решению организаторов собрания на Кржижках, должно было быть создано в Праге в день св. Людмилы (10 ноября 1419 года). Реакция во чтобы то ни стало хотела помешать этому собранию.

Толпы крестьян, спускавшихся с гор и стекавших к Праге, должны были столкнуться с панским войском, во главе которого стоял Петр из Штернберка и Конопшты. В начале ноября под Живгоштем это войско напало на крестьянские отряды, шедшие к Праге из южной Чехии; произошло первое военное столкновение между плохо вооруженными толпами народа и тяжело вооруженными панскими войсками. На помощь южночешским отрядам пришли отряды из западной Чехии, в результате чего паны вынуждены были отступить. Чешские феодалы у Живгоштя в первый раз почувствовали силу революционных народных войск, которых они, несмотря на свой численный перевес и прекрасное вооружение, не могли победить. Избежав расставленной им ловушки, толпы крестьян прорвались к Праге на соединение с пражской беднотой.

Между тем Ченек из Вартемберка вместе с другими панями Праги нашел путь к перемирию с Сигизмундом. В наследнике чешского престола Сигизмунде реакция

видела свое единственное спасение. Однако в действительности Сигизмунд, испытывавший постоянные финансовые затруднения, обремененный огромными долгами и столкнувшийся, кроме того, с затруднениями в своем венгерском королевстве, был не в состоянии оказать чешской реакции помощь, которая дала бы ей возможность задушить в самом зародыше гуситское революционное движение. Сигизмунд ограничился призывами к порядку и, главное, обещаниями панам в награду за их верность возместить понесенные ими убытки путем дарений и отдачи в залог королевских и церковных имений. Панство, равно как и немецкий патрициат, заключило с Сигизмундом союз, освященный церковью. Ченек из Вартемберка и другие паны — сторонники Сигизмунда — осадили Малую Страну* и Пражский Замок, обезопасив таким образом левый берег Влтавы. Между тем в Прагу стекались крестьяне. Сюда шли и вожди бюргерства со всей Чехии, прежде всего из южной и западной.

Именно в это время на пражских улицах появились священник Амброж — народный проповедник из Градецкого края, и Микулаш из Гуси — обедневший дворянин из южной Чехии, один из организаторов ухода в горы. Возможно, что Амброж вдохновил и организовал уход народа на гору Ореб, где постепенно сосредоточивалось крестьянство и городская беднота восточной Чехии. Однако революционные силы все более концентрировались в Градце Кралове, который превращался таким образом в мощный центр революционного движения. Пребывание Амброжа в Праге, очевидно, было связано с делом организации народных масс. Для той же цели находился в Праге и Микулаш из Гуси (о котором еще при жизни Вацлава говорили, что он хочет стать чешским королем). Некоторое время он служил при дворе, но уже в 1419 году стал одним из первых организаторов ухода на гору Табор. Современники характеризуют этого рыцаря как человека, отличавшегося ученостью и широким политическим кругозором. Амброж и Микулаш вместе с обедневшим дворянином Жижкой из Троцнова, который в то время служил в вышеградском королевском гарнизоне, встали во главе пражского народа, предпринявшего 4 ноября наступление на Малую Страну. Беднота и мел-

---

* Малая Страна — часть Праги. — *Прим. ред.*

кое бюргерство, под предводительством Жижки, с помощью крестьян из юго-западной и южной Чехии, после трехдневных ожесточенных боев овладели также и левым берегом Влтавы и угрожали цитадели реакции — Пражскому Замку. Однако даже в этот раз пражское бюргерство остановилось на полпути: через голову Микулаша из Гуси, Амброжа и Жижки коншелы начали переговоры с панством. Результатом было перемирие (13 ноября), фактически представлявшее собой новую уступку реакции. Как и в начале сентября, крестьянство и городская беднота ушли из Праги. Революционная беднота, которую вели обнищавший дворянин Брженек Швиговский из Долан и Ян Жижка из Троцнова, вновь направилась к Пльзеню, где действовал Вацлав Коранда. Пражское бюргерство осталось на прежних позициях. Ноябрьские бои, всю тяжесть которых выдерживали и городская беднота и крестьянство, ясно показали, что бюргерская Прага не может стать организатором и вождем революционного движения, пока она ощущает только давление слева и не получила еще удара со стороны реакции.

Народные сборища в горах были первой формой концентрации народных масс. Здесь росло самосознание крестьянских масс, формировалась их идеология, возникали те лозунги, с которыми они шли в бои 1419 года. Здесь проповедники с их отвлеченными проповедями исправления общества превращались в вооруженных бойцов, готовых мечом уничтожить старый общественный строй и подготовить таким образом создание бесклассового общества «царства христового». Одним из важных результатов ухода в горы было основание нового революционного центра — Табора.

2. Табор в период господства бедноты

Разрушение Усти Сезимова и основание Табора. — Ведущая роль деревенской бедноты в Таборе в 1420 году. — Попытки обобществления предметов потребления в Таборе. — Победа таборитов при Судомерже. — Укрепление военных сил Табора отрядами Жижки. — Занятие таборитами южной Чехии. — Переговоры чешского бюргерства с Сигизмундом. — Переход пражского бюргерства в лагерь революции под натиском бедноты. — Манифест пражан о помощи в связи с крестовым походом. — Поход таборитов на помощь Праге. — Осада Праги крестоносцами. — Победа гуситов над крестоносцами в битве на Витковой горе. — Разложение войска крестоносцев и бегство их из Чехии. — Раскол между таборитами и

пражским бюргерством. — Микулаш из Гуси и споры внутри Табора. — Конец гегемонии бедноты в Таборе. — Уход пикартов из Табора. — Мартин Гуска по прозвищу Локвис. — Истребление пикартов.

Изучая социально-экономическое положение предгуситской Чехии, легко прийти к выводу, что крестьянство южной Чехии подвергалось наиболее тяжелой эксплуатации. Две громадные вотчины южночешских феодалов (златокорунская и рожемберкская) представляли собой как бы гигантские мельницы, под жернова которых непрерывно попадали не только крепостные, но и все более разорявшееся низшее дворянство. Многолетний гнет южночешских феодалов вызвал естественную реакцию; южная Чехия стала очагом народной ереси, выражающей протест крестьянства против опоры феодализма — католической церкви. Следующим шагом южночешского народа на его революционном пути был уход в горы. Весной и зимой 1419 года необходимость создания единого революционного центра стала особенно очевидной. После того как не увенчались успехом попытки превратить Прагу в такого рода центр, надежды эксплуатируемых обратились к Пльзеню — «городу Солнца». Однако южночешское население в связи с усилением реакции потеряло возможность собираться в горах. Этому препятствовали также осенняя непогода и распутица. Кроме того, Усти Сезимово перестало быть безопасным убежищем для южночешских повстанцев и их вождей — еретических проповедников. Пан Усти и церковники отнюдь не намерены были терпеть в городе «беспорядки». Гуситы нашли поддержку и убежище на зиму в окрестных деревнях и в дремучих лесах. Проповедники продолжали свою кипучую деятельность. К ним стекались все новые и новые толпы крестьянства, привлеченные идеей уничтожения старого мира, разрушения гнезд эксплуатации и приготовления к тысячелетнему «царству христову». Из фантастических пророчеств, из «Священного писания», которое они толковали на свой лад, они старались узнать, когда наступит долгожданный час. Конец мира настанет на масленицу 1420 года, и все праведные и верные, которые хотят увидеть во славе грядущего с неба Христа и одесную его быть свидетелями гибели старого порядка, пусть бегут в горы, то есть к верным людям, — так говорили народные трибуны в конце 1419 и в начале 1420 года.

На масленицу 1420 года началось всеобщее выступление народных масс южной Чехии. На рассвете 21 февраля 1420 года крестьяне и городская беднота вышли из леса и при поддержке местного мелкого бюргерства напали на Усти Сезимово. Это было в первую среду поста, когда богатые бюргеры, прелаты и пан города еще переживали масленичное похмелье, в день, когда кончалась необузданная, буйная масленица и начинался серый, суровый сорокадневный пост. Этот день как бы символически знаменовал собой пропасть, отделяющую масленичное изобилие правящего класса от сурового голодного поста и лишений, которые терпел угнетенный народ. Пан города, церковники и патрициат были застигнуты врасплох. Некоторые из них были захвачены при взятии города, кое-кому удалось унести ноги ценой утраты всего своего имущества. Революционные народные массы, во главе которых стояли священник Ванчек, звонарь Громадка, Ян из Быдлина и Ян по прозвищу Смолин (это были те, «кто первым нашел путь в горы»), прочно овладели городом. Весть о взятии Усти Сезимова облетела весь край, сюда прибывали все новые и новые толпы крестьян: «К этому городу изо дня в день из окрестностей стекалось все больше сторонников чаши»¹. Вскоре после взятия Усти Сезимова был занят и крутой мыс над Лужницей при впадении Тисменицкого ручья, где некогда стояло Градище. В развалинах крепости, в месте, удобном для обороны, расположилась табором часть путников. Но гуситы, находившиеся в Усти Сезимовом, искали новые места, где они могли бы прочно обосноваться, понимая, что новая, справедливая жизнь и новый общественный строй могли быть созданы только на новой почве; тысячелетнее царство равных, царство братьев и сестер не могло вырасти от старых прогнивших корней, нужны были новые, молодые посадки. Чтобы покончить счесть с феодальным порядком, повстанцы 30 марта подожгли Усти Сезимово и переселились на Градище, где и был заложен Табор. Создание Табора — акт, в котором проявился революционный подъем народных масс. За наспех сооруженными укреплениями Табора впервые в истории человечества создавалось новое общество, строители которого стремились осуществить идеалы «Священного писания», воплотить в жизнь вековые мечты народных масс об имущественном и социальном равенстве.

Анализ «Книги казней панов из Рожемберка» свидетельствует, что большую часть населения Табора составляла деревенская и городская беднота. Кроме того, жители 150 деревень ушли в Табор, а если и оставались на старых местах, то оказывали поддержку таборитскому войску. С возникновением Табора связан тот факт, что 13 окрестных деревень и 2 местечка совершенно опустели — жители их, повидимому, также ушли в Табор. В Табор стремилась преимущественно деревенская беднота — батраки и поденщики.

Преобладание бедноты в Таборе, само собой разумеется, должно было отразиться как на общественном устройстве, так и на идеологии таборитов. В 1420 году беднота в Таборе была не только движущей силой, но и организатором. Неясным чаяниям эксплуатируемой бедноты лучше всего соответствовало представление о бесклассовом обществе, идеалы которого на основе текстов «Священного писания» рисовали им ревностные проповедники. Пусть все принадлежит всем, пусть общественные потребности удовлетворяются из общественных источников. Всякий, кто принес с собой собственное имущество, должен отдать его на благо всех; если у человека несколько грошиков, — пусть внесет их в кассу общины, если движимость, — пусть сложит в общую кучу. Кадки, куда складывалось обобществленное имущество, были для таборитов своего рода символом тысячелетнего «царства христового». «Так же как и в Градище, пусть на Таборе не будет ничего моего и ничего твоего, но пусть всего у всех будет поровну; отныне все у всех и всегда должно быть общим и никто не должен иметь ничего своего, если же кто-либо имеет что-нибудь отдельно, — это смертный грех»². Требованием бедноты было уничтожение всех форм эксплуатации: «Также говорили, что все должны быть братьями, а панов чтоб не было и чтоб человек не подчинялся человеку, и потому приняли они имя братьев, говоря, что отныне не будет больше ни податей, ни оброков, ни тех, кто принуждает их платить»³. Таборитские проповедники развивали хилиастическое учение, стараясь вселить в массы горячую веру в победоносное окончание борьбы. Называя себя «ангелами божьих отрядов», таборитские проповедники утверждали, что они призваны возвестить народу божьи веления. В этот час отмщения были отвергнуты церков-

ные авторитеты, бог открывал истину непосредственно сердцам верных. «В ту пору для праведных не будет ни скорбей, ни страданий, никто не станет поучать ближнего своего и не нужно будет ни книг, ни писания, ни библии, но закон божий будет запечатлен в сердце каждого, и вся мирская мудрость погибнет»⁴. Таборитские проповедники отвергли, таким образом, весь строй и догматы католической церкви; по их мнению, во главе «божьих отрядов» должны стоять простые верующие, они же должны были исполнять и «закон божий». Таким образом, введение «закона божия» означало для таборитов разрушение старого феодального порядка и создание бесклассового общества. Бог обратил свой взор на верных своих и повелел таборитским проповедникам вывести измученный народ из мрака унижения — к солнцу, к райскому блаженству. С церковников-феодалов был сорван ореол святости. Теперь делом, угодным господу, провозглашалась классовая борьба бедноты, которая до сих пор знала лишь безысходную нужду и горькие унижения. А чтобы победить в предстоящих боях, нужно было вооружаться. Табор возник в самом центре владений Рожемберков. Гордые бастионы замков и крепостей, стены укрепленных городов грозно обступили центр революционного движения. Повсюду тайлся неприятель, собиравший силы для удара. Тылом таборитов, неиссякаемым источником революционной энергии, откуда Табор черпал свои силы, были деревни — жалкие деревенские лачуги, хутора и дворы. Здесь табориты повсюду находили друзей, отсюда к Табору — острову евангельской жизни — толпами стекались новые братья, здесь Табор находил твердую опору. Опираясь на необозримые массы крестьянства, табориты могли начать победоносные бои.

Военная сила Табора чрезвычайно возросла, когда в конце марта 1420 года, приблизительно в ту пору, когда из горящего Усти Сезимова толпы братьев и сестер направлялись к новому пристанищу, к Табору подошли военные отряды, созданные Яном Жижкой из Троцнова. После неудачной попытки в ноябре 1419 года объединить революционный народ Праги Жижка отступил к Пльзеню. Однако тогда он еще не возглавлял революционного отряда; первым воеводой был обедневший дворянин Брженек Швиговский из Рожемберка. Однако уже в Пльзене проявилось военное дарование Жижки. Он

вел победоносные бои с превосходящими силами пльзеньского ландфрида (союза дворянства пльзеньской области); у Некмержи он нанес поражение пану Богуславу из Швамберка. Однако, несмотря на эти мелкие успехи, положение Жижки в Пльзене в начале 1420 года становилось все более затруднительным. Беднота и мелкое бюргерство были постепенно оттеснены от власти в городе, пльзеньский патрициат начал снова поднимать голову; патрициат опирался на пльзеньский ландфрид и возлагал надежды на помощь короля Сигизмунда, который выслал отряды для осады Пльзена. Гарнизон Жижки был, кроме того, ослаблен, поскольку пришлось отправить к Табору подкрепление под начальством гетмана — бедного земана Хвала из Маховиц. В марте 1420 года Пльзень подвергался не только нападению извне; в городе шли и внутренние раздоры. Ян Жижка, сознавая, что Пльзень — главной гуситской твердыне — грозит опасность, решил перенести центр тяжести движения во вновь созданный Табор.

В конце марта, в самом расцвете весны, договорившись предварительно о свободном выходе, отряд под начальством Брженека Швиговского и Яна Жижки выступил из Пльзена в Табор. Это был смелый переход небольшого и плохо вооруженного отряда, насчитывающего, если верить Старому летописцу, всего лишь 400 бойцов, не считая священников. Не численность, не вооружение, а воодушевление и подъем придавали огромную силу этой кучке людей, которая прорвалась к Табору через стокилометровое кольцо феодальных владений. Их вела надежда на лучшую, светлую жизнь.

Огромные потери в кровопролитной битве при Судомерже заставили «железных панов» почувствовать силу восставшего народа.

Табориты прибегли к остроумному приему: они устроили ограды из сцепленных повозок на плотине пруда; от этих оград с большим уроном были отброшены войска феодалов. В этом столкновении табориты потеряли пана Брженека Швиговского. Он пользовался большим уважением, это видно из того, что говорили о нем после его смерти таборитские священники: «Также на том свете мы очень скоро увидим пана Брженека, восставшего из мертвых, и магистра Яна Гуса, и других близких нам умерших избранников божьих

и будем с ними блаженствовать до самого Судного дня»⁵. После битвы у Судомержи Ян Жижка привел свой победоносный отряд на Градище Табора, где его с ликованием встретили табориты. Окрестные феодалы вскоре на своем опыте убедились, насколько высок боевой дух Табора. Стремительными атаками таборитские войска овладели крепостью Седлице, где укрывался пан Усти Сезимова Ольдржих из Усти. Та же судьба постигла и мощный замок Раби. Упомянуть о взятии этих двух опорных пунктов феодализма необходимо хотя бы потому, что сами методы борьбы, примененные таборитами, ясно показывают классовый характер их выступлений, их классовые цели. При взятии Седлице и Раби табориты уничтожили все, что было связано со старым феодальным строем. В дымящихся развалинах замков остались трупы панов и солдат гарнизона: пленных не брали. Были сожжены все богатства, драгоценности, дорогая одежда и украшения феодалов. Даже столь враждебно настроенный по отношению к таборитам хронист, каким Вавржинец из Бржезова, вынужден был с удивлением признать, что победоносные таборитские войска при взятии этих опорных пунктов пренебрегли добычей точно так же, как пренебрегла ими пражская беднота, когда во время дефенестрации 30 июля 1419 года в Новом Месте уничтожила не только феодалов, но и все принадлежащие им ценности: «Однако в тот момент у них не брали того, что на них было, но серебряную каску и пояс каждого из них положили с ним вместе»⁶. Источники свидетельствуют, что во время дефенестрации в Новом Месте и при взятии Седлице и Раби восставшие обнаружили полное презрение к ценностям.

Весной 1420 года движение таборитов быстро охватило всю южную Чехию. Восстания, вспыхнувшие во всех чешских областях, слились в один пожар, целое море огня. Крестьянство с оружием в руках вставало на бой. Разрозненные отряды крестьян — ходы * Домажлиц, крестьяне северо-западной и восточной Чехии, около Ледчи на Сазаве выступали против феодалов. Однако наиболее укрепленным и безопасным центром движения был Табор. При взятии Вожице табориты захватили большое

---

* Ходы — крестьяне, поселяемые на границах государства для их защиты. — *Прим. ред.*

количество лошадей, что дало возможность Жишке, до сих пор располагавшему только пешим войском, создать конницу и таким образом добиться новых военных успехов. Чешские феодалы, над которыми нависала все более и более грозная опасность, сознавали, что им не справиться с ней собственными силами, в особенности теперь, когда со смертью Вацлава чешский трон опустел и не было власти, которая могла бы обеспечить необходимую военную помощь для охраны феодального порядка. Тем усиленнее церковники и высшее дворянство призывали на помощь папу и германского короля — наиболее реакционные силы Европы.

Сигизмунд Люксембургский, король германский и венгерский, долго недооценивал силы чешских еретиков. Он, один из столпов европейского феодализма, слишком полагался на свою собственную силу. Умело запугивая церковь, он обеспечил себе в качестве «защитника» ее денежную и моральную помощь. Он отличался беспринципностью и был в курсе всех интриг международной политики. В тот период, когда события в Чехии требовали решительного вмешательства Сигизмунда, у него, несмотря на всю его ловкость, были связаны руки; ему мешали раздоры в среде церковных сановников (борьба между собой трех пап и затем борьба папы с Константинопольским собором), а главное — энергичные нападения турок, которые проникли на Балканы и угрожали сокровищнице Сигизмунда — Венгрии. Сигизмунд запугивал церковь турецкой опасностью, надеясь выжать из духовенства побольше денег. Поэтому только после настойчивых вызовов из Чехии в начале 1420 года Сигизмунд выступил против чешских еретиков. В Братиславе он жестоко расправился с горожанами, пытавшимися свергнуть власть патрициата. Он приказал казнить 23 бунтовщиков из числа братиславских бюргеров, а двух пражских бюргеров, подозреваемых в гуситстве, «там в Братиславе приказал сжечь, а прежде волочить конями». 17 марта 1420 года особый папский легат Фердинанд при поддержке Сигизмунда торжественно объявил крестовый поход против «уиклифистов и гуситов». Было решено вырвать с корнем «еретические чешские плевелы» и водворить во всех владениях Сигизмунда порядок, который устроил бы также и церковных иерархов.

Позиция Сигизмунда по отношению к гуситству вы-

вела пражских горожан из состояния нерешительности. Осень 1419 года наглядно показала, что пражское бюргерство, сколько бы оно ни обличало старый порядок, отнюдь не собиралось бороться за исполнение своих требований, а предпочитало путь компромисса. Базой слабого чешского бюргерства являлось еще недостаточно развитое ремесло. Бюргерство, несмотря на то, что оно видело в феодалах и в особенности в церкви опасного врага, боялось вступить с ними в открытую борьбу из страха перед революционной беднотой. Поэтому пражские конщелы, в чьи руки перешло имущество изгнанного немецкого патрициата, помешали сосредоточению народных масс в Праге в начале ноября 1419 года и начали переговоры с панским союзом и непосредственно с Сигизмундом. От Сигизмунда потребовали признания «всего того, что произошло» (то есть занятия ратуши, изгнания богатых церковных сановников и патрициата), и усиления политического значения городов. Бюргеры охотно шли на переговоры и уступки и еще в мае 1420 года признали Сигизмунда своим «наследственным владыкой» и даже позволили вернуться некоторым ранее бежавшим или изгнанным патрициям. Однако посланцы из Брно и Кутной Горы явились в Прагу с требованием безоговорочной капитуляции. Сигизмунд не хотел уступать «хлопам» ни в чем. Возвращение в Прагу духовенства, обновление городского управления (то есть восстановление власти патрициев) и снятие уличных заграждений (то есть полное разоружение) — вот то, что «его милость» считала необходимым условием для переговоров с «бунтующими» пражанами. Казнь братиславских бюргеров, позорная смерть знатного пражского бюргера Красы на братиславском эшафоте наглядно показали пражанам, на каких условиях собирается Сигизмунд заключить перемирие. Натиск справа, со стороны врагов «божьей правды», ускорил переход пражского бюргерства в революционный лагерь, на сторону пражской бедноты. Именно в этот период, весной 1420 года, Ян Желивский, исходя из текстов Ветхого завета, доказывал, что ветхозаветная «апокалиптическая блудница» — это не кто иной, как король Сигизмунд, и «подстрекал народ восстать против короля, а короля называл кровавым драконом»⁷. Видя, что надежда на мирное решение спора с Сигизмундом рухнула, а волна революцион-

ного движения захватывает бедноту и мелкое бюргерство не только Праги, но и всей Чехии, пражское бюргерство окончательно встало на сторону революционного народа. 3 апреля 1420 года общины пражского Нового и Старого Места собрались под руководством Яна Желивского и заставили коншелов принести присягу в верности чаше и дать обещание бороться с ее врагами. Пражское бюргерство под натиском как революционных, так и реакционных сил присоединилось наконец к гуситскому революционному движению.

В пламенных манифестах пражские бюргеры призывали на помощь население всех чешских областей и указывали на смертельную опасность, угрожающую чешской земле в связи с нападением крестоносцев. Следует напомнить, что представлял собой средневековый крестовый поход. Это было поголовное истребление еретиков и беззастенчивый грабеж, происходивший с одобрения «святого отца»; понятно, что весь чешский народ встал на патриотическую борьбу против иноземцев, которые шли на помощь эксплуататорам. Тот же патриотический призыв к народу — вспомнить его героическое прошлое — звучит и в пражском манифесте, который зовет всю чешскую землю на бой с крестоносными ордами. «Чтобы вы, как мужественные рыцари, вспомнив храбрых отцов ваших, старых чехов, горячо любивших свою родину, подобно им поднялись против этого зла и встали с нами и с обеими общинами великого Старого и Нового Места Пражского, которые объединились и порешили все как один и крепко на том стоят, и чтобы вы и советом и делом помогали нам против всякого, кто взял на себя тот проклятый крест и действует как крестоносец»⁸.

В мае 1420 года табориты выступили на помощь Праге. Военно-административной организацией Табора руководили 4 выборных гетмана. Это были Микулаш из Гуси, который, вероятно, стоял во главе всего Табора, «муж великой учености и широкого кругозора», Збынек из Бухова, Хвал из Ржепиц и Ян Жишка из Троцнова, «выдающийся смелостью и храбростью». Все они были обедневшими дворянами, которых народ выбрал себе в предводители за их военные способности, поскольку народу нужны были воины, искушенные в битвах. Под их руководством шли бои с окрестными феодалами, под их руководством 20 мая 1420 года, несмотря на сопро-

тивление со стороны панских войск, табориты с женами и детьми — на возах, конные и пешие — подошли к Праге. Они были торжественно и радостно встречены, в особенности бедной, которая видела в них столь желанное подкрепление в ее непрекращающейся борьбе с бюргерством. Действительно, появление таборитов в Праге означало укрепление революционных сил. Табориты всюду выступали против роскоши, против пышности церковного богослужения и хотели силой принудить богатую Прагу к евангельской бедности и смирению.

Революционные силы еще больше укрепились, когда вскоре после таборитов в Прагу явились толпы революционного народа из северо-западной Чехии, где в районе городов Жатца, Лоуни и Слани начал складываться мощный местный революционный центр. Помощь Праге оказал и народ из восточной Чехии, выступивший под руководством священника Амброжа; это были оребиты (участники ухода на гору Ореб). Итак, только в мае 1420 года Прага, столица королевства, стала наконец центром революционных сил всей Чехии. Прага, готовившаяся к бою с крестоносцами, сыграла тогда решающую роль в деле дальнейшего развития революционного движения. По своему положению и значению она была тем естественным центром, куда сходились все нити управления революционным движением, которое до сих пор представляло собой разрозненные местные вспышки. Борьба гуситов в осажденной Праге стала делом всей чешской земли, всего чешского народа.

Прежде всего была окончательно сломлена сила слабого и нерешительного бюргерства Старого Места. Под давлением «Великой общины», то есть собрания всего народа и таборитских гетманов, коншелы были смещены и на их место выбраны новые — из среды мелкого бюргерства, неуклонно придерживавшегося линии, начертанной Яном Желивским. В то же время были разгромлены монастыри и дома богатых горожан и изгнаны оставшиеся еще в городе патриции (преимущественно семьи ранее бежавших патрициев), а имущество их было конфисковано. Всех, кто не объявил себя открыто сторонником чаши, «стражники вывели из города, а имуществом их завладела община»⁹. В общем до 1 400 богатых горожан и патрициев, главным образом немцев, бежало из пражского Нового Места, а все их имущество досталось

общинам, то есть пражскому народу. Богатые бюргеры в спешке, захватив с собой драгоценности и деньги, бежали в Пражский Замок, находившийся в руках пана Ченека из Вартемберка, бывшего гусита, которому ныне Сигизмунд передал высшую власть в стране.

Эволюция политических взглядов пана Ченека как нельзя лучше характеризует эволюцию взглядов всего чешского панства. Пока шел процесс захвата церковных имений, Ченек был вместе с гуситами, но как только Сигизмунд начал готовиться к походу в Чехию, он тотчас перешел к нему и в награду за «верность» получил временную верховную власть в чешской земле. Когда же он увидел, что Пражский Замок заполнен бежавшими патрициями и что эти патриции принесли с собой драгоценности, он объявил себя сторонником пражан, отступился от Сигизмунда, отобрал у патрициев все их достояние и выгнал их из Замка. Однако карьера расчетливого, жадного и эгоистичного чешского пана на этом не кончилась. Когда в страну вступили крестоносцы, пан Ченек, исполненный страха, снова кинулся в объятия короля Сигизмунда. Поведение пана Ченека из Вартемберка не было единственным фактом; примерно таким же образом вела себя большая часть высшего дворянства.

Между тем столица королевства Прага лихорадочно готовилась к отпору крестоносцам. После смещения коншелов и конфискаций внутреннее положение в Праге укрепилось — она превратилась в крепость за стенами которой впервые в нашей истории со всех концов Чехии собрался революционный народ, решивший бороться до полной победы. В то время как мужчины, объединенные в отряды, вступали в мелкие стычки с королевским гарнизоном в Вышеграде и на Градчанах, многочисленные «таборитские, жатецкие, лоунские и сланские женщины вместе с пражскими женщинами по приказанию старших копали рвы»¹⁰. У всех — у мужчин и у женщин — была одна цель: обезопасить твердыню революции — Прагу — от ударов реакционных сил.

Прагу действительно нужно было укрепить как можно сильнее. С помощью папского легата Сигизмунд набрал со всей Европы огромную армию крестоносцев, и теперь эта армия была готова ворваться в Чехию. В ряды крестоносного войска шли разорившиеся или корыстные люди. Они надеялись, что во время крестового похода

Прославление Гуса (из литомержицкого сборника начала XVI века, 1510—1514 гг.)

Гуситов сбрасывают в шахты (кутпогорский сборник).

им удастся поправить свои дела и обогатиться за счет грабежа еретиков. Проповедники обещали им, что при этом они сохранят свою душу чистой и безгрешной. Собралась огромная армия (численностью, должно быть, до 100 тысяч), огнем и мечом прокладывавшая себе путь к сердцу Чехии — Праге.

Король Сигизмунд вторгся с войском в северо-восточную Чехию. Он отнял у гуситов Градец Кралове и обосновался в Кутной Горе, где местный патрициат получил подкрепление в лице бежавших сюда пражских патрициев. В Кутной Горе, несмотря на то, что здесь было много работавших по найму горняков (в большинстве своем подсобных рабочих), в отличие от других городов, дело не дошло до революционного взрыва — очевидно, потому, что Кутна Гора в качестве главной королевской сокровищницы неизменно занимала привилегированное положение по сравнению с другими городами, вследствие чего и положение бедноты в Кутной Горе, вероятно, было относительно более благополучным, чем, например, положение бедноты в Праге. Кроме того, патрициат крепко держал в своих руках власть в городе. Только весной 1420 года часть горняков покинула город и присоединилась к окрестным крестьянам, которые собирались на горе между замком Липнице и Ледчи на Сазаве. Однако кутногорские патриции во-время поняли опасность, которая могла возникнуть в случае соединения городской и деревенской бедноты. Путем подарков и обещаний они заставили горняков возвратиться в город, а крестьян принудили к бегству. В Кутной Горе надолго было водворено спокойствие. Город стал резиденцией королевского двора.

Обосновавшись в Кутной Горе, Сигизмунд пытался искоренить в чешских городах все те силы, которые поддерживали гуситов. Он овладел городами Слани и Лоуни, ослабленными после отхода в Прагу подкреплений, занял Мельник и Литомержице, пытаясь сомкнуть кольцо вокруг Праги.

Между тем Ольдржих из Рожемберка с помощью австрийских панов собрал войско и попытался взять и уничтожить Табор, также ослабленный в связи с уходом части войск в Прагу. Но в результате доблестной обороны, а также в результате того, что Микулаш из Гуси привел из Праги подкрепление, неожиданно и стреми-

тельно напавшее на врага, Ольдржих из Рожемберка потерпел жестокое поражение. Табор был спасен. Неожиданное нападение крестьянства, возглавляемого священником Амброжем, вырвало из рук короля и Градец Кралове. Теперь решающим стал вопрос — устоит ли Прага.

30 июня 1420 года кольцо вокруг Праги замкнулось. Крестоносная армия прошла через западную Чехию, оставляя за собой сожженные и разграбленные села, и у Праги соединилась с венгерскими и чешскими отрядами Сигизмунда. Она расположилась в виде дуги на левом берегу Влтавы. «Тут были люди различных поколений, языков и народов: чехи, моравы, венгры, хорваты, далматинцы и болгары, валахи, сиккулы, цуны, ясы, русы, голы и словаки; пруссаки, швабы, тюрингенцы, штирийцы, мейссенцы, баварцы, австрийцы, саксонцы, франконцы, французы, англичане, брабантцы, вестфальцы, голландцы, швейцарцы, лужичане, корутане, арагонцы, испанцы, поляки, немцы с Рейна и многие другие»¹¹. Таково было войско, готовившееся напасть на «гнездо еретиков» — твердыню революции.

После нескольких безуспешных стычек, в которых крестоносцам пришлось познакомиться со смертоносными таборитскими цепями, часть войска под предводительством маркграфа Саксонского попыталась перейти на правый берег Влтавы и атаковать в лоб новоместские укрепления. Однако революционные гуситские войска расстроили этот план. В течение июня и июля на пражских улицах создавались день ото дня растущие отряды, готовые отдать жизнь за ту «божью правду», которую возвестили им проповедники. А эти последние непрестанно говорили, что бог на стороне революционного народа и что он не допустит разгрома своих верных. Разбить в бою «божьих воинов» не может и сама армия Сигизмунда, как бы она ни была велика.

Подымайтесь, подымайтесь, люди пражские,
Божьи воины королевства чешского,
Рыцарь, простолюдин и все силы земские,
Против рати царя Вавилонского,
Городу грозящего Иерусалимскому,
Праге славной и народу чешскому.
Нечего венгерского вам короля бояться,
Будет он с позором против вас сражаться
И своей победой чехи наслаются¹².

Революционный народ восстал 14 июля 1420 года и в знаменитой битве на Витковой горе, где Ян Жижка со своими таборитами, вооруженными цепами, успешно отразил натиск саксонцев, крестоносцы были отброшены и бежали в диком смятении за реку, где было расположено основное ядро армии Сигизмунда. Битва на Витковой горе (с тех пор Виткова гора переименована в Жижкову) впервые наглядно показала, на что способна революционная народная армия, даже если она выступает против численно превосходящего неприятеля. На пражских улицах народ с ликованием встретил бойцов Жижки, возвращавшихся после первой великой победы над крестоносцами:

Дети! Все восславим бога
И хвалу его чертогам
Воздадим.
Ибо венгров, швабов, немцев,
Беглых чехов и мейссенцев
Он от чешского порога
Отогнал, разбил, на них наваял страх,
Ради чад своих любимых
Он поверг их в прах.
Чехи верные, восславим
Бога в небесах¹³.

Ликующие строфы новых песен, сложенных таборитским священником Чапеком, звенели повсюду, их пел весь народ.

Первая крупная победа революционных сил над главными силами старого эксплуататорского строя стала действительно всенародной победой, источником могучего патриотического воодушевления.

Но дело не ограничилось вооруженной борьбой. В июле (вероятно, к концу месяца) произошел диспут, на котором выступили ораторы той и другой стороны. Гуситы уже раньше завязали сношения с противником и послали в его лагерь манифест с целью устроить диспут о гуситской программе. В основу этого диспута должны были быть положены четыре пражские статьи, в которых гуситы формулировали свою программу. Четыре пражские статьи возникли на основе классовых требований бюргерской оппозиции. Проповедники провозглашали их в городах, а университетские магистры — в

Праге. В эпоху, когда на пражских улицах со всех концов Чехии собирался революционный люд, четыре пражские статьи стали программой, которая объединяла широкую коалицию классов, шедшую в бой под знаменем с изображением чаши.

Для городской бедноты и для деревенского люда четыре пражские статьи были программой-минимум, первым шагом на пути к решительной и глубокой перестройке всего общественного строя. Что касается бюргерской оппозиции (главным образом той ее части, которую составляли дворянство и богатое бюргерство), то для нее четыре статьи были программой-максимум, пределом ее желаний, программой отчасти даже слишком решительной. Но когда началась подготовка к диспуту о четырех статьях с крестоносцами, пришлось оставить мысль о том, чтобы опустить какую-нибудь из этих статей. Безоговорочное признание всех четырех статей было основным требованием революционного народа, собравшегося в Праге. Пражане выдвинули даже требование, чтобы диспут о гуситской программе проводился публично на четырех языках: чешском, немецком, венгерском и латинском. Это требование расширяло агитационное значение диспута, который должен был разъяснить рядовым бойцам, за что воюют гуситы. Однако папский легат Фердинанд и король Сигизмунд больше уповали на меч, чем на силу слова, и не собирались способствовать проникновению ереси в свое и без того уже разлагающееся войско. Они были убеждены, что неподатливые чешские еретики, пусть и не сломленные в 1420 году, безусловно будут поставлены на колени в ходе дальнейшего крестового похода. Вот почему все попытки договориться потерпели неудачу.

Однако полное крушение потерпела и попытка взять Прагу. Поражение на Витковой горе способствовало разложению крестоносной армии, полный распад ее был неизбежен. 28 июля Сигизмунд короновался чешским королем и принял присягу от находившихся в его войске чешских панов. Этот удобный случай он использовал для того, чтобы без зазрения совести захватить драгоценности святовитского храма. Сигизмунд позволил содрать с образов золото и серебро, расплавить монстранции, золотую и серебряную церковную утварь и таким образом добыть средства для уплаты жалованья солдатам; была

ограблена даже золотая рака «святого предка» Сигизмунда, св. Вацлава. Однако, несмотря на все это, крестоносное войско пришлось распустить и снять осаду; ни ограбленные королевские сокровищницы (кривокладская и карлштейнская), ни захват церковного имущества в Пражском Замке не дали возможности соединить золотыми скрепами те трещины, которые образовались в войсках крестоносцев. Разрозненные ватаги крестоносцев самовольно ушли из-под Праги к границам страны, одержимые жаждой новой добычи, надеясь завладеть обещанным им достоянием еретиков. Грабежи и пожары, стоны жителей сопровождали отступление этого сброда, призванного в Чехию, чтобы задушить в зародыше гуситское революционное движение.

Пока неприятель стоял у ворот, пражские бюргеры дрожали мелкой дрожью и со страха безоговорочно подерживали сельскую и городскую бедноту в ее борьбе. Но как только отступили последние крестоносцы, снова открылись старые язвы раздоров между пражским бюргерством и таборитами. Беднота считала победы над «царем Олоферном» знаком милости божьей и призывом к дальнейшим действиям. В начале августа табориты и пражская беднота добрались до еще не уничтоженных монастырей в Новом и Старом Месте и принялись их разрушать. В то же время таборитские проповедники представили пражским коншелам и университетским магистрам 12 статей, принятия которых они настойчиво добивались. В этих статьях выдвигалось требование отмены существующей системы законодательства: вместо «языческих», «немецких» законов следовало установить «божий закон», на основе которого надлежало организовать всю городскую жизнь; чтобы приблизиться к идеалам апостольской церкви, следовало упорядочить ремесла и торговлю, уничтожить всякую роскошь и сделать жизнь нравственной и добродетельной; доходы, шедшие в карман церковников, должны были быть отняты у них, «все ростовщические записи» уничтожены. Нарушение этих незыблемых принципов, на основе которых табориты хотели договориться с пражанами, должно было повлечь за собой применение суровых и строгих мер. Однако пражское бюргерство и слышать не хотело об этих таборитских статьях, уничтожавших основу основ его организаций, мощное орудие для подавления бедноты — город-

ское право. Ян Желивский, опираясь на бедноту, принял еще одну попытку сохранить тесную связь с таборитами. Он сместил тех коншелов, которые особенно враждебно относились к таборитам, а на их место поставил своих приверженцев. Тем не менее мира между таборитами и пражским бюргерством установить не удалось, и табориты с негодованием покинули Прагу. Так уже в 1420 году стало ясно, что союз бедноты с бюргерской оппозицией может существовать лишь до тех пор, пока им грозит опасность со стороны общего врага.

После ухода из Праги табориты снова направились в южную Чехию и опять принудили окрестных феодалов к обороне. В этих боях табориты захватили еще два города, которые временно попали под власть феодалов, — Водняни и Прахатице. С тех пор Прахатице стала прочным оплотом таборитов, так же как и Писек, который, после того как в нем не стало королевского гарнизона, примкнул к Табору. Серьезным успехом было также взятие двух принадлежавших Ольдржиху из Рожемберка замков (Пржибениц и Пржибеничек) — мощных крепостей, расположенных в непосредственной близости от Табора. Это ценнейшее для таборитов приобретение — дело рук проповедника Вацлава Коранды, который находился в тюрьме в Пржибенице. Узнав о том, как ненавидит Рожемберков их челядь, он послал за таборитскими братьями; этот крепкий замок пал под ударами извне и при поддержке, которую атакующие получили изнутри. Тогда же был утоплен таборитами епископ Никопольский Герман из Боротина, который в 1417 году в замке пана Ченека из Вартемберка посвящал гуситских священников. Взятие Пржибеница ясно показывает, почему табориты одерживали победы над феодалами. Табориты достигали успеха благодаря союзу с батраками и челядью. Сельская беднота видела в таборитах союзников; она решительно выступала против своих хозяев и отдавала их замки и крепости в руки восставшего народа.

В конце 1420 года Прага снова призвала на помощь таборитов. Король Сигизмунд с помощью чешских панов собрал новое войско и подступил с ним к Праге, стремясь выручить осажденный пражским войском вышеградский гарнизон. Во главе таборитов, спешивших на помощь Праге, стоял Микулаш из Гуси. Битва под Вышеградом (1 ноября 1420 года) принесла победу

пражским городским отрядам и таборитам. В особенности плохо пришлось цвету чешского и моравского дворянства; 24 «пана-хорунжих» (то есть знатных земских дворянина) лежали «над прудом, как снопы на поле». Вышеград, вынужденный сдаться пражанам, был занят и разрушен, «чтобы впредь уже не смог принести вреда городу».

После этой победоносной битвы, в декабре 1420 года, в Праге была предпринята попытка к примирению между пражским бюргерством (его представителями были университетские магистры Якоубек из Стржибра, Прокоп из Пльзенья и Петр из Младеновиц) и таборитами, от которых выступали священники Мартин Гуска, по прозвищу Локвис, Маркольт из Збраславиц и Микулаш из Пельгржимова. За объединение стоял и Ян Жижка, который был также участником этого заседания (происходившего в доме пана Петра Змерзлика). Однако Микулиш из Гуси отказался вести переговоры с пражанами и в особенности решительно восставал против кандидатуры польского короля на чешский трон, за которую стояли как пражские бюргеры, так и Ян Жижка. Микулаш из Гуси привлек на свою сторону часть таборитов и попытался заключить тайный союз с пражской беднотой, стремясь таким образом помешать объединению. Но пражские коншелы с помощью стражников «навели порядок», и Микулаш, разгневанный и раздосадованный, вместе со своими сторонниками оставил столицу. По дороге он был тяжело ранен и перенесен в Прагу, где умер 24 декабря 1420 года. Сторонники таборитов в Праге, то есть беднота, горевали о Микулаше, в то время как коншелы ликовали, избавившись от столь опасного противника.

Смерть Микулаша из Гуси произошла в тот период, когда Табор все явственнее распадался на два крыла: одно составляла беднота, другое — бюргерская оппозиция. Весьма вероятно, что и в этом разделении нужно видеть закономерный процесс дифференциации классовых интересов бедноты и бюргерской оппозиции. На первом месте среди таборитских гетманов стоял Микулаш, один из первых организаторов ухода в горы. Опираясь на революционные войска, он поддерживал тесную связь с пражской беднотой. Но с конца 1420 года бедноту на Таборе стали систематически притеснять. Уже в день св. Гавла в 1420 году в Таборе и его деревнях собирался оброк, какой обычно собирали с крепостных. Если даже

считать, что взимание этого оброка было вызвано потребностями обороны, все же это было отступление от хилиастической программы «царства божьего» — того царства, где «оброков не будет» и где не станут «обдирать бедноту». Хилиастическая программа обобществления имущества при тогдашнем состоянии производительных сил на несколько столетий опережала исторический процесс и, естественно, уже в силу этого не могла быть осуществлена.

«Но в то же время это стремление выйти за пределы не только настоящего, но и будущего могло быть лишь фантастическим, лишь насилем над действительностью, и первая же попытка осуществить его на практике должна была отбросить движение назад, в те узкие рамки, которые только допускали тогдашние условия»*.

Таким образом, это было обобществление продуктов потребления, оставившее средства производства в частных руках; только результаты индивидуального хозяйствования должны были передаваться всему коллективу.

Замыслы таборитов неизбежно принимали фантастический характер. Только путем экспроприации средств производства у эксплуататоров и захвата власти рабочим классом можно реально осуществить то, о чем мечтали табориты. Это стало возможно лишь в наши дни — лишь в нашей народной демократической республике мы на основе принципов марксизма-ленинизма, следуя примеру великого Советского Союза, строим общество, в котором нет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых.

Введение в Таборе хилиастической собственности было обусловлено интересами обороны. «Правда, у таборитов уже существовала своего рода хилиастическая общность имущества, однако, лишь в качестве чисто военной меры»**. Беднота, интересам которой отвечало обобществление предметов потребления, не была в ту эпоху определившимся и организованным классом, она представляла собой лишь зародыш будущего класса. Беднота была движущей силой революционного движения, тем не менее даже в Таборе во главе ее с самого начала стали мелкие дворяне, правда, обедневшие и стоявшие на одном уровне с высшими слугами, но стремившиеся к изме-

* Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М., 1952, стр. 37—38.

** Там же, стр. 38.

нениям лишь в рамках феодального общественного строя. Кроме того, воспользовавшись благоприятным моментом, в Табор явились обедневшие ремесленники; развитие ремесленного производства было неизбежной предпосылкой экономического укрепления революционного центра. Позиции бедноты были также ослаблены тем, что часть ее с самого начала была полностью занята на службе в армии.

Так подготовлялась ликвидация гегемонии бедноты в Таборе, а вместе с тем и срыв осуществления программы хилиастического обобществления имущества. Первым зловещим признаком было уже упоминаемое нами введение оброка, собираемого в день св. Гавла. В результате такого рода эволюции среди хилиастических священников стали выдвигаться те проповедники, которые защищали интересы бюргерской оппозиции, выступая с наиболее радикальным толкованием четырех пражских статей. Во главе этих священников стал Микулаш из Пельгржимова, по прозванию Вискупец, который осенью 1420 года был избран таборским епископом. Этим избранием Табор не только окончательно уничтожил зависимость Чехии от католической церкви и заложил основы самостоятельной церковной организации, но и вступил на путь оттеснения хилиастических проповедников. Если до сих пор самостоятельное и свободное исследование и толкование «Священного писания» были основным требованием таборитского хилиазма, то отныне складывающаяся таборитская церковь стала на путь подавления и обуздания идеологической свободы. Проповедники, которые и в дальнейшем продолжали предвещать близкий конец мира и наступление тысячелетнего «царства христового», были поставлены вне официального таборитского учения. В своей последовательной борьбе против феодального общественного строя и его опоры — католической церкви — проповедники-хилиасты дошли до крайних пределов вплоть до отрицания «святых даров»; этих проповедников называли «отверженными еретиками», «пикартами», их подвергали жестоким преследованиям.

Во главе пикартских проповедников стоял блестящий оратор, идеолог бедноты Мартин Гуска, который не переставал горячо выступать против мистического толкования «Священного писания» и возвышения священников над простыми верующими. «Святые дары», то есть главное, что еще не утратило ореола святости у пражских гуситов,

Он называл «шкварками и мотылем» — наживкой для заманивания и одурачивания простых людей. К «святым дарам», к которым остальные священники приближались со священным трепетом и в которые слепо верили, пикарты подходили рационалистически. Говорили, что в сырости они плесневеют, что их грызут мыши — в чем же тогда признаки их святости? В этих взглядах уже проявлялось новое мировоззрение, в основе которого лежал опыт, а не вера. Такие взгляды могли, разумеется, возникнуть у пикартов только в результате тесного единения с беднотой, идеологами которой были пикартские проповедники.

В первые месяцы 1421 года судьба бедноты в Таборе была решена. Прежде всего хилястические и пикартские проповедники были изгнаны в Пржибениц, с ними ушли многие из их сторонников. Затем они были изгнаны и оттуда, а когда они укрепились в Клокотах и совершили оттуда нападение на таборитское бюргерство, был призван Жижка, дабы истребить «еретиков». Возможно, что между этими отверженцами феодального общественного строя были также люди с неправильными представлениями о нормах человеческого общежития, некоторые из них в ожидании конца мира предавались различным извращениям и разнузданным оргиям. Нельзя, однако, принимать на веру то, что говорят о так называемых адамитах («голых») хроники и другие источники, написанные фанатическими противниками бедноты (например, Вовржинцем из Бржезова и Яном Пржибрамом), которые в интересах бюргерской оппозиции стремились оклеветать опасных для нее революционеров. Впрочем, известно, что такие мотивы были обычны в произведениях и других средневековых писателей, нападавших на бедноту. К сожалению, от рукописей идеологов самой бедноты до нас дошло очень мало. Однако даже по этим источникам, в частности по последнему письму Мартина Гуски, пикарты предстают в совершенно ином свете, чем, например, в описании хроник. Это были люди, действительно страстно желавшие установления справедливого строя на земле и мечтавшие о бесклассовом обществе, люди, которые, как бы самоотверженно они ни боролись за победу своих идей, были обречены на гибель самим ходом общественного развития.

Ян Жижка из Троцнова во главе войска, начальником которого он стал после смерти Микулаша из Гуси,

разгромил «гнездо еретиков» в Клокотах. Главные идеологи пикартов были схвачены, остальные либо перебиты, либо силой принуждены к обращению, а 45 «еретиков» было сожжено на костре. «Все они, несмотря на увещания Жижки, не хотели отказаться от своих заблуждений, но, весело смеясь, шли в огонь, уверяя, что сегодня будут царствовать с Христом». Спасаясь от преследований, Мартин Гуска напрасно искал убежища по всей Чехии. Он был схвачен и брошен в тюрьму. После тщетных попыток заставить его отречься от ереси его отвезли в Прагу, где должны были публично сжечь как архиеретика. «Но пражские коншелы, боясь народного мятежа, так как многие в народе были расположены к этому Мартину»¹⁴, отменили казнь. Мартин был казнен в Руднице 21 августа 1421 года. Когда измученный Мартин вместе со своим другом был приведен в костру и ему предложили обратиться к народу с просьбой молиться за него, он со свойственной ему твердостью сказал: «Мы не нуждаемся ни в каких просьбах или молитвах, просите за тех, кто в этом нуждается»¹⁵. Вслед за тем они были забиты в бочку и сожжены.

Истреблением пикартов в Клокотах и смертью Мартина заканчивается первый период истории Табора, а вместе с тем и гуситского революционного движения. В первые месяцы 1421 года с гегемонией бедноты в Таборе было покончено. Правда, беднота Праги под предводительством Яна Желивского еще в течение почти года держалась наряду с бюргерством у власти, но поражение бедноты в Таборе сильно подорвало, разумеется, положение также и пражской бедноты, которую уничтожение пикартов лишило ее основной опоры. С 1421 года беднота играла роль только движущей силы революции, которую бюргерская оппозиция использовала в своих интересах — отнюдь не для разрушения, но лишь для исправления феодального строя. Ведущей силой и организаторами революционного движения отныне являлись бюргерство и низшее дворянство, которые стремились ввести бурные революционные воды в спокойное русло и заставить их служить классовым интересам бюргерской оппозиции.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БЮРГЕРСКАЯ ОППОЗИЦИЯ ВО ГЛАВЕ ГУСИТСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

1. Ян Жижка из Троцнова

Ян Жижка из Троцнова как представитель бюргерской оппозиции. — Значение бюргерской оппозиции в деле сплочения и дальнейшего развития революционного движения. — Изменение настроений пражского бюргерства после обогащения их в результате конфискаций. — Борьба пражской бедноты под руководством Яна Желивского. — Создание городских союзов во главе с Прагой и Табором. — Чаславский сейм (1421 год). — Гуситство в Моравии. — Революционная диктатура Яна Гвезды из Вицемилиц и Яна Желивского. — Победа Жижки над Сигизмундом у Кутной Горы и Немецкого Брода. — Оттеснение бедноты от власти в Праге богатыми горожанами и убийство Желивского (9 марта 1422 года). — Значение деятельности Яна Желивского. — Сигизмунд Корибутович. — Новое братство, возглавленное Жижкой, так называемый Малый Табор. — Военный устав Жижки. — Попытка создания панского союза и провал его в результате побед Жижки у Горжиц, Градца Кралове, Скалицы и Малешова (1424 год). — Смерть Жижки у Пржибыслава (11 октября 1424 года). — Значение военной и политической деятельности Яна Жижки из Троцнова.

Период с 1421 по 1434 год — это период, когда бюргерская оппозиция вела «божьих бойцов» на новые битвы, период побед над силами международной реакции. В первые годы этого периода движение проходило под знаменем политической программы Яна Жижки и под его непосредственным руководством. Однако Жижка не сразу стал во главе гуситских войск. Все попытки буржуазной историографии изобразить гуситское революционное движение как «дело рук Жижки» исходят из ложной концепции, согласно которой историческое развитие есть результат деятельности отдельных личностей. Мы видели, что волна революционного гуситского движения захватила обширную территорию, трудящиеся чешских деревень и городов поднялись на борьбу против старого эксплуататорского строя. Мы видели далее, как во

главе этих стихийно поднявшихся людей, сначала выражавших свой протест уходом в горы, а затем объединившихся в боевые отряды, становились бойцы, закаленные в многолетних сражениях. Это были, как правило, выходцы из рядов бедного дворянства, которые в результате продолжительного кризиса превратились в наемных воинов, находившихся на службе панов и короля. Среди этих новых народных вождей выдвинулся Ян Жижка из Троцнова. Причины того факта, что до тех пор никому не известный дворянин, находившийся на королевской службе, стал вождем революционного движения, следует искать не только в личных дарованиях Жижки, но прежде всего в том, что он сумел поставить свои гениальные способности на службу интересам революционных, прогрессивных сил. Попытки объяснить все личными заслугами Жижки и игнорировать роль широких народных масс, составлявших основную силу народных армий, привели бы к неверному пониманию роли личности в истории.

О жизни Яна Жижки до 1419 года до нас дошли только отрывочные сведения. Нам известно, что он происходил из среды низшего дворянства, владел довольно значительным участком земли в Троцнове, но вскоре принужден был покинуть наследственную усадьбу — быть может, под давлением соседей, панов Рожемберков. Имя Жижки — если это только действительно наш Жижка — мы встречаем затем в «Книге казней панов из Рожемберка». Жижка возглавил небольшие отряды, состоявшие из обедневших рыцарей, людей, поставленных вне закона, вынужденных жить в дремучих лесах и в постоянной борьбе защищать свои права и самую жизнь.

Однако участие в этой борьбе не послужило препятствием Жижке в его дальнейшем продвижении: король милостиво простил ему разбойничьи набеги и, более того, принял к себе на службу. Военный опыт бывшего троцновского помещика накапливался не только в ходе малой войны против южночешских панов, но и в ходе длительной борьбы польской армии с Тевтонским орденом. Очень многие недворяне и обедневшие шляхтичи в то время поступали на службу к польскому королю и принимали участие в борьбе против немецкого ордена в Восточной Пруссии, в частности в славной победе над Орденом в битве при Грюнвальде (1410 год). Нам

неизвестно, участвовал ли Жижка в этой битве, но мы знаем, что он действительно был на службе польского короля и приобрел там новый военный опыт. Что же касается пребывания Жижки в Праге при дворе Вацлава IV, то оно способствовало его развитию в другом направлении — в нем крепла решимость начать борьбу за исправление недостатков феодального общественного строя. Он мог слышать ту острую критику церкви и всех общественных злоупотреблений, которая раздавалась с пражских кафедр. Особенно сильное воздействие должна была оказать на Жижку проповедь Гуса в Вифлееме, заставившая, вероятно, его задуматься не только над несправедливостью тогдашнего общественного строя, но и над тем, как улучшить этот строй.

Во время первых народных выступлений в 1419—1420 годах мы встречаем Жижку на улицах Праги. Тем не менее глубоко ошибается Пекарж, возлагая на Жижку ответственность за уничтожение и разрушение домов, церквей и монастырей, преувеличивая участие Жижки в борьбе на пражских улицах. Пекарж стремится доказать, что Жижка был всего лишь пламенным религиозным мечтателем, которому чужда была какая-либо политическая линия. Против Пекаржа лучше, чем что-либо другое, свидетельствует сама деятельность Жижки. Мы уже говорили, что Микулаш из Гуси не собирался вообще вступать в переговоры с пражанами и решительно отвергал польскую кандидатуру; Жижка, напротив, стремился путем переговоров устранить противоречия между пражским бюргерством и таборитами; по его мнению, власть избранного короля должна была обеспечить единство революционного движения. В прямом соответствии с общей позицией Жижки стоит истребление им пикартов в Таборе, которое является новым свидетельством того, что Жижка был идеологом именно бюргерской оппозиции; в первые месяцы революционного движения он, быть может, был также подхвачен быстро поднявшейся волной революционного движения бедноты (под руководством Желивского в Праге и Коранды в Пльзене), вскоре, однако, по отношению к бедноте он занял ту единственную классовую позицию, которую только и мог занять,— позицию, характерную для низшей шляхты и бюргерства. Не колеблясь ни минуты, с оружием в руках выступил он против идеологов бедноты в Таборе, которые стреми-

лись до основания разрушить феодальный строй и установить апостольское равенство всех людей.

Ян Жижка, а вместе с ним и остальные рыцари и бюргеры не могли сочувствовать идеям обобществления имущества и хилязму. Рыцари, даже если они и разорились, не переставали быть феодалами (поскольку они продолжали владеть крепостными) и, отнюдь не посягая на весь феодальный строй, стремились лишь к тому, чтобы улучшить свое положение. Бюргеры, несмотря на то, что они являлись элементом, чуждым феодальному обществу*, при тогдашнем развитии производительных сил также не хотели, да и не могли, уничтожить феодальный строй.

Ремесло не выходило за рамки цеховых ограничений, за пределы узкого местного рынка и еще не достигло той ступени, когда оно нуждается в полном устранении феодализма. Для дальнейшего развития ремесла и торговли необходимо было лишь ослабить путы феодальных привилегий. Ремесло обслуживало главным образом окружающие деревни. Для ремесленного производства была уже характерна специализация, но разделение труда фактически еще нигде не было осуществлено; капитал, как уже указывалось, обычно не вкладывали в ремесленное производство, на него покупали землю или обращали его в сокровища. Все это обуславливало слабость и нерешительность бюргерской оппозиции. Жижка, представитель этой оппозиции, положил в основу своей политической программы принципы, нашедшие выражение в четырех статьях, требовавших исправления как церкви, так и всего общества. Но он не хотел отступить ни от одного пункта «четырех божьих статей», он вел за них борьбу против любых врагов. Он бился за них против Сигизмунда, церковной иерархии, панства и патрициата, он бился за них также и против бедноты, которая считала программу четырех статей всего лишь введением к более широкой программе — полного упразднения феодализма.

Поэтому борьбу Жижки против пикартов мы не можем и не имеем права расценивать как проявление

---

* Средневековое бюргерство вряд ли можно рассматривать как нечто чуждое феодальному обществу; наоборот, средневековый город был городом феодальным как по характеру производства (цеховое ремесло), так и по политическому устройству (город как самостоятельный политический организм).— *Прим. ред.*

неблагоразумия или реакционности *. Мы не должны забывать, что бюргерская оппозиция при тогдашнем уровне общественного развития была силой, которая могла нанести наиболее мощный удар старому эксплуататорскому строю, и если и не уничтожить, то ослабить его. Бюргерство было общественной силой, самой закономерностью общественного развития призванной в будущем, когда она превратится в буржуазию, свергнуть феодализм. Только бюргерство и связанная с ним мелкая шляхта могли объединить, вооружить и охранить революционные армии, провести успешное наступление против внутренней реакции и защитить страну от орд крестоносцев. Поэтому, несмотря на то, что все наши симпатии на стороне бедноты и ее идеологов, несмотря на то, что именно они проявляли подлинный героизм, мы должны принять во внимание, что их устранение и уничтожение в дальнейшем ходе революционного движения было неизбежным, что неорганизованная и несформировавшаяся еще в единый класс беднота была неспособна объединить и возглавить революционные силы и повести их в наступление. Все эти условия, необходимые для дальнейшего расширения революции, могла выполнить только бюргерская оппозиция.

По отношению к таборитским пикартам и их принципиальной, героической, но безысходной борьбе за бесклассовое общество, за интересы деревенской и городской бедноты применимо высказывание Энгельса о борьбе Мюнцера: «Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. То, что он *может* сделать, зависит не от его воли, а от того уровня, которого достигли противоречия между различными классами, и от степени

---

* Выступление бюргерской оппозиции против феодалов, несомненно, носит прогрессивный характер, тем не менее борьба этой оппозиции с беднотой, с представителями революционных масс, реакционна, ибо только в союзе с этими массами бюргерство могло нанести удар феодальному строю. Выступление Жижки против сект, выражавших идеологию наиболее революционной части бедноты, в частности казнь Мартина Гуски и его приверженцев, несомненно, ослабило таборитское движение и способствовало разгрому таборитов.— *Прим. ред.*

Голова Жижики (из герба города Тавора, 1515 год).

Бой с гуситами (цветной рисунок из немецкой рукописи около 1450 года)

развития материальных условий жизни, отношений производства и обмена, которые всегда определяют и степень развития классовых противоречий. То, что он *должен* сделать, чего требует от него его собственная партия, зависит опять-таки не от него самого, но также и не от степени развития классовой борьбы и порождающих ее условий; он связан своими прежними доктринами и требованиями, которые опять-таки вытекают не из данного соотношения общественных классов и не из данного, в большей или меньшей мере случайного, состояния условий производства и обмена, а являются плодом более или менее глубокого понимания им общих результатов общественного и политического движения» *. Сколько бы ни боролись руководители таборитской бедноты за построение бесклассового общества, они не могли одержать победы, поскольку это значило бы на сотни лет опередить историческое развитие. Они неизбежно должны были быть раздавлены в борьбе с теми, кто сумел собрать и повести в бой самую широкую коалицию революционных сил, — в борьбе с руководителями бюргерской оппозиции.

Ян Жижка действительно заложил прочные основы силы и мощи революционного движения. Уже в 1421 г. вокруг Табора был создан прочный союз городов, таборитское братство, в которое, кроме Табора, входили города Писек, Прахатице, Сушице, Гораждёвице, Клятови и Домажлице. Опорой движения были бюргеры и мелкие шляхтичи, однако Жижке удалось вовлечь в свою борьбу также и сельское население. С уничтожением поборов в пользу церкви, всякого рода десятин, пожертвований, даяний и т. д., положение крепостных на земле таборитского братства, конфискованной у церкви, несомненно улучшилось. Таким образом, крепостные получили ощутимые доказательства того, что политика Жижки содействует улучшению их положения. Всему народу, в частности бедноте, было ясно, что необходимо оказать поддержку таборитской бюргерской оппозиции в ее борьбе хотя бы уже потому, что ее победы делали невозможным возвращение старых панов-палачей. Поэтому, хотя повинности крепостных и не были уничтожены, крестьяне

---

* Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М., 1952, стр. 96.

продолжали поддерживать войска Жижки; что касается бедноты, то, даже будучи предоставлена самой себе, она продолжала вооруженную борьбу, чтобы отплатить угнетателям за всё страдания, за всю ту нищету, в которой она задышалась в течение столетий.

С весны 1421 года таборитское братство, защищенное от внешнего врага постоянной армией, так называемыми походными войсками, снова завязало тесные отношения с Прагой. История Праги в годы гуситского революционного движения полна кровавых уличных боев, участники которых преследовали одну цель — овладеть ратушей. После изгнания немецкого патрициата «великой пражской общине» досталось громадное имущество. Патриции не только обладали лучшими домами в городе, они владели виноградниками, поместьями, усадьбами, а также крепостными деревнями, расположенными на обширной территории вокруг Праги. Из 182 конфискованных домов в Старом Месте в Праге 6 домов стоили менее 20 коп грошей каждый, 23 дома — от 21 до 50 коп, 31 дом — от 51 до 100 коп, 30 домов — от 101 до 200 коп, 13 домов — свыше 200 коп.

Для сравнения укажем, что поденщик получал около одного гроша в день, за корову платили от полкопы до одной копы, боров стоил около 20 грошей, за пару простых башмаков нужно было заплатить 3 гроша. Эти цены показывают, какую колоссальную сумму представляли собой двадцать коп грошей!

Прежде всего, повидимому, были конфискованы самые богатые дома. Если принять во внимание, что, например, в Таборе в 1432—1450 годах дом стоил примерно 5—7 коп грошей, мы придем к заключению, что пражские конфискованные дома были настоящими дворцами по сравнению с домами Табора. Примерно так же распределялась и стоимость 87 конфискованных домов на Новом Месте. Большой ущерб понесли патрициат и церковь с отменой рент. В конце августа 1421 года община пражского союза городов «приняла решение обо всех процентах, в городской черте записанных, или каким-либо иным образом утвержденных и подтвержденных, чтобы их никогда никому больше не платить»¹. Если учесть, что из 593 домов в пражской Старом Месте только 65 домов было свободно от рент и что только в период с 1400 по 1419 год у владельцев за неуплату ренты было

конфисковано 44 дома, станет ясно, какое тяжелое бремя было снято с горожан. Конфискации подверглись далее 160 имений, замков и крепостных деревень в районе Праги — имущество монастырей, церквей и патрициата; к этим владениям нужно добавить множество виноградников, а также незастроенных земель в самом городе. Все это показывает, насколько улучшилось положение пражского мещанства в 1419—1420 годах.

Все конфискованное имущество необходимо было, согласно распоряжению общины, изданному в 1421 году, продать «местным жителям и верным соседям», «богатому и бедному, всякому, кто больше может купить», «и преимущественно тому, кто больше сражался в боях за дело божье и общее благо, проливая кровь»². Заслуга осуществления конфискации и установления вышеуказанного принципа продажи принадлежит бедноте и мелким ремесленникам, которыми руководил Ян Желивский. Однако Желивский не мог провести этот принцип в жизнь, потому что бюргеры, главным образом те, которые засели в совете, использовали конфискацию для своего обогащения, не говоря уж о том, что фактически купить землю могли только люди зажиточные. Так, например, из одной части конфискованного имущества коншелы купили 15 имений, 7 виноградников, 4 сада, 4 луга, 2 мельницы, одну усадьбу, пруд и поле.

Расхватав конфискованное имущество и упразднив ренты, бюргерство постепенно утратило интерес к дальнейшему развитию революционного движения. Нам не понять причины ожесточенных боев бедноты и мелких ремесленников с богатыми бюргерами, если мы не примем во внимание, что у бюргеров, обогатившихся за счет конфискации, не было больше причин для того, чтобы продолжать напряженную революционную борьбу. Постепенное обогащение не только объясняет нам, почему они растеряли былой революционный пыл, но и свидетельствует об их первых шагах на пути измены революции. Эволюция пражских горожан более или менее напоминала эволюцию горожан других городов. Например, в Писке, одном из главных центров таборитского братства, доходы от имущества, конфискованного у изгнанного патрициата и церкви, также попали в карманы коншелов; эти коншелы, обогатившиеся в результате конфискации домов, заседали в ратуше еще в период Липан

(1434 год) и после Липан, когда они уже полностью перешли на сторону феодалов.

Однако в 1421 году Ян Желивский и его друзья были еще достаточно проницательны и сильны, чтобы не только разгадать планы пражских богатеев, но и сделать невозможным осуществление этих планов. Желивский, опираясь на бедноту, привлек на свою сторону и мелкое мещанство, как это показывают имена советников, назначенных Желивским 2 июля 1421 года, когда были объединены староместская и новоместская общины. 30 июня 1421 года Желивский во главе вооруженных отрядов выступил против ратуши и вновь захватил в городе решающие позиции. Вавржинец из Бржезове, главный враг Желивского, прямо пишет, что «Желивский владел тогда всей общиной». Одной из причин того, что ему удалось привлечь на свою сторону часть бюргерства, была необходимость укрепить позиции Праги вовне. Все хорошо помнили, что именно Желивскому и его сторонникам принадлежала основная заслуга завоевания восточночешских королевских городов, выступавших против Праги и стоявших за Сигизмунда. В тот период — в апреле 1421 года — «пан Ян» (как называет Желивского Вавржинец из Бржезове) во главе пражских отрядов подчинил Праге ряд городов, начиная с Ческого Брода. Прочная опора Сигизмунда, Кутна Гора, была также вынуждена перейти на сторону Праги. В восточной Чехии отряды Желивского соединились с походным войском Жижки и, осуществив быстрое наступление, очистили всю восточную и северо-восточную Чехию от врагов чаши. Тогда силой был вновь «приведен к чаше» крупный чешский пан Ченек из Вартемберка, — он был вынужден преклонить колена перед «святыми дарами» и принести присягу верности, которую принял Ян Желивский.

«Тогда пан Ян, начальник войска, сказал пану Ченеку: «Пан Ченек! Признаешься ли ты в том, что прогневил бога и согрешил против него и против этой пражской общины, покинув пражский замок и передав его в руки короля?» Тот ответил: «Признаюсь». А пан Ян сказал: «Просишь ли, чтобы господь бог и эта община простили тебя?» Тот сказал: «Прошу»³. Тот факт, что самый мощный чешский феодал, к тому же связанный с Сигизмундом, принужден был покориться, вновь доказал мощь народа, пражской общины, которой практически была

подчинена вся страна. Богу и пражской общине — то есть пражскому люду — принесли клятву верности Ченек из Вартемберка и ряд чешских городов. С помощью силы, а также путем переговоров удалось объединить 21 крупнейший чешский город: Бероун, Слани, Лоуни, Кадань, Хомутов, Литомержице, Бела, Мельник, Костелец на Лабее, Чески Брод, Коуржим, Нимбурк, Колин, Кутна Гора, Часлав, Хрудим, Високе Мыто, Поличка, Лито-мышль, Яромерж и Двур Кралове. Во главе этого могучего городского союза стала Прага. Пражские власти назначали и низлагали коншелов этих городов. Прага была высшей судебной инстанцией, она собирала со всех городов налоги, а в некоторых местах и назначала военачальников. В 1421 году Прага была главной опорой и организатором всего гуситского революционного движения.

О громадной силе пражского гуситского союза городов свидетельствовали и результаты чаславского сейма, собравшегося в начале июня 1421 года. В Чаславе собралась сословная община всей Чехии, чтобы попытаться решить вопросы, касающиеся судьбы страны. Собравшиеся отвергли кандидатуру венгерского короля Сигизмунда, отказали ему в повиновении, торжественно поклялись соблюдать верность четверем пражским статьям и неуклонно их выполнять. Было выбрано временное правительство страны, к которому должна была перейти власть в период «бескоролья». В числе 20 избранных членов правительства было 5 панов (в том числе Ольдржих из Рожемберка и Ченек из Вартемберка — вновь ставшие «усердными чашниками»), 4 пражанина (два из Старого и два из Нового Места), 7 земанов (к ним принадлежали Жижка и Збынек из Бухова, избранные от имени Табора) и 4 представителя городов (Рожмитала, Жатца, Градца Кралове и Коуржима). Как видно из перечня земских правителей, в Чаславе был достигнут компромисс с панством, которое постепенно присоединялось к гуситскому революционному движению. Перевес был, безусловно, на стороне пражского бюргерства (практически на его стороне были 8 представителей городов и земанов), между тем как роль Табора в правительстве далеко не отвечала тому значению, которое он играл в революционном движении. Перевес Праги, равно как и дух компромисса, проявился и при выборах двух главных третейских судей по вопросам веры — эти судьи должны были

находиться при правителях. Были избраны Ян Пржибрам, магистр Пражского университета, представитель богатых горожан и дворян-чашников и Ян Желивский.

В Чаславе присутствовали и представители моравской шляхты, поддерживавшие четыре статьи, но не отвергавшие Сигизмунда, как это сделала чешская сословная община. В Моравии опорой гуситства являлась только шляхта. Моравские города в отличие от чешских остались целиком под властью немецкого патрициата, который, беспощадно расправившись с еретиками, удержал в своих руках власть (уже в 1415 году в Оломоуце было сожжено два гусита, в 1421 году произошло сожжение гуситов в Знойме и т. д.). После 1419 года, когда в моравские города устремился патрициат, изгнанный из чешских городов, патрициат моравских городов еще более усилился. Таким образом, моравское бюргерство было полностью подавлено, более того, многие моравские города стали твердынями католицизма (например, Иглава, Зноймо, Брно и Оломоуц). В своем стремлении завладеть имуществом церкви, в своей борьбе с Сигизмундом моравское дворянство оказалось в одиночестве. Его политика, не поддержанная бюргерством, была неопределенной, неустойчивой и в конце концов должна была неизбежно привести к примирению с Сигизмундом. Этому способствовал и взрыв революционного выступления крестьянства в южной Моравии. В феврале 1421 года на одном из островов реки Моравы, у деревни Недакуниц, неподалеку от Стражницы, повстанцы под руководством священников-проповедников Бедржиха и Томаша начали строить новый Табор. «А те табориты были крестьяне со священниками и некоторыми земанами». Однако благодаря общим усилиям моравских дворян, Оломоуцкого епископа и патрициата этот моравский Табор был ликвидирован раньше, чем успел вырасти в прочный революционный центр. Восстание южноморавских крестьян заставило большую часть гуситской шляхты Моравии занять еще более правые позиции, отбросило ее в лагерь Сигизмунда. Поэтому моравские паны, в июне 1421 г. выступавшие в Чаславе за программу четырех статей, в ноябре 1421 г. на сейме в Брно под давлением Сигизмунда отrekliсь от этой программы и отказались вести борьбу.

Правительство, избранное на Чаславском сейме, фактически не стало, однако, решать вопросы, касающиеся

всей страны. Прага, возглавлявшая союз городов, прочно удерживала власть над всей страной. Могущество Праги сделалось возможным вследствие революционного переворота, имевшего место в конце июня и в начале июля 1421 года, когда Ян Желивский и назначенные им коншелы объединенной староместской и новоместской общины стали неограниченными властителями Праги. Революционно настроенная беднота, городские низы поддерживали своего вождя и обеспечивали революционный порядок в городе.

Положение внутри Праги необходимо было действительно укрепить, потому что летом 1421 года от Хеба снова стали приближаться отряды крестоносцев. Два потока крестоносцев, опустошая и сжигая все на своем пути, направились от Хеба вдоль Огржи к Хомутову и подошли к Жатцу. Пражское войско, руководимое Яном Желивским, действовало не слишком успешно. Судьбу боя решили подкрепления таборитов, так что военного столкновения, собственно, и не произошло. Слуха о том, что подходят табориты во главе со слепым Яном Жижкой, оказалось достаточно, чтобы полчища крестоносцев, расположившиеся лагерем под Жатцем, охватила паника. Они поспешно отступили. После того как осажденные сделали быструю вылазку из Жатца, поражение крестоносцев было завершено. Чешские гуситы одержали еще одну победу.

Ян Жижка в этот период был уже слеп: при взятии замка Раби он был ранен в единственный оставшийся глаз, и, несмотря на все заботы пражских врачей, сохранить глаз не удалось. Но Жижка — всеми почитаемый, непобедимый гетман — остался во главе таборитских походных войск. Вокруг него были подгетманы, подробно знакомившие его с местностью и замыслами врагов, и Жижка всегда находил выход из любого положения, как бы тяжело оно ни было, всегда вел своих братьев в победоносное наступление. После поражения второго крестового похода войска Жижки, как это бывало уже и раньше, обратились против внутреннего врага — светских и церковных феодалов и одного за другим заставили их покориться.

Когда Ян Желивский вернулся после битвы при Жатце, он вынужден был вновь вступить в борьбу с богатыми горожанами, которые, воспользовавшись его отлучкой из

Праги, опять совершили переворот. Пока войска, возглавленные Желивским, отбивали у Жатца натиск крестоносцев, назначенные им советники были лишены власти; богатое бюргерство, вступив в союз со шляхтой, снова овладело ратушей. Однако Желивский, опираясь на массы пражского населения, вновь одержал победу. 19 октября 1421 года он созвал большую общину Старого и Нового Места Праги у церкви св. Стефана на Рыбничке. Там он снова напомнил собравшимся цель их борьбы, призвал их быть бдительными, сохранить верность начатому делу. Он рекомендовал также избрать гетмана, который обеспечил бы революционный порядок и искоренял измену в рядах богачей и шляхты: «А когда он сказал много дурного о панах королевства, встали некоторые из отряда названного священника Яна, указали на Яна Гвезду, нового рыцаря, преданного общине, мужественного защитника истины святого писания, и пожелали, чтобы он был избран гетманом, и все, сколько их ни было, избрали его. И все их сторонники в этот час громко кричали: «Так, так»⁴. Руководителем пражской общины народное собрание избрало, таким образом, друга Желивского, бедного рыцаря Яна Гвезду из Вицемилиц. С 19 октября 1421 года Прага была во власти революционной военной диктатуры. Представители новой власти прежде всего порвали те узы, которыми богатое бюргерство и университетские магистры хотели связать Прагу с панством. Инициатор и проводник этой реакционной политики пан Ян Садло из Костельца уже 20 октября 1421 года был обезглавлен в ратуше на страх всем, кто попытался бы совлечь Прагу с революционного пути в лагерь реакционного панства. В связи с этим народ напал на Криштыана из Прахатиц, магистра университета, защитника шляхты и богатого бюргерства. В начале ноября против Желивского открыто выступил Якоубек из Стржибра, который, стремясь отстранить его от руководства Прагой, обвинил его в пикартской ереси. Однако революционная диктатура сделала невозможной какую бы то ни было попытку реакционного переворота. Войсковой гетман Гвезда с четырьмя подгетманами и Ян Желивский обеспечили революционный порядок, это им удалось главным образом потому, что туча наемных войск вновь приближалась к чешским границам. Внешняя опасность способствовала смячению внутренних противо-

речий в самой Праге и объединяла гуситов в единый фронт.

Осенью 1421 года король Сигизмунд, изгнанный из чешских городов, собирал новую армию в Венгрии и Моравии. После тщательной подготовки в Чехию двинулось огромное войско. Тогда-то гуситское панство показало свое подлинное лицо — не колеблясь ни минуты, паны во главе с паном Ольдржихом из Рожемберка и Ченеком из Вартемберка предали пражан и перешли на сторону Сигизмунда. Гарнизоны и войска пражан в восточной Чехии отступали перед превосходящими силами врага; казалось, что катастрофа неминуема. Во все стороны полетели усиленные просьбы о помощи. Дворяне не помогли Праге, — более того, шляхетские отряды были посланы в армию Сигизмунда. И вновь на помощь Праге пришел Табор, возглавляемый Жижкой. 1 декабря 1421 года слепой полководец во главе своего войска въехал в пражские ворота. Его приветствовал торжественный колокольный звон и радостные крики пражского населения. Со всех концов Чехии в Прагу вновь собирались народные армии, которые под руководством Жижки выступили к Кутной Горе, навстречу войску Сигизмунда.

Кутна Гора приняла божьих бойцов Жижки с лицемерной радостью. Однако в действительности богатые коншелы никак не хотели примириться с мыслью, что им придется воевать бок о бок с таборитами, на которых они попрежнему смотрели, как на сброд, сборище «хлопов». Стремясь всеми средствами завоевать расположение Сигизмунда и перейти на его сторону, они вступили с ним в переговоры. Пока Жижка вел у ворот бой с вырвавшимися вперед венгерскими конными частями, которые немилосердно грабили чешские деревни, коншелы открыли ворота своим прежним землякам, ныне входившим в войско Сигизмунда. Вместо того, чтобы стать надежной опорой Жижки, Кутна Гора стала западней, в которую должен был попасться непобедимый гетман. Жижка был вынужден отступить, однако он отвел войско в полном боевом порядке и, собрав подкрепление, в начале января 1422 года взял Кутну Гору, велел ее сжечь и быстрыми ударами изгнал войска Сигизмунда из страны. Ряд победоносных сражений завершился сражением 9 января у Немецкого Брода, где отступавшие в беспорядке части врага потерпели новое поражение. В занятом

городе многие гуситские воины во главе с Яном Жижкой были торжественно посвящены в рыцари. Сигизмунд снова убедился, что разгром гуситского революционного движения потребует предельного напряжения сил.

После того как войска Сигизмунда были успешно отражены, в Праге собрались гетманы гуситских войск. Перед ними снова встал вопрос о ликвидации внутренних противоречий пражской общины, вспыхнувших вновь после того, как была устранена внешняя опасность. Богатые горожане, снова объединившиеся со шляхтой, требовали от собравшихся в Праге гетманов указа, запрещающего священникам участвовать в общеполитической жизни. Это требование было направлено прежде всего против Яна Желивского, ибо прежде всего его упрекали в том, что он, будучи священником, принимает участие в мирских делах. Решением 5 февраля 1422 года были смещены коншелы, посаженные Желивским; новых же коншелов не разрешалось смещать в течение целого года.

Сразу устранить Желивского было невозможно. Поэтому его назначили в комиссию четырех (вместе с магистрами Якоубеком, Энглишем и Кардиналом), которая должна была следить за соблюдением религиозного порядка. Затем, однако, одно за другим произошли новые события. 9 февраля Ян Гвезда из Вицемилиц был снят с поста верховного гетмана, на его место был назначен пан Гашек из Вальдштейна — таким образом все важнейшие должности в городе перешли в руки реакционной группы. А 9 марта 1422 года Яна Желивского предательски заманили в староместскую ратушу, где он был схвачен и казнен вместе со своими ближайшими соратниками. Кровь, струившаяся на улицу из-под ворот ратуши, выдала коншелов; пражане догадались, что происходит за запертыми воротами ратуши. По всей Праге разлетелось известие, что коншелы убили Желивского. Люди с оружием в руках сбегались к староместской ратуше. Напрасно верховный пражский гетман пан Гашек из Вальдштейна пытался разогнать собравшийся народ. «Один бедный работник с дубиной поднялся на пушку Яромирку, стоявшую перед ратушей, и громким голосом кричал: «Сюда, беднота! Сюда, сюда!»⁵. Староместская площадь и улицы наполнились шумными толпами вооруженной бедноты. «И очень скоро некий брат нашел голову священника Яна, выбежал с ней из ратуши и показал ее собравшимся.

Увидев голову священника Яна, люди стали так кричать, плакать, шуметь и жаловаться, что я не знаю, кто мог бы это правдиво описать»⁶. Собравшийся народ понимал, что со смертью Желивского он потерял неустрашимого борца за интересы бедноты. Охваченные гневом и печалью, бедняки ворвались в городской совет, разогнали его, а затем напали на дома богатых бюргеров и коншелов; не пощадили они и домов университетских магистров и священников. Толпы бедноты и мелких бюргеров, подобно смерчу, пронесли по пражским улицам, уничтожая все, что напоминало об убийцах любимого вождя. Беднота снова овладела Прагой; однако теперь у нее не было организованного руководства, сказывалось отсутствие революционного вождя Яна Желивского.

После предательского убийства Желивского бюргеры лишились вождя, который в течение трех лет уверенно руководил политикой Праги. Если пражское бюргерство, несмотря на всю свою осторожность и склонность к компромиссу, боролось вместе с таборитскими войсками, это было прежде всего заслугой Желивского.

Именно потому, что вся жизнь и деятельность Яна Желивского была ярким образцом жизни подлинного революционера, он стал жертвой клеветнических измышлений буржуазной историографии. В. В. Томек пытался изобразить Желивского «демагогом», возглавлявшим «пражский сброд» и мутившим пражское бюргерство. Этот образ Желивского дописал И. Пекарж, изобразивший его «фантазером» и «хилиастическим безумцем», повинным во всех революционных действиях пражского населения. Отношение к Желивскому Томека и Пекаржа — свидетельство той реакционной, контрреволюционной позиции, которую заняла буржуазия в период, когда она оказалась лицом к лицу с растущими силами революционного пролетариата. Однако подлинная деятельность Желивского, о которой мы здесь вкратце рассказали, опровергает измышления буржуазной историографии. Труды А. Ирасека и З. Нееды раскрыли нашему народу истинное историческое значение Желивского.

Революционная энергия этого народного трибуна обусловлена тем, что он был тесно связан с жестоко эксплуатируемой беднотой и мелким бюргерством, боровшимися за лучшую жизнь, за создание общества, постро-

енного на более справедливых началах. Опираясь на бедноту, Ян Желивский вместе с тем добился того, что его политическую программу поддерживало мелкое бюргерство, главным образом Нового Места. Несмотря на то, что Желивский был представителем бедноты, он никогда не пытался создать в Праге хилиастическую общину, основанную на общности имущества. Он использовал хилиастические лозунги для того, чтобы усилить революционный натиск народа против угнетателей. Желивский не мог опереться на единую классово определенную группировку бедноты. Кроме того, в Праге он имел дело с уже укоренившейся частной собственностью — этим Прага отличалась от Табора, где хилиастические священники создавали новую общину на территории, где не было веками создававшихся собственнических отношений. Поэтому в своей революционной борьбе за интересы народа Желивский должен был опираться не только на бедноту, но и на слои мелкого бюргерства. Надеясь обеспечить общине ту лучшую жизнь, о которой говорится в «Священном писании», он стремился к тому, чтобы в управлении городом участвовали возможно более широкие слои трудящихся (так называемая большая община), стремился ликвидировать тяжелое бремя налогов, которое возлагали на народ патриции и церковь. Ему удалось привлечь мелкое бюргерство, он мог рассчитывать на поддержку бедноты — это и позволило Желивскому, несмотря на все нападки реакции, на все ее провокации, высоко держать революционное знамя. Пока в Таборе у власти стояла беднота, позиция Желивского была непоколебима. Даже после падения пикартов в Таборе Желивский надеялся удержать Прагу в лагере революции; но это, разумеется, было возможно только при условии помощи со стороны войск, и прежде всего войск Яна Жижки из Троцнова. Союз Жижки и Желивского не только способствовал победоносному наступлению против внутренней реакции, но и являлся мощной преградой против походов международной реакции. Революционная диктатура Желивского и Яна Гвезды опиралась на молчаливую поддержку Жижки. Вопрос заключался только в том, мог ли этот союз революционной Праги с Жижкой устоять против интриг и маневров пражских консерваторов. Симптоматично, что под уже упоминавшимся постановлением (в начале февраля 1422 года) о запрещении

священникам участвовать в политической жизни, мы в числе других имен находим также и имя Жижки и таборитских гетманов — Яна Рогача из Дуба и Збынека из Бухова. Жижка не выступал открыто против снятия Гвезды с поста верховного пражского гетмана, однако он в решительный час недостаточно активно поддержал Желивского. В конце февраля и в начале марта 1422 года Желивский оказался в одиночестве, и только поэтому реакции удалось предать его казни. Со смертью Желивского революционные силы в Праге ослабли; значительно уменьшились и силы Табора. Сам Жижка очень скоро убедился, что казнь Желивского знаменовала дальнейший отход пражских горожан от революции, их переход в лагерь реакции. В годы, непосредственно последующие за смертью Желивского, Ян Жижка вынужден был жестоко покарать пражских коншелов за их неоднократные измены четырем «божественным статьям».

После смерти Желивского беднота недолго оставалась у власти. Уже 17 мая 1422 года в Прагу во главе польских отрядов въехал племянник польского короля Сигизмунд Корибутович, провозглашенный чешским королем. Еще с 1420 года велись дипломатические переговоры с польским королем Владиславом и литовским князем Витольдом о замещении чешского престола. Польский король и литовский великий князь стремились использовать эту возможность для расширения своих государств; кроме того, им представился случай свести счеты с Сигизмундом, поддерживавшим Тевтонский орден в его борьбе с Польшей. Поэтому они немедленно ответили чешским послам обещанием занять пустующий чешский трон. Значительным препятствием на пути к чешской короне была для них папская курия, попрежнему призывавшая все христианство к крестовому походу против еретиков-чехов, отвергших установленное богом короля Сигизмунда и показавших всему миру пример неслыханного ослушания и мятежа. С еретиками запрещено было торговать и вести переговоры, и, конечно, за них не мог заступиться ни один «христианский» монарх. Польский король прекрасно понимал, что сам он, подобно своему двоюродному брату в Литве, не может открыто занять чешский престол. Тем не менее, оба они не хотели упустить удобного случая. Поэтому они предоставили деньги и войско в распоряжение Сигизмунда Корибутовича, кото-

рый должен был занять трон Чехии от имени великого князя Витольда и таким образом обеспечить возвращение чешского королевства в ряды христианских стран.

Приезда Корибутовича прежде всего, очевидно, ждало чешское дворянство, видевшее в нем гарантию своих прав и защиту захваченного имущества. Однако его приезд с радостью приветствовали также и пражские бюргеры, потому что утверждение этого монарха означало решительную ликвидацию власти бедноты и мелкого бюргерства. Даже Ян Жижка готов был подчиниться новому королю, полагая, что он обеспечит единство гуситской Чехии, а также помощь польского королевства. Действительно, Сигизмунд Корибутович приехал в Чехию с почетным вооруженным эскортом. Он торжественно признал и обещал защищать четыре пражские статьи.

Отношение Жижки к Корибутовичу определялось потребностями и интересами бюргерской оппозиции, которая видела в замещении королевского престола гарантию выполнения всех реформаторских требований. Именно в тот период Ян Жижка разошелся со Старым Табором. Даже после отказа от принципа хилиастической общности имуществ и отстранения от власти бедноты Табор все еще оставался центром, в котором не перебродили еще революционные силы. В таборитские войска входили крестьяне и городская беднота, которые оказывали воздействие на политику бюргерской оппозиции, делая эту политику более радикальной. В Таборе не было богатых бюргерских семейств, так как до 1421 года здесь не могла развиваться частная собственность. В Таборе остались и хилиастические священники (такие, например, как Вацлав Коранда), которые попрежнему высказывали радикальные мысли о необходимости безусловного возврата к «Священному писанию». Хотя церковные вопросы были в какой-то мере разрешены на таборитских синодах (в Таборе и в Писеке, а позже в Клятовах и т. д.), Табор в силу своего социального состава, в силу условий своего возникновения, в силу самой своей краткой истории еще являлся центром революционного движения. А Яну Жижке для обеспечения его программы реформ нужна была известная база, где он не встречал бы сопротивление, но где всегда мог бы найти опору и защиту.

Поэтому Жижка ушел из Старого Табора в восточную Чехию и заложил здесь основу нового, так назы-

ваемого Малого Табора; он организовал новый рыцарский союз, опиравшийся на группу восточночешских городов (с 1423 года его главным центром был город Градец Кралове) и союз восточночешского низшего дворянства. Жижка связался с народным революционным движением оребитов, которые уже с 1419 года под руководством священника Амброжа из Градца Кралове вели борьбу за исправление общества.

Весной 1423 года это новое братство получило определенную организацию благодаря созданию так называемого военного устава Жижки. Центральной программой братства Жижки были четыре пражские статьи, которые отличались, однако, от пражской редакции более острыми формулировками. Например, четвертая статья в формулировках братства Жижки звучала так: «Мы должны сперва выявить свои собственные смертные и всякие прочие грехи, сокрушить и покарать их в себе самих, а потом, с неизменной помощью всемогущего господа бога, поступить так по отношению к королям, князьям и панам, горожанам, ремесленникам, работникам и всем людям мужского и женского пола не минуя ни одного человека, ни старого, ни молодого»⁷. Как видно, Жижка не требовал, чтобы наказание за тяжкие грехи производили особые, официально назначенные лица, — такого рода полномочия давались всем «верным христианам». Тот, кто был виноват, будь он даже представителем высшей феодальной знати, предавался для наказания простому народу. В силу этого требования простым крепостным открывалась возможность действовать против господ и создавались условия для равенства прав и обязанностей всех верующих. В военном уставе Жижки нигде не содержится требований уничтожения привилегий феодалов или истребления самих феодалов; наоборот, устав считается с панами и рыцарями, королями и князьями. Вместе с тем, однако, устав провозглашает их равенство с простым трудовым народом, и притом не только в отношении обязанностей, но и в отношении прав. Эта тенденция очевидна, например, в пунктах, касающихся раздела добычи, захваченной войском. Для феодальной армии было естественным, что добычей распоряжался военачальник, который либо оставлял ее себе, либо продавал, раздавал и т. д. В войске Жижки действовал

другой принцип: все имущество, добытое в бою, следовало свезти в одно место «и притом, чтобы были выделены и избраны старшие от всех панских, рыцарских, городских общин и общин тружеников, чтобы они правильно передали эти вещи бедным и богатым и справедливо роздали их, как кому надлежит, и чтобы самовольно никто ничего не брал и никто ничего не прятал». «Общины тружеников» были названы и в статье, согласно которой брату Жижке и всем общинам в войске предоставлялось право наказывать за любые нарушения дисциплины. Итак, хотя программа братства Жижки не выходила из сферы феодальных представлений, однако заставшие рамки привилегий были сломлены глубокими реформами, поставившими «общины тружеников» в армии в один ряд с рыцарями и мещанами и предоставившими им право суда и управления. Эта демократическая черта не только свидетельствует о народности войска Жижки, но и объясняет, почему простой трудовой народ из городов и деревень был так верен и предан «брату Жижке» и его войскам.

С созданием нового братства Жижки в восточной Чехии лагерь гуситов разделился на три части. Самой мощной частью — как по числу городов, так и по политическому весу — был пражский союз, занимавший наиболее правую позицию; консервативное крыло этого союза старалось примириться с церковью. Промежуточную позицию занимало братство Жижки, стремившееся вести борьбу против порочной церкви, против панов, патрициата и короля Сигизмунда, но выдвигавшее не столь резкие требования, как старое таборитское братство. Однако в течение 1423 года Ян Жижка настолько укрепил новый Табор, что мог, опираясь на него, фактически мало-помалу овладеть всей страной. Несмотря на свой отход от Старого Табора, он сохранял с ним дружественные и союзные отношения; он старался привлечь на свою сторону также и пражский городской союз. Очень скоро Жижка убедился, что Сигизмунд Корибутович — это не тот король, который мог бы объединить народ для борьбы под гуситским знаменем — за четыре «божьи правды». Обещанная Корибутовичу помощь из Польши ограничилась посылкой вооруженного эскорта, польский король и литовский великий князь не отважились открыто стать на сторону гуситов. Сам Сигизмунд Кори-

бутович выступил защитником прежде всего дворянских интересов. Он опирался на гуситских панов и богатое бюргерство, и ему удалось таким образом снова сплотить вокруг себя пресловутый панский союз, готовый ценой жалких компромиссов отказаться от революционных требований.

Чтобы расстроить налаживавшийся союз панства с пражанами, таборитские войска под руководством Богуслава из Швамберка уже в сентябре 1422 года попытались овладеть Прагой. Однако нападение таборитов было отражено, и Сигизмунд Корибутович уже в октябре и ноябре пытался достигнуть соглашения с руководителем новых крестоносных отрядов Фридрихом Бранденбургским. Однако он не добился своей цели; силы внешней реакции настаивали на том, что с Чехией нельзя вступать в переговоры, ее нужно покорить силой оружия. Того же мнения придерживался и польский король Владислав, старавшийся, по настоянию папы, примириться с королем Сигизмундом. Поэтому он, по крайней мере на время, отказался от надежд на чешский престол и велел Сигизмунду Корибутовичу покинуть Чехию.

Однако с уходом Корибутовича попытки создать панское объединение для борьбы против таборитов и таборитских войск не прекратились. Жижка не остался безучастным к подобным усилиям реакции. 20 апреля 1423 года в битве у Горжиц он нанес поражение войскам католических панов и панов-чашников, намеревавшихся разрушить его восточнечешскую базу. В момент наступления панства в восточной Чехии против Старого Табора выступили также и пражане. После бесплодной осады таборитской крепости Кржиженца стороны склонились к соглашению, условия которого должны были быть определены «спором» у Конопишты. Обе стороны — пражане и табориты — выслали своих представителей (от пражан переговоры вел Якоубек из Стржибра, Ян Кардинал, Петр Эглиш, Ян из Пржибрама и Ян из Рокицан; от таборитов — Микулаш из Пелгржимова, Ян из Ичина и другие), пытавшихся преодолеть разногласия по религиозным вопросам, и прежде всего по вопросу о мессе. За этими внешними разногласиями стояли более глубокие противоречия — пражане отстаивали интересы бюргерства и дворянства, требования которых были удовлетворены, табориты — интересы мелкого бюргерства и мелкого

рыцарства, сражавшихся в рядах революционных походных войск. В конце концов соглашение не было достигнуто, обе стороны разошлись, не испытывая, впрочем, каких-либо враждебных чувств по отношению друг к другу.

Реакция продолжала свое наступление, стремясь подавить революционные силы. Однако в конце июля 1423 года Жижке удалось выгодно укрепить свои позиции — он занял Градец Кралове. Этот город ранее (во время своего приезда в Чехию) захватил Корибутович; он передал этот город Дивишу Боржеку из Милетинека, который управлял им, укрепившись в королевском замке. Мелкое бюргерство (нужно иметь в виду, что большую поддержку гуситам в этом городе оказал священник Амброж) было недоволено господством Боржека и открыло Жижке городские ворота. Градец Кралове и окрестные города — Яромерж, Двур Кралове и Часлав — стали аванпостами братства Жижки.

Жижка отразил попытку панства отбить Градец Кралове в кровавом сражении у Страхова Двора (близ Градца Кралове), где впервые встретились два войска, шедшие в бой под знаменами с чашей — «ковчег против ковчег» (речь идет о монстранции, в которой хранились «святые дары» и которую гуситы брали с собой в бой). Паны-чашники и паны-католики, потерпев ряд военных неудач, пришли к соглашению на Сватогавелском сейме в Праге и создали прочный союз. 1 ноября 1423 года были подписаны пункты соглашения, целью которого было укрепить феодальный строй в стране. Было решено добиться у короля Сигизмунда разрешения на публичный диспут, где гуситы получили бы право защищать четыре статьи. Характерно, что из 12 земских гетманов, которые должны были управлять страной в случае отсутствия короля, 6 были католические паны и 6 — паны-чашники. Решения Сватогавелского сейма в отличие от решений Чаславского сейма свидетельствовали о возросшей мощи чешского панства, стремившегося вновь оттеснить на задний план города. Земским гетманам были даны широкие полномочия в борьбе против «разорителей страны» — под ними разумелись южночешские и жижковские табориты, которых вообще не позвали на совещание. Этой реакционной политической линии вполне соответствовало вероломное покушение на Жижку, предотвращенное

только благодаря осмотрительности и осторожности священника Амброжа из Градца Кралове.

Однако Жижка нашел достаточно сил, чтобы пресечь измену. Он нанес новое поражение восточнечешским панам у Скалице (6 января 1424 года) и таким образом совершенно освободил восточную Чехию. Вскоре после этого он соединился с войсками Старого Табора и успешно вышел из ловушки, уготованной ему пражанами и панамми в Костельце над Лабом. Он долго отступал, пока не нашел позиции, наиболее выгодной для решающего сражения. Остановившись 7 июня 1424 года на холме у Малешова (к югу от Кутной Горы), он окружил свои позиции изгородью из телег и стал ждать нападения объединенных пражских и панских войск. Телеги, наполненные камнями и пущенные в ряды панских отрядов, привели нападающих в смятение, которое еще больше увеличилось в результате орудийных залпов и натиска пехоты. Войско панского союза потерпело страшное поражение, которое сделало в течение целых 10 лет невозможной новую попытку предательского выступления против «божьих бойцов».

Битва у Малешова стала началом наступления таборитских войск против пражского городского союза. Уже 7 июня Жижка занял Кутную Гору; многие другие города пражского городского союза — Коуржим, Чески Брод и Нимбурк — полностью капитулировали. Ян Жижка вместе с Яном Гвездой и Богуславом из Швамберка выступил против остальных городов пражского союза. Таборитам сдались Жатец и Лоуни; 10 сентября Жижка во главе объединенных таборитских войск стоял перед Прагой.

Только после усиленных уговоров удалось убедить Жижку не брать Прагу штурмом и не разрушать города, изменившего революционной гуситской программе. Пражские горожане и Сигизмунд Корибутович, вопреки воле польского короля вновь вернувшийся в Чехию, подчинились Жижке и заключили перемирие. После упорной борьбы Жижке наконец удалось объединить своим мечом гуситское революционное движение на основе общей программы и общей борьбы. В ознаменование соглашения пражские отряды и Сигизмунд Корибутович присоединились к таборитам; под руководством Жижки соединенные войска направились в Моравию, на борьбу против

Сигизмунда и его союзников. 4 октября 1423 года Моравия стала леном зятя Сигизмунда, герцога Альбрехта Австрийского (на которого смотрели как на наследника Сигизмунда), и должна была превратиться в удобный плацдарм для нападения Сигизмунда на Чехию. Вот почему объединенные гуситские отряды отправились к моравским границам. Однако это был последний военный поход Жижки. В пути, во время борьбы за город и крепость Пржибыславу, он заболел и умер — 11 октября 1424 года.

В лице Яна Жижки из Троцнова гуситское революционное движение потеряло выдающегося полководца и политика; если гуситское революционное движение, сплоченное в единый блок, было прочно защищено от нападения международной реакции — в том заслуга Жижки. Он был выразителем интересов бюргерской оппозиции и воевал за осуществление ее целей. Поэтому его политика была направлена как против реакции (панства, высшей церковной иерархии и патрициата), так и против бедноты. Все военные и политические действия Жижки свидетельствуют именно о таком классовом характере его деятельности.

Несмотря на это, Жижка никогда не переставал быть действительно народным вождем и политиком, потому что он вел активную борьбу за программу исправления общества, сформулированную в четырех пражских статьях. Программа исправления общества стала революционным лозунгом, за которым охотно шли и деревенский люд и городская беднота. Вавржинец из Бржезове, хронист, представитель пражских бюргеров, несмотря на то, что он далеко не восхищен таборитским гетманом, характеризовал Жижку как «чрезвычайно смелого» полководца, «за которым шел и которого весьма охотно слушался сельский люд, плохо одетый, с цепями, дубинами, с самострелами и копьями»⁸. Широкие народные массы прекрасно понимали, что борьба против феодалов, хотя она и не имела целью ликвидацию феодального порядка, отвечала их интересам. Воинский устав Жижки показал, какое место занимали представители «общины тружеников» в походных войсках. Третья статья таборитской программы, включенная (с добавлениями) в воинский устав Жижки, требовала наказания тяжких грехов короля, князей и панства и предоставляла всем верующим право

наказывать за грехи. Если ко всему этому мы добавим уменьшение церковных податей и платежей, которое осуществляли походные войска Жижки, то поймем, почему простой народ Чехии так любил Жижку и так восхищался им, почему образ гетмана, земана, представителя низшей шляхты и бюргерства, неуклонно и беззаветно борového за «четыре божественные статьи» и отличавшегося справедливостью — справедливостью, вошедшей в пословицу, — глубоко укоренился в сознании народа.

Наиболее важное место занимает Жижка в славной истории гуситских войн. Успеху Жижки способствовал прежде всего тот факт, что вокруг него собралось действительно народное войско. До сих пор ядро феодальных войск составляли рыцарская конница и наемные солдаты; пешие походные войска Жижки, войска революционные, воевали не за деньги, а за торжество справедливого дела. Крестьяне, особенно беднота, и ремесленники не имели возможности достать боевых коней и были вынуждены сражаться пешими, тем оружием, которое было у них под рукой. Хронист ясно говорит, что Жижка только при взятии Вожице весной 1420 года «создал у себя конницу, и когда видел какого-нибудь хорошего мужика, он сразу же давал ему снаряжение и коня, обучал верховой езде и боевому искусству»⁹. Жижка научил своих бойцов использовать и сельское оружие (цепы), дополнил ядро войска — пехоту — конницей и создал непобедимую армию. Однако мы не смогли бы объяснить успехов походных войск Жижки в борьбе против рыцарских феодальных войск, исходя только из численности пехоты и нового вида вооружения, — успехи эти были вызваны также и совершенно особыми формами борьбы. Еще в тот период, когда народ бежал в горы, действенным средством обороны против нападающих оказались телеги. Особым образом сконструированные телеги давали войску Жижки не только возможность обороняться, когда войска располагались лагерем, но и быстро передвигаться в походе. Искусно расположив телеги, Жижка добился того, что его войскам не приходилось иметь дело с рыцарскими отрядами в открытом поле; он встречал их под защитой ограды из телег. Основой артиллерии стали установленные на телегах пушки, которые громили строй нападающих врагов. Не случайно хронисты подчеркивают уничтожающее действие орудий Жижки, которые давали

возможность «божым бойцам» переходить от обороны за оградой из боевых телег в быстрое наступление против нападающего неприятеля. Войска Яна Жижки из Троцнова превосходили феодальные войска также умением быстро и легко маневрировать: они умели во-время отступить, перегруппировать силы и перейти в наступление в тот момент, когда враг этого менее всего ожидал. Жижка никогда не предоставлял инициативу врагу. Даже отступая, он неизменно преследовал одну цель — найти место, удобное для обороны и для нападения, обычно на какой-либо горе, или возвышенности, или в каком-либо лагере, который сама природа сделала неприступным. Ярче всего его полководческий талант выявился в битве у Малешова. К этому времени он был совершенно слеп, но он видел глазами своих подгетманов и соратников и сумел найти самое удобное место для победоносной обороны и нападения. В этой битве — если верить сообщениям хронистов — боевые телеги были использованы не только для построения оборонительной ограды (для этого они обычно ставились в несколько рядов), но и для нападения. Телеги, наполненные камнями, были сброшены с откоса в ряды неприятеля и вызвали замешательство в стане врага.

Гуситы могли успешно бороться против профессиональной феодальной армии только в том случае, если действия всех частей их войска были бы согласованы и в армии была бы установлена железная дисциплина. Жижка хорошо знал, что, только прочно сплотив свои силы, он может противостоять внутренним и внешним врагам. Таборитские войска славились своей строгой дисциплиной. Об этом свидетельствует такой памятник, как военный устав Жижки. В сатирическом стихотворении «Вацлав, Гавел и Табор» одно из действующих лиц говорит:

Противников всех наша рать побьет,
Когда порядок твердый в ней брат Жижка заведет ¹⁰.

Каждое даже незначительное нарушение воинского устава и дисциплины подлежало наказанию. Жижка стремился к тому, чтобы все бойцы его войск точно знали свои обязанности, свое место в мирное время и в бою. Таборитская боевая песня прямо призывала к сохранению твердой дисциплины:

Имели чехи в старину
Пословицу одну, —
Что кони скачут дружно
Лишь у хорошего возницы.
Запомнить всем вам нужно
То, что в приказе говорится:
Вы с гетманов глаз не спускайте,
Строй никогда не нарушайте ¹¹.

Однако успехи и блестящие победы армии Жижки были бы необъяснимы, если бы мы не приняли во внимание, что борьбу вели революционеры, всегда сознававшие высокие цели этой борьбы. Войска Жижки располагали не только опытными воинами, командирами и организаторами, в них были и проповедники, которые не ограничивались проповедью бойцам «слова божьего», но знакомили их с теми выводами, которые можно было сделать из евангельских текстов. Не напрасно во введении к воинскому уставу Жижки были включены четыре пражские статьи, не напрасно Жижка постоянно на них ссылаясь. Четыре пражские статьи были боевой программой, из которой исходил в своей деятельности Жижка и которую пламенно защищали все «божьи бойцы». Проповедники знакомили войско с этими статьями, раскрывая их сущность и значение. Ежедневная проповедь, толкование священного писания и причащение — все это укрепляло моральный дух воинов. Любой самый простой боец войск Жижки был твердо убежден, что он ведет в высшей степени справедливую борьбу, на которую бог радостно взирает с небес. Перед битвой и перед походом все войско исповедовалось и причащалось в знак того, что оно идет в священный бой. Проповедники, шедшие во главе войска с поднятой монстранцией или с чашей — символом восстания, были выразителями того высокого сознания, которым отличались войска Жижки. Не удивительно, что революционная народная армия, к тому же хорошо организованная и применявшая новые формы борьбы, шла от победы к победе. Горячим воодушевлением и революционным порывом кипит боевая песня «Кто они, божьи бойцы». В ее строках звучит вера в справедливость движения «божьих бойцов», которое неизменно должно быть победоносным.

Вы не бойтесь ратей вражых,
Их числа вы не пугайтесь,

Бог в сердцах да будет ваших,
С ним и за него сражайтесь.
Пред врагом не отступайте,
Смело к бою призывайте.
Эй! Вперед! Смелее!
Все оружие хватайте,
С нами бог, смелее!¹²

Ян Жижка из Троцнова был гениальным, непобедимым вождем революционной армии. Вот что говорит Старый хронист о Жижке-полководце: «...и часто вступал он в бой с сильным врагом, но никогда не знал поражения».

Ян Жижка был не только замечательным полководцем, но и выдающимся политиком. Мы уже знаем, что под знаком четырех пражских статей, которыми началась его политическая программа, объединились все прогрессивные силы чешского общества. Правда, Жижка истребил вождей революционной крестьянской бедноты, которые шли дальше программы четырех статей, стремясь к ликвидации феодального строя, но он все-таки привлек на свою сторону — на сторону своей политической программы — массы сельского населения и городской бедноты. Необходимо принять во внимание, что без созданного им прочного, хорошо организованного братства, в экономическом отношении опиравшегося на городское ремесло и в военном отношении — на революционные походные войска, нельзя было успешно бороться против внутренней и внешней реакции. Единство, сплоченность всех наиболее передовых слоев чешского народа, неуклонная борьба за изменение общественного порядка — такова была программа, на основе которой развивалось гуситское революционное движение.

В концепции Жижки стремление к улучшению общественного строя дополнялось призывами к патриотической, освободительной борьбе. Требования социальных преобразований и лозунги национальной борьбы сочетались в гуситской программе — особенно в те периоды, когда в Чехию вторгались орды иноземцев-крестоносцев, по большей части выходцев из соседних немецких земель. В такие периоды патриотические воззвания Жижки звучали особенно горячо, он обращался ко «всем верным чехам», напоминал им об их героическом прошлом, гово-

рил о том, какую силу они представляют. Жижка пишет Домажлицким, чтобы они «мужественно встали против злодеятий, которые творят немцы», чтобы они «взяли пример со старых чехов, которые бились за славу божью и за свою честь. Так и мы, милые братья, заботясь о законе божьем и об общем благе, должны найти в себе еще большую силу: чтобы все были на ногах — каждый, кто только может взять в руки палку или кинуть камень»¹³. В ответ на призыв Яна Жижки поднималась вся страна, все, кто испытывал на себе гнет и беззакония феодального строя.

Революционный полководец, возглавивший народную армию, был в глазах всего чешского народа могучим защитником, выступавшим против угнетения, какую бы форму оно ни принимало. И когда в 1424 году он навсегда покинул свои войска, которые назвали себя в знак горя, в знак любви к нему «сиротами», он навеки остался в памяти простых людей наших сел и городов. У нас в Чехии нет такой области, где народная фантазия не создала бы лагеря Жижки, его стоянки или места проведенного им сражения. Имя Яна Жижки из Троцнова наш народ не забудет никогда. Образ Жижки, неизменно вдохновлявший на революционную борьбу, прочно вошел в революционные традиции чешского народа.

2. Прокоп Великий

Преемник Жижки Прокоп Великий (Гольй). — Победа над крестоносцами у Усти на Лабе (1426 год). — Противоречия внутри лагеря гуситов. — Изменническая деятельность гуситского дворянства. — Изгнание Сигизмунда Корибутовича. — Укрепление таборитского «сиротского братства», опирающегося на городские союзы и походные войска. — Победа гуситских войск под руководством Прокопа Голого над крестоносцами у Тахова (1427 год). — Борьба Прокопа Великого с внутренней реакцией и ликвидация контрреволюционного заговора в Праге (1427 год). — Назначение «прекрасных походов» гуситов — распространение идей гуситства за пределами Чехии. — Таборитские манифесты. — Отзвуки гуситства в Пикардии. — «Прекрасный поход» в Силезию (1428 год). — Братиславские переговоры Прокопа Великого с Сигизмундом (1429 год). — Большой «прекрасный поход» в Саксонию, Верхнюю Франконию и Баварию (1429—1430 годы). — Восстание бедноты в Бамберге (1430 год). — Подготовка нового крестового похода против гуситов. — Диспуты с гуситами в Кракове и Хебе. — Победа гуситов над крестоносцами у Домажлице (1431 год). — Отзвуки гуситства за границей. — Призыв Базельского собора к гуситам с пред-

ложением начать переговоры. — «Хебское суждение» (1432 год). — Блестящая защита гуситской программы чешским посольством на Базельском соборе.

Смерть Жижки была тяжелым, но отнюдь не смертельным ударом для гуситского революционного движения. Наряду с Жижкой могучая волна революции подняла на своем гребне ряд очень способных полководцев и политиков; все они без исключения были выходцами из среды разорившейся низшей шляхты и бюргерства. В ходе революционного движения они получили возможность проявить все свои способности и поставить их на службу восставшего народа. После смерти Жижки во главе «божьих бойцов» стали новые герои, его прежние соратники и друзья, исполненные творческой энергии. Они по-прежнему вели революционные армии от победы к победе.

Сразу после смерти Жижки гетманом стал Ян Гвезда из Вицемилиц, бывший соратник Желивского и верный друг Жижки. Однако он не долго руководил войсками таборитов. Уже в 1425 году он был тяжело ранен при взятии Вожице и умер от раны. В том же году был смертельно ранен второй преемник Жижки — Богуслав из Швамберка. Он происходил из панского (правда, разорившегося) рода и в 1419—1420 годах в районе Пльзеня воевал против Жижки; тем не менее, попав в плен к таборитам, он изменил свои убеждения и возглавил походные войска. Во время боевого похода в Австрию, в сражении под Ретечем, он был ранен в глаз стрелой и умер. Но из рядов «божьих бойцов» вышел новый гениальный полководец, который смело пошел по пути Жижки, стремясь завершить начатое им дело. Это был Прокоп, по прозвищу Голый или Великий.

Мы очень мало знаем о молодости Прокопа. О его детстве и юности, как и о юности остальных выдающихся деятелей гуситского революционного движения, до нас ничего не дошло. Прокоп появился на исторической сцене уже в тот период, когда во главе гуситов стал Жижка. Согласно позднейшим преданиям (хроники Энея Сильвия Пикколомини и польского хрониста Длугоша), он происходил из богатой пражской патрицианской семьи, которая дала ему хорошее воспитание и возможность (во время поездок по торговым делам) познакомиться чуть ли не с целым миром. В своей деятельности Прокоп действительно обнаруживает необыкновенную опытность и образо-

ванность, которые он, быть может, приобрел, путешествуя по разным странам. Однако его происхождение из среды патрициев трудно примирить с тем фактом, что в 1421 году он вместе с Желивским стоит в рядах самых радикальных проповедников.

Во второй раз священник Прокоп Голый появляется во время упомянутого уже «спора» в Конопиште в 1423 году. Тогда он, наряду с другими таборитскими священниками, участвовал в дискуссии об обрядах мессы. Спор, в частности, шел об облачении священника, служащего мессу. В Таборе священники служили небритые, в обычном простом платье, «по примеру апостолов». Что же касается пражских священников, то они, подобно католическим прелатам, зачастую сохраняли пышные и богатые облачения. Спор по подобного рода вопросам был не более как внешним выражением более глубоких классовых противоречий. Прокоп дал ясно понять, что обряды, сопровождающие мессу, священническое облачение — все это не такие предметы, которые могли бы послужить причиной разрыва между пражанами и таборитами. Он сам облачался в одежду священника и служил мессу по пражскому обряду. Этот факт очень характерен для личности Прокопа, о которой мы можем составить представление лишь по отдельным отрывочным данным. Уже тот незначительный факт, что Прокоп, в отличие от остальных таборитских священников, брил бороду (поэтому он назывался Голый *), лишней раз свидетельствует, что главным для Прокопа были не библейские принципы и религиозные вопросы, а реальная действительность, которую он оценивал совершенно трезво. Таинства ортодоксальной католической церкви, окутанные мистическим покровом и вызывающие священный ужас, утратили в глазах Прокопа неземной характер и стали выражением простых жизненных потребностей. Здравый смысл, вообще свойственный таборитским священникам, в наивысшей степени присущ Прокопу Великому.

Прокоп был священником. Тем не менее, благодаря постоянному пребыванию в походных войсках он получил представление о том, как следует руководить военными операциями, и проявил организационные и политические способности, в силу чего смог возглавить таборитов и вести их к новым победам.

---

* По-чешски «бриться» — *holiti se.* — *Прим. ред.*

Дарование Прокопа во всей своей полноте проявилось в 1426 году — в год славной победы у Усти на Лабе. Враги за рубежом снова возобновили попытки искоренить мечом «чешскую ересь» Соседние с Чехией имперские князья стремились оторвать от нее северную пограничную территорию. Они прежде всего направили свои атаки на город Усти на Лабе и захватили его. Когда стало известно о взятии Усти, собралось чешское ополчение; чешские войска осадили город. Имперские князья, владения которых граничили с Чехией, со своей стороны также собрали военные силы, решив поддержать гарнизон Усти. Со стороны чехов выступали пражские воинские части под руководством Сигизмунда Корибутовича, гуситская шляхта и походные таборитские и «сиротские» войска, которыми командовал Прокоп Великий. Объединенное чешское войско укрепилось на вершине холма, окружило свои позиции цепью телег, охраняемой сильной артиллерией, и ожидало атаки. В воскресенье 16 июня 1426 года немецкое войско атаковало ограду из телег. Гуситы ответили артиллерийским залпом и пошли в контратаку. Ряды немецких войск смешались и обратились в паническое бегство. В этой битве «*табориты* нанесли немецкой сволочи *страшное поражение*, — отмечал Карл Маркс в Хронологических выписках; — 15 000 немцев осталось на месте под ударами *зубчатых копий и железных цепов таборитов*»*. Только части войск удалось бежать через горы, но их также по пятам преследовали табориты. Летописец сохранил для нас интересный эпизод, иллюстрирующий те методы, которые применялись в борьбе между дворянами и таборитами. Когда пан Якоубек из Вржесовиц и из Билины, союзник таборитов, увидел, что немецкие феодалы потерпели поражение, он пожелал воспользоваться победой для личной наживы — взять в плен какого-нибудь немецкого рыцаря и получить выкуп с его близких. «А пан Якоубек из Билины хотел увезти пана Фалькенберга из Фольштейна, посадил его на своего коня, но не мог увезти, потому что таборитские воины, увидевши это, застрелили немца, сидевшего за паном Якоубеком. А когда немец, умирая, падал с коня, он чуть было не стащил вместе с собой пана Якоубека»¹. В этом эпизоде

---

* К. Маркс, Хронологические выписки, «Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 231.

еще раз обнаружилось, как по-разному относились к врагам дворяне и простые воины из народа. Дворянство жаждало наживы, табориты, чьим лозунгом было «Бейте врага без пощады!», стремились к уничтожению врагов, понимая, что, только перешагнув через их трупы, можно завоевать право на новую жизнь и избавиться от ужасов нищеты.

Противоречия между гуситской шляхтой и народом проявились со всей силой сразу же по окончании битвы и взятия таборитами Усти. Между командирами объединенных войск возник спор о том, как воспользоваться плодами победы. Немцы потеряли десятки виднейших феодалов. Битва у Усти — гибель тысяч солдат, разгром обозов — неизгладимо врезалась в память всех ее участников. Прокоп Голый правильно оценил значение победы над немцами и считал, что необходимо со всем войском вторгнуться в Саксонию, вслед за врагом. Однако дворянство, преследовавшее лишь узко эгоистические цели, ушло из общего лагеря; единая гуситская армия распалась. Пражане отступили к мосту, а соединенные войска таборитов и «сирот» обратились против своих недавних союзников, дворян-чашников. Войска таборитов и «сирот» были стянуты в район Подебрад, где укрепился главный представитель гуситского дворянства Гинек из Подебрад. Походные войска в течение трех месяцев пытались захватить укрепленный замок и город, но, ничего не добившись, сняли осаду. Предательство и интриги контрреволюционного гуситского дворянства не прекратились и со смертью Гинека из Подебрад, происшедшей вскоре после этого. Прага снова возглавила силы, стремившиеся добиться соглашения с католической шляхтой. Вокруг Сигизмунда Корибутовича вновь объединились пражские бюргеры, интересы которых уже были удовлетворены, обогатившееся гуситское дворянство и католическое панство.

Богатые пражские бюргеры под руководством университетских магистров и прежде всего Яна из Пржибрама шли навстречу попыткам Корибутовича примирить гуситов с церковью. Именно в этот период Сигизмунд Корибутович попытался начать прямые переговоры с папой Мартином V и через голову короля Сигизмунда решить вопрос о возвращении чешских гуситов в лоно католической церкви. Между тем пражский архиепископ Конрад, все время примыкавший к чашникам, отменил носившее

революционный характер постановление времен Желивского, согласно которому наказание на согрешивших духовных лиц должны были налагать миряне, простые верующие. Синод в Роуднице (в августе 1426 года) вновь поддержал высшую церковную иерархию, заставил покориться мелких священников и отверг зависимость церкви от светской власти. Естественно, что часть университетских магистров и священников поддержала начинания Корибутовича, пытаясь привлечь на его сторону пражское население.

Но когда Сигизмунд Корибутович попытался избавиться от своих противников — представителей мелкого бюргерства и бедноты, он убедился, что пражане еще достаточно сильны, чтобы собственными силами ликвидировать реакционные замыслы и интриги врага. 17 апреля 1427 года планы Корибутовича были раскрыты раньше, чем он успел их осуществить. На улицах Праги собрался народ; Корибутович был схвачен. Университетские магистры Кржиштян, Ян Пржибрам и Прокоп из Пльзеня были также арестованы и посажены в тюрьму (несмотря на то, что народ требовал, чтобы их утопили). Были назначены новые коншелы, города пражского союза освободились от опеки шляхты, власть архиепископа была целиком уничтожена. Прага снова могла стать надежным союзником Табора.

В этот период Табор под руководством Прокопа Голого играл уже важнейшую роль в стране. В братство таборитов входила значительная часть мелкого рыцарства и 14 крупных городов (Табор, Писек, Прахатице, Гораждёвице, Сушице, Клатови, Домажлице, с 1426 года Стржибро, Рокицани, Часлав, Нимбург, Слани, Млада Болеслав и Ческа Липа). Влияние и значение таборитского братства возросло в еще большей степени потому, что оно поддерживало тесную связь с «сиротским братством» (объединение, созданное Жижкой, к которому, как уже говорилось, примкнули оребиты), а к «сиротскому братству» присоединились множество рыцарей и девять крупных городов (Градец Кралове — центр «сиротского братства», Яромерж, Двур Кралове, Трутнов, Високе Мыто, Литомысль, Коуржим, Чески Брод и Пржибислав). По поводу Кутной Горы между обоими братствами первоначально возник спор, затем она осталась в их совместном владении. К единому таборитско-«сиротскому»

союзу присоединился и союз северо-западных чешских городов во главе с Жатцем и Лоуни, которым руководил Якоубек из Вржесовиц. Все эти города, наряду с рыцарскими владениями, представляли собой мощную базу революционной борьбы. Оба братства, помимо внутренних общин, имели походные общины* — постоянные войска, с помощью которых они сражались за идеи, выраженные в программе четырех пражских статей. В результате пражского переворота и изгнания Сигизмунда Корибутовича Прага стала плечом к плечу с таборско-«сиротским» братством. Правда, от мощного пражского городского союза остались только обломки — Хрудим, Мельник, Роуднице (принадлежавшие архиепископу), Литомержице и Поличка.

Силы этих трех объединенных гуситских союзов превосходили силы католиков, которые опирались прежде всего на разбросанные по всей Чехии панские замки и дворянские имения и на моравские города, а из более крупных чешских городов — только на Ческе Будеевице и пльзеньский ландфрид (дворянский союз), Хебский и Локетский края и южночешские владения Рожемберков. На западночешский ландфрид обычно опирались крестоносцы.

В конце июня 1427 года к Чехии вновь приблизились войска крестоносцев, в которые входили отряды, собранные со всех концов Германской империи. Эти войска перешли границы и ждали у Хеба дальнейших подкреплений. Согласно решению имперских князей, принятому на Франкфуртском имперском сейме, 1427 год должен был стать годом решительного наступления. С запада силами крестоносцев должен был быть нанесен главный удар, с севера должен был выступить саксонский курфюрст, с востока — силезские князья, а с юга — герцог Австрийский.

Для отпора надвигающимся силам врага нужно было тесно сомкнуть ряды. В этот-то момент и проявились выдающиеся организаторские способности Прокопа Голого. Объединив походные войска таборитов и «сирот» с пражскими войсками, он двинулся навстречу приближающимся крестоносцам. Последние, между тем, уже заняли

* Автор имеет в виду разделение таборитов на две части: одни, оставаясь в Таборе, работали в поле, вели хозяйство общины и т. д., другие составляли войско.—Прим. ред.

Тахов и обложили Стржибро, пытаясь с помощью артиллерии разрушить городские укрепления и взять город штурмом. Таборитский гарнизон под руководством гетмана Пржибика из Кленового блестяще отразил все атаки врага и продержался до прихода войск Прокопа. Известия о приближении гуситской армии вызвали в международном крестоносном лагере панический ужас. Еще не видя врага, крестоносцы обратились в повальное бегство. Только в Тахове часть войска остановилась и стала готовиться к борьбе. Но крестоносцам уже ничто не могло помочь, даже апостольское благословение, которое дал им кардинал англичанин Генрих Винчестерский. Напрасно он сулил золотые горы, напрасно молил и заклинал. Когда 4 августа 1427 года войска крестоносцев должны были выйти из Тахова и атаковать гуситов, командиры увидели, что ночью большая часть бойцов бежала и что им самим остается следовать их примеру. Между тем передовые дозоры Прокопа уже подошли и атаковали бежавших в панике солдат. Гуситам досталась богатая добыча, в том числе множество повозок, которые крестоносцы собирались использовать в битве так же, как это делали гуситы. Таким образом, новый крестовый поход окончился позорным поражением международной реакции. Осажденный Тахов был взят, в нем был оставлен гарнизон из войск «сирот». Тахов наряду со Стржибро стал аванпостом гуситов, защищающим страну от нападения с запада.

Поражение крестоносцев на западной границе Чехии сопровождалось поражением сил реакции и в остальных областях. Ни плохо подготовленная атака с севера, ни наступление силезских князей у Находа, сопровождавшееся частичным успехом, не могли сломить силу чехов. Мало того, разгром крестоносцев способствовал дальнейшему подавлению внутренней реакции. В сентябре 1427 года гуситы отразили нападение на Прагу пана Гинека из Кольштейна и Яна Смиржицкого с отрядом дворянских ополченцев. К этим двум дворянам-чашникам немедленно присоединились отряды католического дворянства, они попытались завязать отношения со своими пражскими друзьями — богатыми бюргерами. Под лицемерным лозунгом «святого мира» ополченцы вторглись в город, но пражане с оружием в руках обратили их в бегство, часть ополченцев была взята в плен, часть

перебита, и лишь горстке людей удалось спастись бегством. Если бы не Ян из Рокицан и коншелы, беднота истребила бы всех пленных. Народ собрался с оружием в руках перед зданием ратуши и здесь ждал появления пленных, чтобы всех их перебить. Священники, стремясь спасти пленных, сами сопровождали их в тюрьму. Революционно настроенную пражскую бедноту, силами которой и было отражено нападение реакции, едва удалось успокоить.

Прокоп Голый использовал успех в борьбе для нового контрнаступления на силы внутренней реакции. Он собрал в Праге армию и направился с ней против Колина, куда сходились нити заговора. Незадолго до этого Колином овладел пан Дивиш Боржек из Милетинека, с помощью других католических панов превративший город в прочный оплот реакции. В течение трех месяцев Колин подвергался осаде; в начале декабря гарнизон был вынужден сдаться. Еще один укрепленный город был включен в таборитско-«сиротский» городской союз, еще один тяжелый удар был нанесен международной реакции. Укрепив позиции внутри страны, Прокоп получил возможность перенести борьбу за рубежи Чехии.

В период Жижки гуситы вели упорные бои не только против внутренней реакции, церкви, панства и патрициата, но и против иноземных вторжений. Жижка превратил Чехию в прочную плотину, о которую разбивались все набеги крестоносцев. Буржуазные историки часто пытались противопоставить период борьбы под руководством Прокопа Великого тому периоду, когда во главе движения стоял Ян Жижка; Жижке, бойцу и политику, который вел борьбу главным образом на территории Чехии, противопоставить Прокопа Великого, перенесшего центр тяжести борьбы, разорявшей народ, за пределы Чехии. Пекарж считает, что это противопоставление не в пользу Жижки и что оно позволяет еще более резко осудить его политику. Однако деятельность Прокопа в 1426—1427 годах показывает, насколько лживы утверждения Пекаржа. В эти годы Прокоп должен был идти по пути Жижки, следовать его заветам и развивать далее его программу. Он не мог отправиться в походы за пределы Чехии, не обеспечив прочного спокойствия в тылу, на чешской территории. Заслуга Яна Жижки в том, что он заложил прочную основу мощи

гуситского революционного движения; на эту основу мог в своей дальнейшей деятельности опираться Прокоп Великий, который шел, таким образом, по стопам Жижки.

Начиная с 1425 года гуситы — главным образом в восточной Чехии («сироты») и южной Чехии (табориты) — нередко переходили границы, беспокоя силезских и австрийских феодалов набегами и походами — это был ответ на те нападения, которым они сами подвергались в предшествующие годы. Эти мелкие набеги имели характер разбойничьих налетов, полностью соответствовавших тогдашним принципам ведения войны. Участники таких налетов нападали на имения феодалов, сжигали деревни и усадьбы, громили крепости, уничтожали церкви и монастыри, угоняли скот и брали добычу. Однако эти мелкие набеги, носившие в общем узко локальный характер и представлявшие собой как бы ответ на прежние притеснения, нельзя сравнивать с организованными Прокопом так называемыми «прекрасными походами» — походами гуситов за пределы Чехии. Войска Прокопа наносили мощные удары международной реакции. Католические писатели XV века и их прямые потомки — современные реакционные историки — осмелились обвинить гуситов, боровшихся за свободу народа, в том, что в результате постоянных войн Чехия подвергалась опустошениям, пожарам и всяческим бедствиям. Они заявляли, будто бы гуситы вели войну ради разрушений и грабежа, ради самой войны. Прокоп Великий на пражском сейме в 1433 году разоблачил подобного рода клеветников, ясно показав смысл происходившей борьбы. «Божьи бойцы» шли в бой не ради грабежа, а для того, чтобы защитить страну, ответить ударом на удар. «Мы несем бремя войны, чтобы борьбой за эти истины уготовить себе место в церкви божьей и дождаться счастливого мира и добрых дней, когда с божьей помощью укрепится единство церкви, окрепнет братская любовь, улучшатся нравы и произойдут другие желанные перемены...»² Однако «счастливый мир» в понимании Прокопа не имел ничего общего с компромиссом, с тем половинчатым и трусливым миром, которого требовали обогатившиеся шляхтичи и бюргерство. Речь шла о мире, основанном на более справедливых началах, о таком мире, который мог бы обеспечить простому народу более счастливую и спокойную жизнь. Этот мир нужно было

защищать от тех, кто готовил трудовому народу Чехии новые унижения и обрекал его на нищету и порабощение.

Гуситское революционное движение, как это показано в первой главе, было проявлением всеобщего кризиса феодализма. Противоречия внутри господствующего класса и незатухающая классовая борьба превратили территорию, прилегающую к Чехии, в потенциальную базу революционного движения. Своими гигантскими успехами гуситские армии были частично обязаны именно этому разложению господствующего класса империи и сочувствию гуситам со стороны немецкого эксплуатируемого крестьянства. Прокоп стремился поднять на борьбу против общего врага всех эксплуатируемых в соседних с Чехией странах, а также использовать трения и противоречия внутри господствующего класса.

Поэтому вожди гуситов с самого начала революционного движения мечтали выйти за пределы Чехии, разгромить твердыню католической догматики за границей, пробудить трудящийся народ соседних стран и поднять его на борьбу против оплота феодализма — католической церкви. Уже в тот период, когда крестоносцы в 1420 году осаждали Прагу, была сделана попытка распространить идеи гуситства в войсках осаждавших. Из Праги летели манифесты, обращенные ко всему миру, в которых гуситы излагали свою боевую программу. Эти пражские манифесты были предназначены прежде всего для ученых и должны были показать им подлинные намерения гуситов. Тогда же Прага обратилась с особым манифестом и к Венеции, мощной городской республике, с которой пражские купцы поддерживали тесные торговые сношения. Пражане предлагали венецианскому дожу союз против общего врага — короля Сигизмунда. Во введении к этому манифесту выразительно звучат слова, исполненные патриотического огня, выражающие пламенную любовь революционного народа к родной земле, терзаемой крестоносным сбродом: «Из всех забот, которые тревожат человеческий род, самая большая — и в ней сосредоточилась вся любовь — это забота о родине; ради любви к ней, ради самого важного — обороны родины — благороднейшие люди решили в славной борьбе окончить сладчайшую жизнь свою, отдать имущество и живот свой, и именно они счастливо живут, а после смерти их потомки будут вечно славить их вели-

кие имена; тот же, кто не заботится о родине, лишится и жизни и имени, как человек бесчестный и отвратительный, лишенный родины...» Однако этот благородный манифест не воздействовал на холодные головы венецианских купцов, которые прекрасно учитывали, какую силу представлял собой союз короля Сигизмунда с церковью. Венецианцы не хотели идти на союз с чешскими еретиками, и, таким образом, пражский манифест остался без отклика, равно как и другие пражские манифесты 1420 года. Только университетские магистры всех европейских стран начали по этому поводу ожесточенную полемику. В Кракове, Лейпциге, Вене и Риме против гуситских манифестов выступили виднейшие теологи, доказывавшие, что гуситы — чудовищные еретики, против которых возможно скорее следует принять решительные меры.

Католическое духовенство с кафедр, в трактатах и памфлетах проповедовало ненависть и презрение к гуситам. Завеса католической догматики, лжи и клеветы была столь мощной, что гуситские лозунги с трудом могли проникнуть туда, где они легче всего могли найти благодатную почву, — к сердцу и разуму простого трудового народа. Однако, несмотря на все старания церковной иерархии и феодалов, гуситство пустило корни за пределами Чехии. Речь идет о Пикардии*, где уже в начале XIV века бюргерство и деревенский люд вели ожесточенные бои с феодалами. Пикардия — территория на границе нынешней северо-восточной Франции и Бельгии — занимала тогда одно из первых мест в области промышленного производства. Фландрские сукна славились на рынках всей Европы. Фландрия в течение XIV века была ареной ожесточенных классовых боев. И вот в ночь на 10 марта 1423 года Турне был наводнен множеством экземпляров пражского гуситского манифеста, который познакомил жителей города с гуситской бсеовой программой — четырьмя пражскими статьями. Инициатором и организатором этого движения был бюргер из Турне Жиль Мерсо, который обещал, что скажет на площади всему народу правду о гуситах, о том, как успешно разбили они армию крестоносцев, как справед-

* Автор, повидимому, имеет в виду не столько Пикардию, сколько Фландрию. Дальнейшее изложение, в частности событий в Турне, относится к Фландрии. — *Прим. ред.*

ливо и образцово ныне живут и как беспрепятственно проповедуют слово божье. Мерсо должен был рассказать о том, что у гуситов имеются переводы библии, что они конфисковали все имущество духовенства, устранили несправедливость и сделали невозможным совершение грехов. Пусть только бюргеры Турне поставят на площади помост и он, Мерсо, будет отстаивать правду о гуситах против любого противника. Но Мерсо не дали возможности рассказать народу о гуситах. По требованию инквизиции он был арестован и брошен в епископскую тюрьму. Вспыхнул народный бунт, который, несмотря на неудачу, помешал немедленной казни Мерсо. Однако его не удалось спасти от костра: 22 июля 1423 года он был сожжен за городом как закоренелый еретик; до самой последней минуты он твердо отстаивал четыре пражские статьи. Пикардия не успокоилась и после сожжения Мерсо. В 1430 году в Турне сожгли двух крестьян, обвинявшихся в сообщничестве с чешскими гуситами. В приговоре говорилось, что осужденные — «постыдные пражские еретики, последователи отвратительной и извращенной секты пражан»³.

Отклики на гуситское движение в Пикардии показали, какие огромные силы таит в себе гуситская программа, если даже в стране, столь удаленной от Чехии, под ее влиянием готово было вспыхнуть народное восстание. Но напрасно пикардийские гуситы ожидали помощи из Чехии. Тогда, в 1423 году, гуситы были не в состоянии начать борьбу за границу, им еще предстояло сделать Чехию неприступной крепостью, о стены которой должны были разбиться соединенные атаки многочисленных полчищ врага.

Во времена Прокопа Великого уже возникли предпосылки для перенесения борьбы гуситов за границу. Победоносные силы гуситов объединились под его руководством, и теперь можно было начать решительное наступление против международной реакции. Так начались «прекрасные походы», которые должны были познакомить трудящихся соседних с Чехией стран с подлинными взглядами гуситов. Гуситы несли свою проповедь непосредственно простым людям городов и деревень, разоблачая ложь католических священников, называвших гуситов дьяволами, злодеями и разбойниками. Даже в отдаленных странах угнетенные благодаря «прекрасным

походам» узнали, что гуситы — это люди, которые так же, как и они сами, страдают от феодального гнета, что они сражаются не с простыми людьми, а с угнетателями — высшими церковными сановниками и светскими феодалами.

Уже «прекрасный поход» 1428 года в Силезию наглядно продемонстрировал силу гуситских идей. Объединенные войска таборитов, «сирот» и пражан под командованием Прокопа направились в Моравию, отсюда они вступили в Словакию, сожгли предместье Братиславы и из Словакии, опять через Моравию, направились в Силезию. Силезские князья (князь Опавский Вацлав, князь Опольский Болек и другие) были вынуждены заключить с гуситами перемирие; в руки гуситов попало множество замков и городов. Во время этого «прекрасного похода» народ Силезии воочию убедился, против кого борются гуситы. По сообщению гроссмейстера Тевтонского ордена, войска Прокопа уничтожали и захватывали только церкви, дома священников, панские имения, но имущество деревенских жителей не трогали. Немудрено, что силезским феодалам не удалось собрать достаточно сильное войско для борьбы против участников «прекрасного похода». Наоборот, крестьяне толпами перебегали к гуситам, усиливая тем самым гуситскую революционную армию. Поэтому гуситам удалось, не встретив особо сильного отпора, занять важнейшие стратегические позиции в Силезии и оградить в будущем Чехию от нападения силезских феодалов. Силезия перестала быть плацдармом для наступления против гуситов; наоборот, эта область стала плацдармом гуситского революционного движения, одной из тех опорных баз, откуда проникали за рубежи Чехии гуситские идеи.

После этого успешного похода Прокоп приступил к дальнейшему укреплению позиций гуситов на территории Чехии. Совместно с «сиротами», во главе которых стал священник Прокопек (его называли также Прокоп Малый), и пражанами было подготовлено наступление против чешского католического панства. «Сиротские» походные войска осадили замок Лихтенбург (в восточной Чехии); табориты осадили крепость Бехиню, расположенную недалеко от Табора. Лихтенбургом владел Ян Опоченский из Гержманова Местца, а Бехиней — Индр-

жих из Лажан — самые надежные сторонники короля Сигизмунда. После продолжительной осады оба пана были разгромлены и мощь армии Прокопа еще больше возросла.

Внутренне укрепившийся гуситский лагерь, успешно действовавший против зарубежных врагов, мог теперь вести переговоры с королем Сигизмундом и с церковной знатью на равных условиях. В 1429 году на сейме в Братиславе гуситская делегация во главе с Прокопом Великим встретила с королем Сигизмундом, окруженным высшей знатью и представителями папы. Замечательно уже само появление чешского посольства в Братиславе. Прокоп хорошо знал, что Сигизмунд и церковь неоднократно обманывали гуситов, он знал также, что, согласно церковным предписаниям, обещания, данные еретикам, выполнять не следует. Поэтому он отклонил предложение Сигизмунда, желавшего дать ему провожатых, и не стал внимать заверениям, будто чехам не причинят в Братиславе ни малейшего вреда. На переговоры с Сигизмундом он явился в сопровождении таборитско-«сиротских» войск. Гуситские войска расположились лагерем неподалеку от Братиславы, и чешская делегация вышла на переговоры только после того, как Сигизмунд послал гуситам в качестве заложников виднейших князей и магнатов. Весь ход братиславского свидания совершенно ясно показывал, что Прокоп и его друзья пришли не просить о соглашении, а вести переговоры о спорных вопросах, как равные с равными. Основным требованием было признание четырех пражских статей — без этого нельзя было и помыслить о дальнейших переговорах.

Гуситская делегация выдвинула также требование публичного обсуждения спорных вопросов. С самого начала гуситского революционного движения это требование всегда играло первостепенную роль. Путем публичной дискуссии гуситы хотели снять с себя клеймо еретиков, доказать, что их программа справедлива и основана на «Священном писании». Но церковь упорно отказывалась удовлетворить это требование; она понимала, что, разрешая дискуссию о догматах, она подрывает свое собственное привилегированное положение единственного толкователя и главного источника «божьих истин». В Братиславе в 1429 году папский легат

требовал от короля Сигизмунда, чтобы он не соглашался на публичную дискуссию; в конце концов легат добился успеха, и переговоры были сорваны. Теперь и самому Сигизмунду стало ясно, что переговоры не приведут к желаемому результату — возвращению старых порядков. Прокоп Великий в присутствии Сигизмунда безбоязненно защищал четыре статьи и призывал короля принять их; другой член делегации, Петр Пэн, по прозвищу Энглиш, — английский последователь Уиклифа, приехавший в Чехию защищать дело Гуса, — обращаясь к Сигизмунду, отчетливо выразил цели борьбы гуситов: «Так будет же тебе ныне ведомо, смертный и обреченный на гибель король, что мы ведем с тобой войну не ради корысти, мы сопротивляемся тебе ради христовой истины; и прежде чем ты у нас ее вырвешь из груди, пресечется твоя жизнь; прежде чем ты лишишь нас славы, ты сам впадешь в ничтожество; прежде чем ты оскорбишь Христа, ты погубишь свою душу и славу имени своего превратишь в вечный позор перед всем миром». А когда Сигизмунд, возмущенный резкостью речей чешской делегации, отверг гуситское требование признать четыре статьи, объявив его бессмысленным, Прокоп Великий прервал переговоры, заявив: «Для защиты этих четырех истин мы взяли за меч и мы не положим его, пока их не признает весь мир»⁴.

Братиславская встреча продемонстрировала несокрушимое мужество гуситов. Эта встреча показала, что в присутствии виднейших представителей феодальной знати гуситы не утратили ни решимости, ни революционного энтузиазма. Гуситские делегаты, выступая в Братиславе, ясно сознавали, что они ведут борьбу за правое дело, что за ними мощь революционных народных масс.

В тридцатые годы XV века гуситское революционное движение вновь достигло апогея. После неудачи братиславских переговоров Прокоп Великий приступил к подготовке нового большого похода. Он вновь собрал таборитские, «сиротские» и пражские войска и в конце 1429 года отправился с ними на север от Чехии, в Мейсен. Так начался крупнейший зарубежный гуситский поход, слава о котором прогремела на весь мир. Сначала чешские войска беспрепятственно дошли до Лейпцига — немецкие отряды вообще не отваживались вступать в борьбу с чехами. Под Лейпцигом гуситская армия повер-

нула на запад. Прокоп разделил ее на пять отрядов, которые прошли через Саксонию в Верхнюю Франконию и Баварию. Целью этого «прекрасного похода» было распространить идеи гуситства за рубежами Чехии и вызвать здесь тем самым революционное движение. Свидетельством тому являются события в Бамберге.

2 февраля 1430 года «священник Прокоп, руководитель походного войска таборитского» (так звучал титул Прокопа), направил в Бамберг письмо, в котором, отвечая от имени объединенных гуситских войск на просьбы бамбержцев о перемирии, писал: «Мы просим вас, чтобы вы прежде всего вернулись к истинам Евангелия, за которые мы по сей час изо дня в день ведем неустанную битву. Как только вы согласитесь на это, сразу же прекратятся все опустошения, и мы не будем вынуждать вас к денежным выплатам или силой оружия отнимать ваше достояние, напротив — мы станем защищать вас от всякого, кто на вас нападет и будет вас грабить»⁵. В годину самой ожесточенной борьбы Прокоп Великий настаивал только на принятии гуситской программы «евангельских истин». Беднота и мелкие ремесленники Бамберга поняли, что принятие предложения Прокопа поможет им в их беде. Богатое бюргерство и церковная знать, страшась приближающихся революционных армий, бежали из города. «На улицах остался только простой народ, — писал в своей хронике немецкий купец Бурхардт Цинк, — большие толпы народа, бродившие по городу из конца в конец, овладели домами богатых горожан. Бедняки нашли в домах вино и другие вещи и захватили все это с собой; они ели, пили и услаждались. Они направились также в дома богатых священников и каноников, бежавших из города. И тут чернь вела себя не лучше, чем в домах горожан. Именно по поводу этого господства черни говорилось, что Бамбергом овладели гуситы. Но это была неправда»⁶. Действительно, гуситам незачем было захватывать Бамберг, они и без того достигли своей цели. Революционный народ изгнал патрициат и высшую церковную знать; город стал на сторону гуситского революционного движения.

События в Бамберге позволяют нам ответить на вопрос, почему гуситы брали один укрепленный город за другим, почему столь безмерный ужас охватил бюргерство Германии. Суть дела была в том, что бюргеры опа-

сались одновременно двух врагов: революционных гуситских войск на поле боя и гневной толпы бедняков на улицах своего города. Поэтому даже столь отдаленные от Чехии города, как, например, Франкфурт-на-Майне, ассигновали большие суммы на углубление рвов, укрепление стен, на «поддержание порядка» в городе. А между тем войска гуситов, подобно гигантской лавине, неуклонно приближались к Нюрнбергу. «И чехи свободно продвигались по этим странам, разделившись на пять армий, и чинили великий ущерб; и повсюду люди говорят, что сожгли они во время этого похода около 70 укрепленных мест, а число [сожженных] крепостей и деревень неизвестно; жители всех этих немецких земель не смели выступить в поле против чехов»⁷.

Богатыми купцами Нюрнберга овладела паника. Бургграф Нюрнбергский, наместник короля Сигизмунда в Германии Фридрих Гогенцоллерн, отправил навстречу гуситам послов, предлагая им золото. Гетманы походных войск получили несколько тысяч золотых с одним условием, чтобы они пощадили Нюрнберг — крупнейший немецкий торговый центр (курфюрст Бранденбургский Фридрих заплатил 14 тысяч золотых, герцог Баварский — 10 тысяч золотых и Нюрнберг — 11 тысяч золотых). Однако Прокон Великий, получив столь громадные суммы, отнюдь не намерен был этим удовлетвориться. Свое победоносное продвижение, которое повергло в ужас немецких феодалов, он использовал, чтобы снова добиться публичной дискуссии. Он заключил с Фридрихом Гогенцоллерном так называемое «Бегеймштейнское соглашение», в силу которого Фридрих Гогенцоллерн обязался предоставить многочисленной чешской делегации возможность посетить Нюрнберг и выступить перед собравшимся народом в защиту четырех статей. После многолетней борьбы перед гуситами снимались, наконец, феодальные барьеры, они получали возможность свободно изложить свое справедливое учение. Значение победы, одержанной гуситами, огромно; оно не умаляется даже тем, что, несмотря на обещания и обязательства Фридриха Нюрнбергского, диспут не состоялся — папе и королю Сигизмунду удалось уговорить Фридриха нарушить его обещания (или, что всего вероятнее, сам Фридрих воспользовался уходом гуситских войск, чтобы нарушить данное им слово).

После заключения «Бегаймштейнского соглашения» большой «прекрасный поход» закончился. Войска, участвовавшие в нем, со славой вернулись в Чехию. Старый летописец с гордостью писал об этом походе: «Таких прекрасных походов до Мейссена чехи никогда еще не делали, и никто ничего подобного никогда не слышал, и нигде в хрониках этого не записано»⁸. Действительно, успехи гуситов были велики. После разгрома немецких феодалов северные и северо-западные границы Чехии были защищены от нападения извне, в Бамберге беднота захватила власть (правда, она продержалась недолго — только пока походные войска гуситов стояли вблизи города); побежденный Фридрих Гогенцоллерн не только обаялся ежегодно платить чехам дань, но и принужден был дать обещание устроить публичный диспут в Нюрнберге. Бесконечные ряды телег полны были драгоценной добычей, захваченной у немецких патрициев, дворян и церковной знати. С гуситами в Чехию пришло множество немецких батраков, предпочитавших борьбу в рядах чешской революционной армии прозябанию под игом эксплуататоров.

Прокоп использовал успехи большого «прекрасного похода», чтобы распространить гуситство за рубежом. Именно тогда во все концы света полетели таборитские манифесты, в которых Прокоп знакомил наиболее отдаленные страны с четырьмя статьями, с жизнью и борьбой гуситов. Острые этих таборитских манифестов было опять-таки направлено против церкви. Говоря о церковном имуществе, таборитские манифесты использовали высказанное Уиклифом положение, которое так выразил Гус: «А доколе священники владеют этими именьями, они владеют ими несправедливо и обязаны их возвратить. И доколе они не будут у них отобраны, до тех пор они не перестанут торговать святыми вещами и не смогут вам возвещать подлинных основ истины. Они поступают, как псы, которые молчат и не могут лаять, пока держат в зубах кость и гложут ее, и покуда они держат сладкую кость роскоши и богатства, никогда не будет хорошо в мире. И, следовательно, великое дело милосердия сделали бы все короли и князья, все паны и все города империи, если бы вырвали у них кость из зубов, невзирая на их гнев,— так ворчат псы, когда кто-нибудь хочет отнять у них кость. А поэтому — дворяне,

короли, князья и города империи и всего мира, богатые и бедные, пробуждайтесь ото сна, откройте глаза, и вы увидите лукавство дьявола, которым он ослепил церковь римскую, и возьмите у них то, что принадлежит вам, а находится у них»⁹.

Для борьбы против церкви и ее богатства могла быть создана самая широкая коалиция. Дворянство и вообще светские феодалы всегда мечтали захватить обширные церковные владения, а горожане стремились к созданию дешевой церкви; крепостные всегда готовы были восстать против церкви, своего злейшего врага. И Прокоп употребил все свое красноречие, чтобы обличить церковь — опору феодального порядка. Дело гуситов справедливо. Почему же их многочисленные славные победы не убедили весь мир, что бог был и есть на их стороне? Папа, кардиналы, епископы, прелаты, объятые страхом, сами готовят себе гибель. С самого начала борьбы гуситы не переставали твердить, что они всегда предпочитают вести борьбу словом, а не мечом. И теперь они снова требуют публичного диспута, а церковь отказывает в нем, опасаясь, что диспут обнажит ее пороки. Вместо того чтобы разрешить диспут, церковная знать натравливает верующих на гуситов и толкает их на новую войну. «И сколько бы ваши епископы и прелаты ни говорили вам, — продолжал таборитский манифест, — что не следует соглашаться ни на один диспут с нами, и как бы вам ни хотелось верить им и слушать их, не давайте впредь обманывать и одурачивать себя лживым отпущением грехов*; оставайтесь дома со своими женами и детьми и имуществом, и пусть римский папа сам придет к нам со своими кардиналами, епископами и прелатами и пусть они заслужат те отпущения грехов, милосердие и прощение, которые они дают вам в изобилии, утверждая, что только через них приходит к вам благодать, хотя сами они нуждаются в отпущении грехов, милосердии и прощении. А мы бы с помощью всемогущего бога дали бы им столько милостей и отпущений, сколько им было бы нужно»¹⁰. Эти таборитские манифесты, написанные по-немецки (а не по-латыни), чтобы народ их лучше понимал, вызвали в Германии

---

* Каждый, кто участвовал в крестовом походе, получал отпущение грехов.

новую волну ненависти против церкви. Поэтому университетские магистры, апологеты феодального строя, вновь выступили на борьбу с таборитами. Манифесты таборитов дошли даже до Барселоны, Парижа и Кембриджа (сам канцлер Кембриджского университета счел необходимым выступить против гуситской пропаганды с рядом новых трактатов). Даже в Базеле, где собрался церковный собор, на воротах ратуши был прибит манифест. Понадобилось энергичное вмешательство городской стражи, чтобы помешать распространению этого манифеста в народе; манифест был немедленно сорван, и всех, кто был заподозрен в его чтении, подвергли тщательнейшему допросу — настолько велик был страх перед гуситским учением в самом сердце тогдашней церкви, на Базельском соборе.

Собор католической церкви был созван в Базеле в 1431 году, чтобы устранить злоупотребления церкви, порчу «во главе и членах» и окончательно решить чешский вопрос. Католическая церковь хотела, чтобы Базельский собор продолжил дело Констанцкого и Сиенского соборов, которые должны были устранить противоречия в рядах церковной знати (но совершенно не справились со своей задачей). По существу речь шла о борьбе между двумя тенденциями: с одной стороны, ограничения власти папы, с другой — подчинения церковной иерархии всех стран центральной папской власти. Папа Мартин V долго противился созыву собора, однако под давлением светских феодалов, которые с беспокойством наблюдали разложение церкви и требовали прекращения раздоров в лагере церковников, вынужден был назначить своим представителем на соборе особого легата, кардинала Джулиано Чезарини, которому он поручил организовать новый крестовый поход против гуситов. Между тем в Базеле — сперва против воли папы, а затем с его ведома — собрались представители церковной знати всех стран, начались переговоры по спорным вопросам. Однако напрасно прелаты, собравшиеся в Базеле, призывали Чезарини взять на себя руководство собором. Кардинал-легат Джулиано хотел прежде всего решить чешский вопрос и усиленно готовил крестовый поход против гуситов. Тем временем Мартин V умер и папой был избран Евгений IV, у которого Джулиано должен был испросить новые полномочия. Вследствие этого заседания

собора были прерваны, а Чезарини в это время приложил все усилия, чтобы привлечь к участию в крестовом походе короля Сигизмунда.

Дело в том; что король Сигизмунд договорился с гуситами о новом диспуте, который должен был состояться в Хебе в мае 1431 года. Это был уже второй публичный диспут в этом году. Еще в марте 1431 года гуситы выслали в Польшу делегацию, которая в присутствии польского короля Владислава вела с польскими учеными споры относительно политической и религиозной программы гуситов. Однако затянувшиеся переговоры в Кракове ни к чему не привели. Польский король и польская церковная знать стремились заставить гуситов отказаться от их программы реформ и примириться с церковью, чего гуситы делать не собирались. К тому же им отнюдь не улыбалось, что закоренелый враг гуситов, краковский епископ Збигнев, запретил устраивать богослужения, покада в городе находятся чешские еретики. Дискуссия была прервана, участники решили отложить споры до публичного диспута, который должен был состояться во время предстоявшего вселенского церковного собора.

Переговоры с королем Сигизмундом в Хебе тоже не привели ни к каким результатам. Гуситы выдвинули перед Сигизмундом те же требования, что и перед польским королем. Они требовали свободной дискуссии о четырех статьях на публичном заседании церковного собора. Сигизмунд под влиянием делегации Базельского собора не хотел уступать гуситам, понадеявшись и на этот раз на силу оружия. Этой силой собиралась принудить гуситов к послушанию и церковная знать. «Некоторые верные пишут из Чехии, обращая наше внимание на то, что еретическую Чехию можно будет ввести в лоно церкви, только послав туда армии; только страхом перед крестоносной армией, которую мы пошлем в Чехию, можно отвратить ее от ереси». К концу мая переговоры в Хебе окончились ничем, а у западной чешской границы снова собирались тучи крестоносцев, жаждущих поживиться за счет гуситов. Местом сбора крестоносцев стал Нюрнберг, в котором Джулиано Чезарини и главнокомандующий Фридрих Гогенцоллерн (маркграф Бранденбургский и бургграф Нюрнбергский) собрали в конце июня гигантскую армию, наибольшую из всех когда-либо снаря-

жавшихся против гуситов; в это войско съехались крестоносцы со всех концов Европы. «И были меж ними люди из многих рейнских земель, швабы, мейссенцы, регенсбуржцы, баварцы, саксонцы, тюрингенцы, выходцы из Фландрии, из Эльзаса, из Голландии, Зеландии, и были здесь все имперские города и весь род немцев»¹¹. В начале июля крестоносцы с разных сторон стали приближаться к западным чешским границам.

Чтобы отразить это наступление, нужно было снова собрать все силы гуситов. Прежде всего Прокоп Великий нанес удар по внутренней реакции. Он вызвал в Чехию походные войска, находившиеся в Силезии, и велел собрать ополчение по всей стране. 28 июля 1431 года во главе таборитских, «сиротских» и пражских войск он осадил оплот реакции Пльзень. Реакционные силы, уже давно ожидавшие вторжения крестоносцев, нарушили перемирие, опираясь на пльзеньский ландфрид. Одновременно Прокоп напал на пана Яна из Опочены, Зикмунда из Дечина и Яна Смиржицкого, гетмана города Мельник и «защитника» роудницких владений пражского архиепископа. Все эти паны отказались послать обещанные ими подкрепления, и Прокоп огнем и мечом напомнил панам-изменникам об их обещаниях. Новые военные операции вновь показали громадную энергию и организаторские способности Прокопа. Благодаря им дорога к гнезду чешской реакции для сил, стремившихся оказать ей помощь извне, была преграждена и против крестоносцев была выставлена армия, преимущества которой заключались в том, что она пользовалась поддержкой всего народа. Более того, Прокопу Великому удалось обеспечить поддержку со стороны поляков из силезских княжеств. Отойдя от Пльзеня, войска Прокопа соединились у Бероуна (11 августа 1431 года) с войском бывшего кандидата на чешский трон Сигизмунда Корибутовича, который ушел из Чехии и с согласия гуситов владел силезской Гливицей и прилегающими к ней землями. Усилив армию, Прокоп снова направился к западным границам Чехии.

Между тем крестоносцы прошли через пограничные леса и начали «приводить к покорности еретическую Чехию» — то есть грабить и разорять ее на каждом шагу. 14 августа 1431 года нюрнбержцы хвастались базельцам: «Мы вторглись в чешскую землю, в окрестности

Тахова и Домажлице. Паны опустошают и сжигают всю чешскую землю, насколько хватает сил»¹². Это признание крестоносцев показывает, какие бедствия испытывали жители западночешских деревень и городков. Не удивительно, что вся страна восстала и объединилась вокруг походных войск и Прокопа Великого для решающего контрудара. После ряда быстрых переходов гуситское войско с телегами и орудиями очутилось в самом стане врагов, которые тщетно старались захватить Домажлице. От звуков песни «Кто они, божьи бойцы», грохота боевых телег и орудийной стрельбы крестоносцы обратились в повальное бегство. Как ни старался кардинал Чезарини, призывавший на помощь всех святых, победа вновь была на стороне чешского народа. 14 августа 1431 года крестоносцы обратились в бегство, оставив осаду Домажлице; они искали спасения в окрестных лесах. Немецкий хронист, аббат Андрей Регенсбургский, ранее восхищавшийся столь заботливо и долго подготовлявшимся крестовым походом, сокрушенно восклицал: «Итак, около дня вознесения пречистой девы Марии произошло бегство крестоносцев от гуситов, о котором говорит весь мир»¹³. А в стане чехов слышались возгласы ликования по поводу блестящей победы — победы всего чешского народа.

Поражение крестоносцев у Домажлице лишило международную реакцию последней надежды на то, что ей удастся поставить гуситов на колени. После Домажлице представители реакции стали склоняться к переговорам с гуситами. Кардинал-легат Джулиано Чезарини (который бежал от Домажлице так быстро, что потерял даже кардинальскую митру) стал решительным сторонником мирного разрешения чешского вопроса. В Германии гуситское движение находило все больше и больше приверженцев; в лагере реакции опасались, что немецкие верующие, по примеру гуситов, посягнут на церковное имущество. Если во время своего пребывания в Германии кардинал Чезарини еще настаивал на беспощадной борьбе с гуситами, то 13 января 1432 года он уже писал папе Евгению IV о необходимости разрешить гуситам вести диспут на Базельском соборе: «Велико в связи с этим напряжение мыслей человеческих, и одна только надежда на встречу держит еще их в узде; а если эта надежда погибнет, миряне ополчатся на нас по-гуситски и будут

избивать нас, думая тем угодить богу. Как раз в эти дни магдебуржцы прогнали из города архиепископа и священников, окружили себя изгородью из телег, как гуситы, — говорят, что они даже предводителя попросили у гуситов; и это тем более опасно, что многие окрестные города вступают в их объединение. Так город Пассау выгнал своего епископа и осаждает его теперь в замке. Оба эти города близки к Чехии, и если они с ней объединятся, чего следует опасаться, то найдут много помощников и последователей. У бамбержцев тоже очень опасные раздоры с епископом и капитулом»¹⁴. Из письма Чезарини видно, какое беспокойство овладело церковной знатью.

В этот период на борьбу с феодалами по примеру гуситов поднялись также и рейнские крестьяне. Рост революционного движения и непрерывные поражения крестоносцев заставили Базельский собор пойти на переговоры с гуситами. Первое письмо Базельского собора в Чехию было полно уже не прежними угрозами, бранью и клеветой, а рассуждениями о братстве и взаимной любви. Оказывается, одна лишь христианская любовь побуждает «отцов, собравшихся в Базеле», покончить с ненавистью, прекратить войны с гуситами, предложить им перемирие и дать возможность вести диспут в присутствии всех участников собора.

Прокоп Великий и все гуситы приняли предложение собора и завязали переписку с делегатами, посланными собором в Нюрнберг. Было решено, что чешская делегация явится в Базель. Однако прежде всего необходимо было обеспечить ее безопасность в пути, установить принципы, на основе которых будут вестись переговоры, и основные условия диспута. С этой целью в мае 1432 года начались переговоры легатов собора с гуситскими представителями. Обе стороны сошлись в Хебе, и здесь 18 мая 1432 года было принято так называемое «Хебское суждение». Это было соглашение, в котором за чешской делегацией в Базеле признавалось «полное и свободное право дискуссии перед всем собранием этого собора, причем столько раз, сколько раз она пожелает выступить за время своего пребывания в Базеле»¹⁵. Гуситам предоставлялось достаточное время для подготовки к диспуту; на случай несогласия обеих сторон были назначены третейские судьи. «Также им будет дозволе-

но, чтобы они вели переговоры по поводу четырех статей, которые, как уже говорилось, они защищают, приводя в качестве самого справедливого и беспристрастного судьи на этом Базельском соборе закон божий, деяния Христа, апостолов и первой церкви, а также постановления соборов и суждения докторов, которые подтверждают их учение»¹⁶. Гуситы добились блестящей победы над церковью. Впервые в истории высшие представители католической церкви согласились вести спор о религиозных и социальных проблемах на основе свободного толкования библии. «Хебское суждение» нанесло громадный урон сторонникам католической догматики, которые до сих пор лишь предписывали то, чему следует верить, но отнюдь не занимались обсуждением индивидуальных мнений. Церковные догматы были могучим средством, с помощью которого церковная иерархия в интересах сохранения феодального порядка боролась со всеми инакомыслящими и реформаторами, объявляя их идеи заблуждениями еретиков. Однако по отношению к гуситской программе четырех статей церковь была вынуждена действовать по-иному. В Хебе ее представителям пришлось согласиться на свободный диспут с чехами, против которого они так упорно возражали, причем на этом диспуте католическая церковь уже не могла выступать в качестве непогрешимого судьи, а принуждена была удовольствоваться ролью одной из спорящих сторон. В этом состояло историческое величие «Хебского суждения», свидетельствовавшего о блестящей победе Прокопа Великого, который был вдохновителем и руководителем гуситов во время переговоров.

Пока переговоры с Базельским собором возглавлял Прокоп Великий, не могло быть сомнения в том, что дело революционного народа находится в верных руках. Во время первой поездки в Базель чешская делегация благодаря Прокопу успешно провела диспут, не уступив самым видным из апологетов феодального строя. Прокоп Великий отправился в Базель только после того, как получил гарантии от всех феодалов и городов, по территории которых проходила чешская делегация. 6 декабря 1432 года чешская делегация, выбранная на сейме для ведения переговоров в Базеле, собралась в Домажлице. В делегацию входили три рыцаря (Вилем Костка из Поступиц и из Крживоклатой, гетман лито-

мышльский Бенеш из Мокровоус и Густиржан и Иржи из Ржечице), четыре представителя городских союзов (Матей Лоуда из Хлумчан, гетман в Писке, и Лаурин из Табора — от таборитов, Ржегорж из Двуга Кралове — от «сирот» и Ян Вельвар — пражский горожанин) и восемь священников (Прокоп Великий, Микулаш Бискупец, Маркольт из Збраславице и Петр Немец из Жатца — от таборитов, Петр Пэн по прозвищу Энглич, Ольдржих из Знойма, священник в Чаславе, и Мартин Лупач из Хрудимы — от «сирот» и Ян из Рокицан — от пражан). Эти люди стояли в центре внимания всего чешского народа и всего мира.

Без всяких происшествий несколько десятков повозок с делегацией и ее челядью проехало через Германию. Только в Нюрнберге городские власти потребовали снять с повозок хоругви с чашей и надписью «*Veritas omnia vincit*» («Правда все побеждает»), так как им казалось, что эти хоругви способствуют распространению гуситских принципов. В Базеле, где уже собрались представители почти всех христианских стран, приезда чехов ожидали с нетерпением и волнением. Из хроники заклятого врага гуситов Энея Сильвия Пикколомини, ставшего впоследствии папой Пием II (который, кстати, первый начал называть Прокопа Великим [то есть Большим.— *Ред.*]), ясно виден этот всеобщий интерес к Чехии. Эней, очевидец приезда чехов в Базель, красочно описал приезд чешской делегации: «Городские жители вышли за ворота, и очель многие участники собора, стоя у ворот, ожидали приезда самой мужественной и самой славной нации. Многие толпились на улицах, по которым должна была проходить делегация; женщины, дети и девушки заполнили крыши и окна. Одни показывали пальцем на одного, другие на другого, удивлялись чужим манерам и невиданному покрою платьев, смотрели на грозные лица мужчин и на горящие их глаза, говорили, что кажется вполне вероятным, что эти люди выполнили то, что о них рассказывали. Однако больше всего все смотрели на одного — на Прокопа, который нанес столько поражений войскам верных, который разрушил столько городов, погубил столько тысяч человек и которого постоянно опасаются его соотечественники и враги как вождя непобедимого, отважного, неустрашимого, не знающего усталости и страха»¹⁷.

Прокоп мужественно вел себя во время пребывания в Базеле. Он энергично протестовал, когда некоторые участники собора называли чехов еретиками. Во время дискуссии на соборе он последовательно защищал программу гуситов и не допустил, чтобы обсуждение четырех статей свелось к обсуждению только одной — о причащении под обоими видами, как пытались делать некоторые прелаты. Каждую статью должен защищать перед собранием один из гуситских священников. Магистр Ян из Рокицан защищал статью о необходимости причащения из чаши, Микулаш из Пельгржинова говорил о необходимости определить, что такое смертные грехи и какое должно быть за них наказание, Ольдржих из Знойма защищал свободу проповеди слова божьего, а Петр Пэн выступал против светского владычества духовенства и требовал конфискации церковного имущества. В этой раздельной защите четырех статей замечательно то, что статьи, глубже всего затрагивающие феодальный строй (наказание тяжких грехов и конфискации имущества церкви), защищали представители таборитов и «сирот». Обвинения гуситов пытались опровергнуть четыре представителя собора. Переговоры затянулись, потому что каждый оратор требовал себе несколько дней для ведения полемики. В ходе дискуссии стало совершенно ясно, что Базельский собор не намеревался принимать и одобрять программу гуситов; в крайнем случае он готов был принять ее только в ограниченном виде. Но Прокоп Великий снова и снова требовал, чтобы представители гуситов не отступали ни на шаг, хотя Ян из Рокицан и был настроен миролюбиво, чуть ли не готов был идти на компромисс. Выступления Прокопа, исполненные сознания правоты своего дела, достоинства и правдивости, подействовали и на кардинала Чезарини, который даже возымел желание сблизиться с ним. Вообще начитанность и образованность чешской делегации, ее любовь к книгам (члены делегации брали их в монастырской библиотеке) опровергли взгляды, которые церковная знать старательно внушала верующим, будто чешские еретики — люди неотесанные и дикие. Член делегации Петр Жатецкий записал в своем дневнике: «После этого мы посетили жившего в том же доме кардинала Бранда, который принял нас приветливо. Прокоп сказал ему: «Мы хотели бы получить некоторые книги

из библиотеки тех братьев, однако они их не дают, говоря, что им запрещено выдавать книги из дома». Кардинал сказал: «Вы получите все, что пожелаете...» И после того, как кардинал угостил нас, мы отправились к легату Джулиано, который, поздоровавшись с нами, обнял Прокопа и повел его в свою комнату, где они добрые полчаса были одни. И они обязались, как мне говорил Прокоп, что будут говорить друг другу все, что захотят, и не будут видеть зла в словах другого». Тем не менее чешская делегация все же не добилась одобрения четырех статей, потому что представители церковной знати прекрасно понимали, что принятие этих статей, особенно третьей и четвертой, означало бы начало конца владычества церкви. Переговоры не были прерваны, но было решено продолжить их в Праге, куда была приглашена делегация Базельского собора.

Хотя Прокоп Великий и не добился в Базеле полного успеха, ему все же удалось свободно изложить представителям христианского мира гуситскую программу и предотвратить разрушение внутреннего единства гуситского лагеря. Но никто, будь то даже наигениальнейший политик, не в состоянии был бы в последующие годы сохранить единство гуситского революционного движения.

3. Липаны

Продолжающийся экономический упадок чешских земель во время гуситского революционного движения. — Горожане готовы изменить революционному движению. — Стремление низшего дворянства прийти к соглашению с панами и с императором Сигизмундом. — Походные войска — единственная опора и краеугольный камень революции. — Переговоры легатов Базельского собора в Чехии (1433 год). — Представитель бедноты и мелкого бюргерства Якуб Влк в пражском Новом Месте. — Походы гуситов в Восточную Словакию и к Балтийскому морю (1433 год). — «Правитель королевства Чешского и маркграфства Моравского» — Алеш из Ризенбурка и Вржештьова — как орудие феодальной реакции. — Неудачные попытки дворянства и пражских горожан распустить походные войска; делегация Базельского собора в Чехии готовит измену (1434 год). — Создание панского объединения. — Силы внутренней и внешней реакции на съезде в Хаме (Коубе, в Баварии) в марте 1434 года готовят гуситам поражение. Взятие пражского Нового Места (6 мая 1434 года). — Поражение походных войск в битве с наемными войсками панского объединения у Липан (30 мая 1434 года) — окончание гуситского революционного движения. — Борьба Яна Рогача из Дубы во главе остатков гуситских войск (Табор, Градец Кралове, замок Сион у Кутной Горы) — последний отзвук

гуситского революционного движения. — Измена бюргерства в Таборе. — Переговоры панского объединения с Базельским собором и императором Сигизмундом (компактаты; Сигизмунд — чешский король). — Казнь Яна Рогача из Дубы на староместской площади (9 сентября 1437 года).

Подготовка к разгрому революционных сил началась задолго до битвы у Липан. Уже с самого начала революционного движения делались попытки создать панский союз и подавить революционное движение народных масс. Желивский в Праге и Ян Жижка в сражении у Малешова (1424 год) пресекли эти предательские попытки. Прокоп Великий прилагал все усилия к тому, чтобы помешать реакции разгромить революционное движение; он намеревался уничтожить панское объединение в Чехии и его союзников за границей. В конце концов, однако, в тридцатых годах походные войска, возглавляемые Прокопом Великим, были разбиты в сражении у Липан. Гуситское революционное движение, достигшее столь широкого размаха, потерпело тяжелое поражение. Для того чтобы дать научно обоснованный ответ на вопрос о том, почему гуситы потерпели поражение у Липан, нельзя ограничиться поверхностными заявлениями об «общей усталости» и «деморализации» гуситов, как это делала буржуазная историография; необходимо рассмотреть эту проблему в свете общего развития чешского общества в тридцатые годы XV века.

Прежде всего необходимо уяснить себе, что экономический кризис в Чехии продолжался и во время гуситского революционного движения. Уже в догуситский период происходило падение чешского гроша, свидетельствующее об экономическом кризисе; в революционный период (то есть с 1419 года) это падение не прекратилось. Количество серебра в гроше из года в год уменьшалось и, следовательно, уменьшалась и его меновая стоимость. Цены на все предметы (а не только на предметы широкого потребления) продолжали расти и после 1419 года.

Чешские земли были окружены непроницаемым кольцом торговой блокады. Сразу же после объявления крестового похода в 1420 году было дано предписание, что верующие не имеют права вступать в контакт с «погаными чешскими еретиками». Таким образом купцам, поддерживавшим торговые отношения с Чехией, было запрещено

торговать с ней *. Торговую блокаду Чехии осуществляли не только папа и король Сигизмунд, но и окрестные феодалы. Например, польский король Владислав в 1424 году приказал купцам, под страхом суровых наказаний, «чтобы они не отваживались сейчас и в будущем покупать в Чехии или продавать ей товары, а особенно свинец, оружие, еду и напитки». Торговая блокада была одним из средств, с помощью которых реакция хотела привести гуситов к повиновению. И хотя купцы нарушали все запреты, они не могли поддерживать с Чехией такие же оживленные торговые связи и отношения, какие существовали до 1419 года, не говоря уже о том, что европейские торговые пути, ранее проходившие через чешские земли, теперь шли мимо (например, дорога из Кёльна в Венгрию, из Силезии в Вену и т. д.). Товары, которые, несмотря на запреты, привозились в Чехию, были чрезмерно дороги, потому что купцы требовали с покупателя повышенную плату за тот риск, которому они подвергались. Поэтому, например, цены на пряности росли больше, чем цены на чешские товары; был затруднен также ввоз соли и сукон, которые также быстро дорожали. Рост цен отражался на жизненном уровне простого народа.

Все эти трудности еще больше усилились после пятнадцатилетних упорных боев. Буржуазная историография, разделявшая контрреволюционные взгляды католических памфлетистов и хронистов гуситского периода, не уставала твердить о том, какие опустошительные последствия имели долголетние гуситские войны, которые, по их словам, превратили цветущую страну в пустыню, а ее селения в развалины и пепелища. Мы отвергаем эти попытки возложить на гуситов ответственность за разорение страны как явную клевету на гуситское революционное движение. Но самый факт тяжелого экономического положения в стране не подлежит сомнению. По всей Чехии были разбросаны панские крепости и замки, из которых выез-

---

* Правда, полного прекращения торговли так и не удалось добиться, хотя всем, кто стал бы что-либо продавать еретикам либо покупать у них, угрожали адскими муками. Неоднократное повторение запретов — лучшее свидетельство того, что купцы больше ценили гроши и золотые в этой жизни, чем рай и чистилище в будущей. Нюрнбержцам несколько раз приходилось оправдываться в обвинении, что они продают гуситам товары, в том числе иногда даже порох. Регенбургских и австрийских купцов тоже подозревали в том, что они не прекращали торговых связей с гуситами.

жали вооруженные люди на добычу и грабеж. За границей феодалы выжидали удобного случая, чтобы пожить в «стране еретиков». Для борьбы против всех этих врагов нужно было держать постоянную армию, которая, разумеется, требовала продовольствия, одежды и вооружения, а их нужно было добывать из внутренних источников, используя труд чешского крестьянства и горожан.

Положение резко ухудшилось в результате неурожая, постигшего в тридцатые годы Центральную Европу и особенно тяжело отразившегося на Чехии. В 1432 году, например, с апреля до середины июля не было дождя. Следствием засухи был неурожай, а за ним шли его неизбежные спутники — голод и мор. Население областей, пораженных неурожаем, буквально умирало от голода, ниоткуда не получая помощи. Наибольшие страдания выпали, несомненно, на долю мелкого бюргерства и особенно бедноты.

Противники гуситов — католические священники, говорили, что это кара божья, постигшая еретиков. Узнав о несчастьях, обрушившихся на Чехию, они радостно потирали руки и пытались всячески использовать эти несчастья в своих интересах — для борьбы против гуситского движения, руководствуясь лозунгом: «Чем хуже для них, тем лучше для нас». Они высказывали лицемерные сожаления по поводу страданий чешской земли, такими сожалениями полна, например, хроника так называемого Старого коллегията, представлявшего университетских магистров, уже перешедших в этот период на позиции католической реакции — патрициев, дворянства и церковной знати. Изобразив в мрачных красках Чехию, опустошенную гуситами (такое изображение стало уже литературным шаблоном, к которому часто прибегали в средние века), он старался всячески оклеветать революционные войска и дискредитировать в глазах читателей их борьбу. При этом члены Старого коллегията, такие, например, как магистр Ян Пржибрам и другие, лицемерно заявляли о том, что они выступают против гуситов якобы во имя любви к родине. Эти реакционеры, тесно связавшие свою судьбу с международной реакцией, с церковной верхушкой и Сигизмундом, менее всего имели право нападать на гуситов за то, что в их войсках были чужеземцы. В лжепатриотическом тоне Старого коллегията сквозит ярость по поводу объединения чешских и

иностранных революционных сил: «А тогда много плохого наделали эти походные войска — на их совести пожары, кражи, убийства, грабежи, насилия над женщинами и девушками, опустошение церквей — все то зло, которому нет конца, так что ничего не остается, как только кричать: «Горе, горе!» — опустошено и уничтожено все королевство. Ведь в вышеуказанных походных войсках были по большей части чужеземцы, не чувствовавшие никакой любви к королевству»¹.

К этой клевете прислушивались прежде всего бюргеры, разбогатевшие на конфискации церковного и патрицианского имущества. Не удивительно, что теперь они не хотели и слушать о дальнейшей борьбе, о продолжении революционного наступления. Они не только овладели значительными богатствами, но и захватили власть в городах, а через представителей от городских союзов на сейме участвовали и в управлении всей страной. Такую эволюцию переживало бюргерство не только Праги, но и остальных городов, таких, например, как Табор. Микулаш Бискупец, говоря о бюргерах, растерявших свой революционный пыл, сравнивает их с сосудами, которые звучат, пока они пусты, а как только чем-либо наполняются, перестают издавать какой-либо звук: «Пустые сосуды, когда до них дотронешься, начинают звучать... Наполненные сосуды под ударом молчат, никак не отзываясь». Если обедневшие ремесленники, погибающие от голода и холода, охотно вступали в ряды походных войск, то сытые, жившие в роскоши бюргеры, эти «полные сосуды», были теперь равнодушны к борьбе революционных армий. «Относительно многих мы теперь знаем, — писал Бискупец, — что пока они были бедны, они никогда не желали отдыхать дома или желали этого очень редко и все говорили: «Я ведь никогда не живу дома, всегда в походе», но как только наполнят мешки, ранцы и кошельки золотом, они сразу же, при первой возможности, начинают избегать войска, отлынивают... начинают любить пиры, напиваются, одеваются в пышные одежды, женятся и становятся толстяками и сластолюбцами»². Упреки Микулаша по адресу таборских горожан относятся ко всему чешскому бюргерству и вызваны его отходом от революционного движения. Постоянная борьба приносила бюргерам одни лишь тяготы и лишения. Им, несомненно, было легче работать и торговать в мирных усло-

виях, чем во время боевых действий. Правда, бюргерство поддерживало походные войска не только из страха перед их вооруженной силой, но и опасаясь возврата к старым порядкам, возвращения власти и могущества патрициев и церковной иерархии, поскольку это означало бы, что им придется вернуть захваченное имущество. Но, сохраняя союз с походными войсками, горожане в то же время страстно стремились к миру и были готовы принять любые предложения со стороны врага. Их лозунгом был мир, заключенный на основе обоюдных компромиссов, при том неременном условии, чтобы были признаны происшедшие перемены. Поэтому уже Гинек из Кольштейна во время своего реакционного заговора в сентябре 1427 года, как мы видели, выдвинул лозунг «Святой мир». Поэтому же письма из Базеля, в которых говорится о прелестях мира, покоя и тишины, встречали такое сочувствие у богатого пражского бюргерства. Подобные лозунги звучали крайне соблазнительно для ушей разбогатевших бюргеров. Если уже в самом начале движения они склонны были отойти от него, то теперь, накануне Липан, их переход в лагерь реакции стал свершившимся фактом. Снова появилась возможность создания панского объединения, снова перед бюргерством был открыт путь к предательству.

По такому же пути шло и низшее дворянство, которое тоже в целом удовлетворило свои классовые интересы и постепенно переходило на позиции поддержки панского союза. Низшее дворянство захватило часть церковного имущества, добилось ведущего положения в стране и теперь стремилось к соглашению с панами и с императором Сигизмундом (Сигизмунд в 1433 году получил в Риме императорскую корону). В тридцатых годах внутренняя реакция была уже тесно связана с международной реакцией. Теперь чешские паны, все до единого, принадлежали к католической церкви и старались получить у папы, собора и императора Сигизмунда субсидии для борьбы с еретиками. Особенно прославился своим искусством вымогать деньги Ольдржих из Рожемберка, который, пользуясь страхом реакции перед гуситами, выудил золото у самого Сигизмунда. Чешское панство, овладевшее большей частью имений церковной иерархии — либо под предлогом секуляризации (так делали паны, бывшие ранее чашниками), либо под предлогом «охраны» этого

имущества (это относится к «истинно католическим» панам), — хотело, чтобы эти захваты были оформлены юридически. Оно стремилось также избавиться от опасных для него революционных войск. Поэтому паны завязали сношения с феодалами соседних стран и присягнули на верность католической церкви и императору Сигизмунду.

В период перед Липанами краеугольным камнем и главной опорой революционного движения были таборитские и «сиротские» походные войска. В эти войска с самого начала входили крестьянство и городская беднота различных национальностей, подвергавшиеся в период феодализма самой тяжелой эксплуатации, как это видно хотя бы из свидетельств Старого коллегията. Хотя это постоянное революционное войско находилось под руководством бюргерской оппозиции, вследствие своего классового состава оно было несравненно радикальнее ее. Правда, у нас нет источников, которые позволили бы нам изучить во всех подробностях классовый состав войска, но по разрозненным данным мы можем заключить, что в него входила прежде всего деревенская и городская беднота, для которой вооруженная борьба представляла единственный выход из создавшегося для нее тяжелого положения. Это совершенно ясно видно, например, из речи члена делегации Базельского собора Иоанна Паломара, который в 1433 году в Праге заявил следующее: «И пусть будет для людей, которые сейчас находятся в боевых лагерях, создана возможность расселиться по городам либо получить обеспечение каким-нибудь иным образом, потому что иначе мир не может быть сохранен, а условия соглашения — выполнены... Ведь в поисках пропитания эти люди беспокоили бы жителей королевства или соседних областей, а если бы они начали беспокоить соседей, то это стало бы поводом для нарушения мира и условий соглашения»³. Заявление Паломара показывает, что главной задачей по отношению к походным войскам было обеспечить пропитание бывшим бойцам.

Входившая в походные войска беднота, страдающая от голода и холода и требующая пропитания, была для феодалов грозным призраком, неотступно преследовавшим их. В походные войска входили главным образом люди, у которых не было ничего, кроме собственных рук и стремления жить по-человечески. И несомненно, борьба бедноты против эксплуататоров была постоянным источ-

ником революционного энтузиазма, заживавшего остальных бойцов и полководцев. Нельзя было бы понять, почему «божьи бойцы» больше десяти лет провели в военных лагерях, сражаясь фактически подчас за чужие интересы, если не уяснить себе, что они, собственно говоря, отстаивали свое право на существование. Поэтому, несмотря на то, что экономическое положение ухудшилось и они терпели нужду, они оставались в рядах войск. Командиры походных войск, выходцы из рядов низшего дворянства и горожане из городских союзов, оказывавшие походным войскам экономическую помощь, под воздействием революционной армии занимали более радикальные позиции. Но когда бюргерство и низшее дворянство утратили интерес к дальнейшему развитию революционного движения, в них стало расти стремление избавиться от революционной армии. В этом отношении они были солидарны не только с внутренней, но и с внешней реакцией.

Такова была обстановка в 1433 году, когда в Чехию ехали делегаты Базельского собора. Они прекрасно знали о том, что происходило в стране. Благодаря сведениям, полученным от дворян и от католических священников, они уяснили себе, что необходимо проводить различие между отдельными категориями гуситов, что нельзя, как это было до сих пор, мерить всех гуситов на один аршин, объявляя их всех без разбора еретиками, и что нужно попытаться отделить подлинных революционных борцов от тех, кто готов идти на компромисс. Глава делегации Базельского собора Иоанн Паломар предложил те методы, которые следовало применять при переговорах. Он говорил, что чехи — народ застенчивый, они только потеряли узду и боятся вступить в овчарню святой церкви, поэтому с ними следует обращаться, как с жеребцом, которого нужно объездить, — вести себя с ними спокойно, пока они не почувствуют на себе узду, за которую их можно будет привязать в стойле. И этот метод — метод кажущихся уступок и податливости — последовательно и успешно проводился Базельским собором в течение всех переговоров.

Уже во время первого пребывания в Чехии члены делегации, признавая на словах возможность договориться относительно четырех статей, тайно старались расколоть гуситское революционное движение. Они вступили в

контакт с университетскими магистрами в Праге, представителями дворянства и богатого бюргерства, сторонниками чаши, и завязали переговоры с дворянином-чашником Менгартом из Градца и его друзьями. На тайных совещаниях легаты Базельского собора снова и снова напоминали шляхтичам, что нехорошо, когда их господами являются люди, которые недостойны даже того, чтобы стать их слугами, и уговаривали шляхтичей немедленно порвать с таборитами и «сиротами». Напрасно Прокоп Великий старался расстроить эти изменнические козни. Переговоры велись в духе христианской любви, мира и смирения, а вопросы о численности и силе армий, о необходимости разгромить походные войска — все это обсуждалось втайне.

Против легатов Базельского собора резко выступил также идеолог новоместской бедноты и мелкого бюргерства, проповедник Якуб Влк, ученик и верный друг Яна Желивского. Он называл собор скопищем еретиков, ядовитым василиском, которого необходимо беречься, и предостерегал своих слушателей, указывая, что собор хочет погубить Чехию. На улицах стали собираться толпы людей, которых с трудом уговаривали разойтись. После продолжительных переговоров собор и гуситы не пришли к соглашению, потому что легаты собора не имели полномочий признать четыре статьи, а гуситы под руководством Прокопа Великого твердо настаивали на их признании. В этот же период между университетскими магистрами и таборитско-«сиротскими» проповедниками опять возникли ожесточенные споры о формулировках статей. Табориты и «сироты» настаивали на более резких формулировках (например, по вопросу о наказании за грехи и конфискации церковных имуществ). 11 июля 1433 года первый этап переговоров с представителями собора в Праге закончился столь же безуспешно, как и переговоры в Базеле.

Между тем походные войска решили наступать на цитадель внутренней реакции — Пльзень. В начале июля город был осажден. Первыми подошли к нему таборитские походные войска, к концу августа к ним присоединились пражские и «сиротские» войска. Все эти войска расположились пятью лагерями, которые кольцом окружили город, не пропуская к нему обозы со снабжением. Однако осада, продолжавшаяся почти год, никоим обра-

зом не способствовала укреплению боеспособности гуситских войск — бездеятельная лагерная жизнь и плохое снабжение ослабили боевой дух войска. Это сказалось уже в сентябре, когда многочисленный отряд таборитов, высланный на «фуражировку» в Баварию, был разбит на голову и рассеян; к Пльзеню вернулись лишь остатки этого отряда. Его командиры подверглись ожесточенному нападению разъяренных таборитов. Когда Прокоп Великий стал за них заступаться, гнев бойцов обрушился и на него; в происшедшей затем схватке он был ранен. Этот эпизод, результатом которого был временный отход Прокопа от войск, показывает, что в войсках постепенно начинало исчезать одно из важнейших условий военных успехов — дисциплина.

Гуситские войска были также чрезвычайно ослаблены теми походами и набегами, которые на собственный страх и риск совершали отдельные командиры. Так, весной 1433 года таборитский гетман Ян Пардус из Градка и Бедржик из Стражнице проникли из Моравии в Верхнюю Силезию и оттуда, по соглашению с польским королем, прошли через Краковское воеводство, а затем через Карпаты в Словакию в Спишскую жупу. Табориты взяли Кежмарок, прошли через всю Словакию до Тренчина и вернулись в Моравию. Впрочем, несмотря на то, что эти походы не ставили своей задачей распространение гуситских принципов, само присутствие революционных войск оказало большое влияние на народ. С этим походом, быть может, была связана агитация гуситских проповедников в Трансильвании и на восточной границе Венгрии, агитация, которая вызвала в 1437 году широкое крестьянское революционное движение против феодалов. Базой крестьянских войск стала гора Бобыльна (Трансильвания). В кровавой битве у Клужа (в декабре 1437 года) венгерские, немецкие и румынские крестьяне, по примеру гуситов поднявшиеся против эксплуататоров, были разбиты соединенными усилиями феодалов. Однако гуситские священники не прекратили своей проповеди как в этой области, так и в Словакии. Пребывание здесь еще в 1428 году походных войск принесло свои плоды. Города западной Словакии, занятые гуситами (прежде всего Трнава), были освобождены от грабительской власти немецкого патрициата. Во всех городах, где имелись гуситские гарнизоны (интересно отметить, что современные

немецкие хронисты для обозначения гарнизона употребляют гуситский военный термин «посадка»), немецкий патрициат был изгнан; городская ратуша перешла в руки словаков, чешский язык вытеснил прежнюю латынь и немецкий. Непосредственно под влиянием гуситства произошло революционное выступление браτισлавской бедноты. В 1434 году беднота Браτισлавы — рыбаки, жившие в хижинах около Дуная, — восстала с оружием в руках. Однако это восстание было жестоко подавлено.

Подобный же отзыв получил «прекрасный поход» «сиротского» гетмана Чапека из Сан в Польшу и к Балтийскому морю. Хотя Чапек предпринял этот поход по договоренности с польским королем, чтобы оказать ему помощь в борьбе с Тевтонским орденом, для простого народа приход гуситов был равносильен призыву к революционному восстанию. Когда гуситские отряды в сентябре 1433 года подошли к Гданьску, бюргеры этого города, принадлежавшего тогда Ордену, отказались идти в бой и ночью бежали из военных лагерей. Напрасно гданьский комтур (комендант замка, принадлежавшего Ордену) пытался собрать войско для нападения на гуситов. Бойцы Ордена вынуждены были глядеть на то, как Чапек беспрепятственно прошел мимо города к морскому берегу. В Великой Польше (в районе Познани и особенно в городе Збоншине) гуситы нашли многих сторонников среди крестьянства, мелкого бюргерства и низшего дворянства. В течение почти всего XV века инквизиция в Польше жгла на кострах сторонников чешских гуситов, пытаясь таким образом подавить революционные стремления угнетенного народа. Тот факт, что гуситские «прекрасные походы» и гуситские гарнизоны в Силезии способствовали распространению гуситства в Польше, еще раз доказывает, какие силы были скрыты в гуситской революционной программе, как действовало на народ одно лишь присутствие «божьих бойцов».

Однако в результате «прекрасных походов» 1433 года силы походных войск дробились. Кровь революционных армий, столь необходимых накануне решительного боя с реакцией, широким потоком текла за рубежами Чехии и часто лилась за чужие интересы. А между тем, никогда не было более настоятельной необходимости собрать воедино все боеспособные силы чешского народа, чем в конце 1433 и в начале 1434 годов, когда внутренняя и

внешняя реакция снова начала усиленно плести сеть интриг и предательств.

22 октября 1433 года в Прагу вновь приехали легаты Базельского собора, чтобы добиться наконец соглашения с гуситами. Лицемерно делая вид, что они готовы продолжать переговоры о четырех статьях, они втайне готовили чешскому народу новые цепи. На этот раз они добились значительно более серьезного успеха, чем при первом посещении Праги (весной 1433 года). Если тогда они полностью завоевали на свою сторону университетских магистров, то теперь, осенью 1433 года, они уже подбили дворян и богатых горожан к открытому выступлению против походных войск, возглавленных Прокопом. На сейме, созванном в Праге в начале ноября, были введены изменения в области управления страной. Вместо прежних 12 правителей, которые практически подчинялись руководству Прокопа, дворянство и представители ряда городов избрали «правителем королевства Чешского и маркграфства Моравского» Алеша из Ризенбурка и Вржештьова. Это был родовитый, но обедневший пан, не обладавший сколько-либо выдающимися личными качествами. Несмотря на то, что ему были даны очень широкие полномочия (он должен был разбирать споры между панами на основе земского права, споры в войсках на основе военного устава, имел право созывать сеймы, заключать соглашения, чеканить монету и собирать военное ополчение), фактически он стал марионеткой, которой из-за кулис управляли феодалы во главе с Менгартом из Градца. На сейме, который готовил гибель революционных сил, выступили легаты Базельского собора, заявившие, что они согласны принять четыре статьи в урезанном виде — фактически речь шла только о признании чаши. Все переговоры умышленно велись только вокруг вопроса о причащении под обоими видами; если кто-либо упоминал об остальных статьях, то легаты заявляли, что Базельский собор без всяких обсуждений собирается удовлетворить содержащиеся в них требования и распространить их на все христианство. Легаты также рекомендовали гуситам распустить войска и отказаться от осады Пльзеня — будто бы с той целью, чтобы можно было завершить переговоры в условиях мира и спокойствия.

Прокоп Великий, который после беспорядков в армии (значительно ослабивших его позиции) уехал в Прагу, в

Новое Место, выступал на сейме против всех попыток свести четыре статьи к одному лишь вопросу о чаше, а также и против предложений разоружить и распустить походные войска. Тем не менее, сейм послал делегацию к Пльзеню, который еще осаждали табориты. Получив сообщение, что шляхта и пражские бюргеры готовы распустить войско, «божьи бойцы» заключили между собой союз и клятвенно обещали, что они не прекратят осаду, пока «враги божьих истин» не будут уничтожены.

Один из членов делегации объяснял потом в Праге этот шаг тем, что многие из бойцов, «не имея дома, не знали, куда им идти после роспуска войска». Между тем в Праге продолжались переговоры под руководством нового правителя.

Дворянство, решившее пойти на соглашение с реакцией, стремилось привлечь на свою сторону прежде всего те города, представители которых в знак протеста прервали переговоры. Если Ян Пржибрам, представитель дворян-чашников и богатых бюргеров, открыто выступил за принятие предложений собора, то бюргерство в целом еще на это не отваживалось. Эта политика колебаний и выжидания нашла отражение в выступлении Яна из Рокицан, который в ходе переговоров заявил, что позиция как собора, так и походных войск неправильна и что он не представляет себе, как следует поступить. В начале 1434 года базельская делегация уехала. Она пока еще не достигла успеха, однако делегаты собора обещали, что вскоре договоренность будет достигнута. На самом же деле университетские магистры во главе с Яном Пржибрамом и Криштьяном из Прахатице перед отъездом делегации согласились на все требования собора и обязались воздействовать на остальных сторонников консервативных взглядов и добиться их соглашения с церковью. Международная реакция считала теперь настоятельно необходимым уничтожение единственного препятствия, стоявшего на ее пути, — походных войск, защиты и опоры революции.

С начала 1434 года все интриги и происки церковных дипломатов были направлены к тому, чтобы осуществить эту цель. Иоанн Паломар, выступавший от имени собора, играл ведущую роль в подготовке разгрома таборитских войск. Собрав соответствующий церковный налог, реакционный лагерь получил золото, которое предназначалось

для того, чтобы подкупить гуситских руководителей и набрать войска. В Пльзень были высланы большие суммы денег, была собрана армия, которая должна была атаковать походные войска и тем самым помочь осажденным. В Пльзень тайно отправлялись запасы продовольствия и боеприпасов. За тридцать сребреников был куплен один из таборитских гетманов, рыцарь Пржибик из Кленового. После тайных переговоров он по усеянной золотом дороге покорно вернулся в «лоно матери церкви»; он предательски открыл путь на Пльзень, вследствие чего осажденные получили продовольствие и боеприпасы. Это был удар в спину походным войскам, которые возлагали надежды на то, что им удастся взять Пльзень измором. Многие другие дворяне, примкнувшие к движению ради своих корыстных целей, во главе с Менгартом из Градца перешли на сторону католиков и как «верные сыны церкви» ожидали только денег, чтобы вместе с дворянами-католиками начать вербовку солдат для борьбы против таборитов и «сирот». Во второй половине марта 1434 года на совещании в Хаме (Коубе, в Баварии) было заключено соглашение и был выработан окончательный план реакционного заговора. Чешские паны, встретившиеся здесь с Паломаром и баварским герцогом Иоганнесом, повезли домой 3 500 золотых, которые им дала «святая церковь» для уничтожения походных войск. Император Сигизмунд также участвовал в этих приготовлениях; его зять Альбрехт Австрийский обещал дать солдат. «Южночешский король» Ольдржих из Рожемберка за соответствующую мзду также согласился выступить против революционных сил. Затем последовал новый хорошо подготовленный шаг — переговоры с пражским Старым Местом, опорой консервативного бюргерства. Было достигнуто соглашение о сотрудничестве между дворянами-католиками и дворянами-чашниками, с одной стороны, и пражским Старым Местом — с другой, с той же единственной целью — уничтожить походные войска. Панское объединение, не раз терпевшее поражение от походных войск, весной 1434 года представляло собой мощную силу, опиравшуюся на помощь внешней реакции. Наоборот, походные войска под влиянием общего экономического положения, постепенного спада революционных настроений бюргерства, в результате измены некоторых гетманов, а также в результате потерь, понесенных в течение четырнадцати-

летних упорных боев, были слабее и неустойчивее, чем когда бы то ни было.

Май 1434 года стал месяцем решительной борьбы за судьбу революции. Панский союз намеревался уничтожить походные войска соединенным ударом у Пльзеня. Поэтому паны, сосредоточив наемные армии в восточной Чехии, направились к Пльзеню. Однако предварительно следовало закрепиться в Праге; поэтому 5 мая была занята Малая Страна, а 6 мая произошло нападение на пражское Новое Место, где Якуб Влк и его сторонники упорно отказывались признать изменническое соглашение с собором. Начались уличные бои. Новое Место оказалось не в состоянии противостоять превосходящим силам панского объединения. Прокоп Великий, Якуб Влк и их сторонники были вытеснены из города. Получив сообщение о занятии Нового Места, походные войска сняли осаду с Пльзеня и разошлись по своим базам: табориты пошли в южную, а «сироты» в восточную Чехию, решив собрать все наличные силы для предстоящего решительного боя с реакцией. Прокоп Великий был с походными войсками; он энергично готовился к новому сражению. Он понимал, какая опасность грозит революционному движению, он знал, что при создавшемся положении у походных войск было мало шансов на успех. Однако он сознавал и то, что чешский народ в своей справедливой борьбе за лучшую жизнь для всех простых людей должен идти до конца. Письмо Прокопа к руководителю «сиротских» войск Прокопу Малому ясно свидетельствует о его решимости отдать свою жизнь за счастье народа. За четырнадцать дней до Липан Прокоп Великий писал: «Ибо ведь лучше нам умереть, чем не отомстить за предательски пролитую невинную кровь милых братьев наших. Бог да пребудет с вами, знайте, что он, наказав своих верных, потом утешает их»⁴. Исполненные веры походные войска собрались в конце мая 1434 года в средней Чехии; у Липан (в районе Ческого Брода) они встретились с наемными войсками панского союза.

Таким образом, в сердце Чехии лицом к лицу столкнулись два чешских войска, превосходно знакомые с гуситской боевой тактикой. В лагере панского объединения, которое занимало менее выгодные стратегические позиции, находились войска чешских феодалов и отряды горожан (прежде всего Пльзеня и Праги). Согласно обще-

му мнению хронистов, численный перевес был на стороне панских войск. Ядром армии, находившейся под руководством Прокопа Великого, были походные войска. Правда, эти войска пользовались поддержкой ряда городов таборитского и «сиротского» городских союзов, однако помощь им была далеко недостаточной. Некоторые современные хронисты (например, Бартошек из Дражениц и так называемый Старый коллегият) называют города, пославшие свои отряды на помощь походным войскам, однако их свидетельства объясняются желанием доказать, что только с помощью божьей панский союз победил столь многочисленных врагов. На самом деле походные войска численно сильно уступали католическим, они были уже далеко не так многочисленны, как во времена «прекрасных походов», организованных Прокопом. Поведение городов на ноябрьском сейме 1433 года в Праге, их действия во время битвы у Липан свидетельствуют о том, что они если не отошли полностью от походных войск, то, по крайней мере, проявили полное равнодушие к их судьбе. Кроме того, одной из причин поражения войска Прокопа была прямая измена гетмана Чапека из Сан.

Битву начал панский союз, бросивший свою пехоту и артиллерию против созданного походными войсками заграждения из телег. Однако это была только ложная атака, имевшая целью выманить «божьих бойцов» из-за их укреплений. Хитрость удалась. Атакующие войска подошли на расстояние выстрела к укреплениям Прокопа и притворно обратились в бегство, что побудило походные войска перейти в наступление. Однако, как только таборитско-«сиротская» пехота вышла из-за ограды, ей во фланг ударила панская конница, скрывавшаяся в засаде. Прокоп Великий, чтобы предотвратить катастрофу, дал распоряжение Чапеку из Сан поддержать пехоту конницей, которой тот командовал. Но Чапек вместо того, чтобы вступить в бой, покинул поле битвы и ушел в Колин, бросив «божьих бойцов» на произвол судьбы. Пехотинцы, отрезанные от заграждений, подверглись нападению с двух сторон, укрепления из телег были взяты, завязался жестокий рукопашный бой, продолжавшийся до вечера. Большинство таборитов и «сирот» погибло в этом бою. «Тут были побиты сильные бойцы, таборитский священник Прокоп Голый, и сиротский священник

Прокопек, и много других священников (священник Маркольт, священник Ян Буржич, Пешчек из Пльзенья и другие)»⁵. Только небольшой части удалось пробиться и спастись. В битве почти не брали пленных, а тех бойцов походных войск, которых все же взяли в плен, загнали в сараи и ночью сожгли. Так, после пятнадцатилетней упорной борьбы была уничтожена армия, служившая опорой революционного движения и внушавшая страх феодалам всего мира. То, чего не удавалось сделать столетичным крестоносным армиям, сделала внутренняя реакция — панский союз.

Старый летописец, сообщая о липанском поражении революционных сил, горестно восклицает: «Милый боже, как жалко этих чехов, мужественных бойцов за твой святой закон! Смилуйся над ними. Аминь»⁶. В стане реакции за рубежами Чехии известие о битве у Липан было встречено ликованием. В Нюрнберге патрициат и феодалы, узнав об этом событии от особого чрезвычайного посла, велели звонить в колокола, устроили процессию и торжественные богослужения. Церковники других европейских стран также ликовали по поводу разгрома походных войск; даже в Стокгольме служили благодарственную мессу за освобождение от призрака революции. В лагере всемирной реакции понимали, что битва у Липан была кровавым концом революционного движения, угрожавшего феодальному строю не только в «еретической Чехии», но и далеко за ее пределами.

Действительно, после поражения у Липан пламя революционного движения едва-едва только тлело. Лишь обломки некогда славных революционных армий собрались в декабре 1434 года на сейм в Таборе под руководством Яна Рогача из Дубы. Кроме Табора, в этом сейме участвовали Писек, Прахатице, Водняни, Градец Кралове, Двур Кралове, Часлав, Нимбурк, Млада Болеслав, Тржебич и Иванчице. То были жалкие остатки некогда столь могучих таборитско-«сиротских» городских союзов. Впрочем, и эти города не имели ни сил, ни желания продолжать борьбу. Характерно в этом отношении заявление таборитского бюргера кузнеца Шимона, высказавшего на этом сейме сомнение в том, можно ли вообще восстановить сильную армию: «Но то, что ты нам советуешь, — чтобы мы опять начали между собой борьбу, — это нам тяжело. Ибо от нас отошла община и прежде всего тру-

женики, которых мы обременили податями. И мелкие дворяне, кормящиеся войной, которые присоединились к нам, надеясь получить от нас дары и вольности, и те отошли от нас. Нас ненавидят. Против нас поднялось все христианство. Базельский собор собирает большие деньги и всячески старается нас уничтожить. И мы оттолкнули от себя почти всех бойцов, с помощью которых мы вели войны; трудовой народ, которого было много в нашем стане и который мы использовали, как хотели, и тот от нас ушел». Речь этого таборитского горожанина еще раз показывает позиции бюргерства в революционном движении. Таборитские политики тоже скептически относились к возможности дальнейшей революционной борьбы и считали ее безнадежной. Ян Рогач из Дубы, надевавшийся найти в Таборе прочную опору и продолжать борьбу за дело «божьих бойцов», был вынужден уйти в Градец Кралове. Остатки таборитских походных войск осенью 1435 года потерпели новое поражение у Кржеца (в районе Табора). Когда Рогач, находившийся в Градце Кралове, просил таборитов о помощи в борьбе против феодалов, собиравших силы для уничтожения этого последнего оплота революции, ему не только не оказали помощи, но и сообщили, что Табор полностью примирился с «рыжей шельмой» Сигизмундом. 25 января 1435 года Табор получил от Сигизмунда императорскую привилегию, золотую буллу, предоставлявшую горожанам Табора те же экономические преимущества и права, что и остальным королевским городам, и ряд других привилегий. В качестве «безмерной милости» жители Табора получили новый герб — вместо прежней красной чаши теперь на гербе Табора красовался «орел черный, двуглавый».

Перемена герба Табора — выразительный символ эволюции бюргерства от союза с революционными массами через двурушнические компромиссы к черной измене. Вспомним, что уже в 1426 году Микулаш Бискупец обратил внимание на ту опасность, которую таило в себе обогащение горожан Табора. Экономические интересы бюргерства заставляли его жаждать мира и порядка, которые обеспечили бы развитие ремесла и торговли. Ольдржих из Рожемберка писал жителям Табора, желая побудить их к заключению перемирия: «Ибо если некоторые из вас и наживаются на этой войне, большинству из вас она несет убыток, так как из-за этой войны они не

могут торговать...»⁷ Сами таборитские бюргеры так объяснили Ольдржиху, почему они отказались поддержать остатки походных войск, собиравшиеся под руководством Яна Рогача из Дубы, и примирились с императором Сигизмундом: «Мы ведь очень хотели бы, живя в мире, заниматься своей торговлей»⁸. Вот в чем следует искать причины отхода от революции не только Табора, но и остальных городов. Ради того, чтобы иметь возможность спокойно торговать и заниматься ремеслом, бюргеры готовы были изменить любимым союзникам.

В начале 1437 года в стране оставался только один город, в котором у власти находились революционные силы, — Градец Кралове. В Градце Кралове собрались те, кто стоял у колыбели революционного движения, — священник Амброж, организатор ухода в горы, и гетман Ян Рогач из Дубы — самые верные друзья Жижки. Но 3 марта 1437 года был утрачен и этот город — бюргерство организовало здесь реакционный заговор и изменнически впустило в город феодалов. При отступлении из Градца Кралове погиб священник Амброж, уцелел только Ян Рогач со своими верными соратниками. Это была последняя плотина, еще сдерживающая бушующие волны реакции.

После Липан панский союз снова начал переговоры с императором Сигизмундом и Базельским собором, закончившиеся предоставлением гуситам так называемых компактатов (1436 год). В компактатах католическая церковь в намеренно неопределенных выражениях признала в Чехии причащение под обоими видами. По поводу остальных трех пражских статей были даны только неясные обещания. Итак, чехи снова возвращались «в лоно католической церкви». Только причащением под обоими видами отличались они от остального христианства. Таков был жалкий результат компромиссной политики бюргерской оппозиции; последующие годы показали, что политика компромиссов может привести только к полному поражению. После установления мира и принятия компактатов, торжественно провозглашенных в Иглаве, были подготовлены условия и для возвращения в Чехию императора Сигизмунда.

В соглашении, которое было заключено с Сигизмундом, он сделал ряд уступок шляхте и отчасти горожанам. После этого он был избран чешским королем и

торжественно коронован в 1436 году. Первым делом Сигизмунда после коронации было потушить последнюю искру, которая могла бы вызвать снова пожар классовой борьбы.

Поэтому он собрал в 1437 году земское ополчение и двинулся против Яна Рогача из Дубы, который отказался признать чешским королем заклятого врага гуситов, ненавистного всему народу. Панское войско осадило замок Рогача Сион (у Кутной Горы); несмотря на то, что в замке оставалась всего лишь горсточка бойцов бывших походных войск и остатки польских отрядов, боровшихся рядом с гуситами, в результате мужественной обороны гарнизона осада продолжалась в течение нескольких недель. Но в конце концов превосходящие силы панских наемников штурмом взяли укрепления Сиона. Большая часть гарнизона была перебита, Ян Рогач со своими друзьями попал в плен: 9 сентября 1437 года Прага увидела мрачное зрелище. На староместской площади по приказу Сигизмунда была поставлена громадная виселица, на которой были повешены Ян Рогач и его шестьдесят товарищей. Выше всех был повешен сам полководец, — последний, кто держал в руках революционное знамя с красной чашей.

Этой казнью Сигизмунд дал понять всему чешскому народу, что борьба окончена и что он будет безжалостен со всеми, кто пойдет по стопам гуситов. Пражане, собравшиеся на староместской площади, знали, что со смертью Рогача погасла последняя искра надежды на уничтожение оков эксплуатации, на лучшую жизнь, на создание более справедливого общества! «И был великий плач в народе долгое время, и всегда люди плакали, когда о том упоминали, — так говорят старые люди»⁹.

Липаны и казнь Яна Рогача из Дубы — таков был кровавый конец гуситского революционного движения. Разгром походных войск у Липан окончательно решил вопрос о дальнейшей судьбе революционного движения. У Липан погибли тысячи бойцов и главные гуситские вожди, не было больше революционных армий, которые смогли бы продолжать борьбу. Если до 1434 года постоянные походные войска были могучей базой и оплотом революционного движения, то после Липан остались разрозненные мелкие отряды «божьих бойцов». Борьба Рогача была только трагическим отзвуком Липан, она сви-

детельствовала о том, что революционный народ готов до последней капли крови сражаться за те идеалы, которые выразили Ян Гус, таборитские священники и Ян Желивский и которые с оружием в руках защищали Ян Жижка и Прокоп Великий: за идеалы лучшего, более справедливого общественного строя. Однако войска панского объединения разгромили у Липан народную армию. Феодалный общественный строй сохранился, несмотря на сильнейшее потрясение, которое он испытал. Народ добился победы только через несколько столетий, после многовековой борьбы против угнетателей.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ЗНАЧЕНИЕ
ГУСИТСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

Гуситское революционное движение — наиболее резкое проявление классовой борьбы в эпоху феодализма вплоть до XV века — Гуситское движение согласно характеристике, данной ему Марксом и Энгельсом, является крестьянской войной. — Фридрих Энгельс о крестьянской войне в Германии как ранней стадии буржуазной революции. — Гуситское революционное движение как ранняя стадия буржуазной революции. — Гуситское революционное движение — могучее патриотическое движение. — Международный отзвук гуситства (Пикардия, Бамберг, Рейнская область, Магдебург, Словакия, Венгрия, Польша). — Мартин Лютер, Томас Мюнцер и Ульрих фон Гуттен о гуситстве. — Расцвет культуры в период гуситского революционного движения. — Распространение чешского языка. — Наступление бюргерства, крестьянства и бедноты Чехии на позиции немецкого патрициата и церковной знати. — Положение женщины в период гуситского революционного движения. — Захват панами церковного имущества как предпосылка роста панских латифундий. — Экономическое и политическое усиление низшего дворянства. — Приобретения городов оказались недостаточны для того, чтобы укрепить их позиции в будущей борьбе с феодалами. — Улучшение материального положения крепостных.

Гуситское революционное движение было самым мощным проявлением классовой борьбы в эпоху феодализма вплоть до XV века. Если мы сравним гуситское движение с классовыми боями в итальянских городах и во Фландрии, с Жакерией, с английской крестьянской войной и с цеховой борьбой в немецких городах, мы придем к выводу, что наиболее сильный удар нанесло феодальному строю гуситское революционное движение. Стоит вспомнить хотя бы таборитскую хилиастическую общность имущества — впервые в мировой истории табориты сделали попытку создать бесклассовое общество. Беднота в Таборе предприняла этот шаг, будучи политически еще очень незрелой и неорганизованной. И как бы ни были туманны их представления о бесклассовом обще-

стве — это мечты о новом, более справедливом общественном строе, осуществить который в силу закономерностей общественного развития может только пролетариат. Введение общности имущества, хилиастическая программа таборитских священников подрывали основы «вечного» феодального строя и рвали пути феодальной эксплуатации. Пражская беднота под руководством Яна Желивского, руководствуясь евангельскими текстами, также сделала попытку установить и упрочить власть народа, уничтожить прежние феодальные права и привилегии.

Гуситское революционное движение нанесло серьезный удар феодальному строю еще и потому, что результатом его была широкая секуляризация церковного имущества. Энгельс писал о задачах борьбы против церкви: «Прежде чем вступить в борьбу со светским феодализмом в каждой стране в отдельности, необходимо было разрушить эту его центральную священную организацию» *. И гуситы впервые в мировой истории выполнили эту историческую задачу. Они нанесли сокрушительный удар церкви, крупнейшему феодалу и опоре феодального строя. Гуситское революционное движение порвало золотые цепи, которыми Чехия была прикована к папской курии с ее ненасытными сборщиками и казначеями. Если в XV веке Чехия, в отличие от других стран, и прежде всего в отличие от Германии, не платила Риму всякого рода налогов и поборов, то это результат успешной борьбы гуситов против церковной иерархии. Господство церкви, господство папы в Чехии было сломлено. Это было сделано не только потому, что была проведена последовательная секуляризация церковного имущества, но и потому, что была пробита брешь в застывшей и неизменной, «вечной» католической догматике. Табориты и последователи Желивского в Праге исходили только из Библии и отвергали позднейшие авторитеты и догматы, что фактически означало призыв к индивидуальному толкованию «Священного писания» и обсуждению всех основных богословских проблем. Так называемое «Хебское суждение» — результат борьбы Прокопа Великого — пробило широкую брешь в системе церковных установлений, а тем самым и нанесло удар идеологии господствующего

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, Госполитиздат, М., 1948, т. II, стр. 93.

класса. Впервые в истории церковь устами церковных сановников согласилась на свободное обсуждение ряда важных вопросов. Если до сих пор все споры решались ссылкой на догмат, то теперь церковь была вынуждена разрешить гуситам индивидуальное, свободное толкование самого «Священного писания». Так гуситское революционное движение подорвало самые корни феодальной идеологии.

В лице гуситов против католической церкви, против крупнейших феодалов и патрициата выступила самая широкая по тому времени классовая коалиция. Ленинское положение о том, что революция невозможна без общенационального кризиса (захватывающего эксплуатируемых и эксплуататоров), блестяще подтверждается анализом гуситского революционного движения. Тот факт, что в стане гуситов оказалось панство и низшее дворянство, показывает, что источником революционного движения был тот всеобщий, общенациональный кризис, который переживало чешское общество в конце XIV и в начале XV веков. Этот кризис и вызвал к жизни движение, к которому присоединились как эксплуатируемые, так и часть эксплуататоров. Сплочению этих сил в единый блок — а наличие такого блока и сделало возможным широкий размах гуситского движения — помог тот факт, что у всех этих сил был общий враг — церковь, Сигизмунд, крестоносные войска и патрициат. Однако наличие опасности извне не могло ослабить надолго классовых противоречий; гуситское дворянство и богатое бюргерство вступили в движение неохотно, легко шли на компромисс и в конце концов изменили революции. Однако по отношению к тому периоду, когда под знаменами с чашей шла широкая коалиция классов, можно говорить об общенациональных интересах, об общенациональной борьбе.

Все это позволяет ответить на вопрос, почему гуситское революционное движение было, по тому времени, самой длительной и самой упорной схваткой с феодалами. Движение широких революционных масс, направленное против самих устоев феодального строя и привлекавшее на свою сторону большинство чешской нации, обуславливало длительность и упорный характер борьбы, которую внутренняя и международная реакция лишь с громадным напряжением сил, только после пятнадцати-летних боев смогла подавить.

Уже эти совершенно неопровержимые факты должны

поставить перед нами вопрос о том, каково место гуситского революционного движения в развитии всего человеческого общества, в истории революции. К. Маркс в своей статье «Революционная борьба в Венгрии» определил гуситское движение как национально-чешскую крестьянскую войну религиозного характера против немецкого дворянства и верховной власти германского императора *. Энгельс назвал гуситское революционное движение «крестьянской войной». «Революция 1525 г. была местным делом Германии, — пишет он о крестьянской войне в Германии. — Англичане, французы, чехи, венгры уже успели проделать свои крестьянские войны к тому моменту, когда немцы стали совершать свою» **. Однако следует уяснить себе, что понимали Маркс и Энгельс под «крестьянской войной». Означает ли «крестьянская война» — крестьянское восстание, возмущение крестьян? В своей работе «Крестьянская война в Германии» Ф. Энгельс несколько раз называет немецкую крестьянскую войну «революцией». В более поздней работе — во введении к английскому изданию работы «Развитие социализма от утопии к науке» (Лондон, 1892 год) — он указал, что немецкая крестьянская война стоит в одном ряду с английской и французской буржуазными революциями. «Великая борьба европейской буржуазии против феодализма дошла до высшего напряжения в трех крупных решающих битвах» *** — первой битвой была крестьянская война в Германии, второй — английская и третьей — французская буржуазные революции. Следовательно, Энгельс рассматривал немецкую крестьянскую войну как раннюю форму буржуазной революции, ее первую ступень. «Оригинальное явление: во всех трех великих буржуазных революциях [то есть в крестьянской войне в Германии, английской и французской революциях. — *И. М.*] боевой армией являются крестьяне. И именно крестьяне оказываются тем классом, который после завоеванной победы неизбежно разоряется в результате экономических последствий этой победы» ****.

---

* См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VII, стр. 275.

** Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М., 1952, стр. 109.

*** К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, Госполитиздат, М., 1948, т. II, стр. 94.

**** Там же, стр. 95.

Судя по этим высказываниям, Энгельс рассматривал крестьянскую войну в Германии не просто как крестьянское восстание, но как раннюю стадию, первую фазу буржуазной революции, когда крестьянство сражалось за интересы бюргерства, которое в конечном счете предало своего союзника. На протяжении всей работы «Крестьянская война в Германии» Энгельс приравнивает крестьянскую войну в Германии к буржуазным революциям (исходя из ее характера, а не из размаха движения). Он приравнивает крестьянскую войну к буржуазным революциям еще и потому, что в ходе этой войны в борьбу вступила беднота, предшественник пролетариата. «И в то время как горожане и дворянство еще продолжали между собою драку, немецкая крестьянская война пророчески указала на грядущие классовые битвы, ибо в ней на арену выступили не только восставшие крестьяне,— в этом уже не было ничего нового,— но за ними показались предшественники современного пролетариата с красным знаменем в руках и с требованием общности имущества на устах» *.

Можно ли в таком случае гуситское революционное движение рассматривать подобно крестьянской войне в духе гениальных характеристик Маркса и Энгельса — как раннюю стадию буржуазной революции — или же, может быть, его следует рассматривать просто как крестьянское восстание? Посмотрим, что было движущей силой гуситского революционного движения и что было его ведущей силой. Нет сомнений в том, что движущей силой были наиболее эксплуатируемые элементы чешского общества XV века — крестьянство и городская беднота. Уход в горы, деятельность Желивского в Праге, основание Табора — в целом все это результат вступления в борьбу крестьянства и городской бедноты. Это они начали гуситское революционное движение. Походные войска, объединявшие бедноту и крестьянство, на всем протяжении революционного движения высоко держали боевое знамя с красной чашей, именно они проливали кровь за четыре пражские статьи, за программу бюргерской оппозиции. В битве у Липан именно из рук крестьян и городских бедняков, вырвали знамя революции. Хотя в результате революционной борьбы был устранен крупнейший эксплуататор —

---

* Ф. Энгельс, Диалектика природы, М., 1952, стр. 3.

церковь, ее место заняли паны, рыцари и бюргеры, которые скоро в деле угнетения народа пошли по стопам своего предшественника — церкви.

Напротив, организатором, гегемоном, ведущей силой гуситского революционного движения была бюргерская оппозиция (то есть бюргерство и низшее дворянство), если не считать 1420 года, когда ведущую роль в Таборе играла беднота, которая начала проводить в жизнь принцип общности имущества. Программа бюргерской оппозиции, изложенная в четырех пражских статьях, была направлена против феодализма, тем не менее бюргерство не ставило своей целью ликвидацию феодализма, ему нужно было только реформировать феодальный строй, заняв в нем более прочные позиции. Тем не менее, не следует забывать, что четыре статьи (в особенности третья и четвертая) были направлены против церкви, то есть против самого крупного феодала. Реформаторская программа бюргерской оппозиции приобретала революционный характер, поскольку движущей силой гуситского революционного движения были городская беднота и крестьянство, имевшие все основания быть недовольными феодальным порядком, который, согласно учению церкви, был установлен самим богом. Энгельс в «Крестьянской войне в Германии» с едкой иронией характеризует политическую концепцию склонной к компромиссу и утилитаризму бюргерской оппозиции: «Мы ниже увидим, что эта «умеренная», «стоящая на почве закона», «весьма обеспеченная» и «интеллигентная» оппозиция играла в движении XVI века точно такую же роль и с точно таким же успехом, как и ее наследница, конституционная партия, в движении 1848 и 1849 годов» *. Таким образом, Энгельс проводит прямую аналогию между бюргерской оппозицией периода крестьянской войны в Германии и немецкой буржуазией, указывая, что стремление к компромиссу, политической спекуляции и двурушничеству является отличительной чертой бюргерства с первых его шагов на исторической сцене. Отношение буржуазии к революции носило тот же характер. «Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оста-

---

* Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М., 1952, стр. 28.

вила некоторые из них, т. е. чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна»*. Стоит проследить позицию гуситской бюргерской оппозиции по отношению к революционным силам, которые в конечном счете отстаивали ее же требования, чтобы понять, что эта позиция совершенно идентична позиции буржуазии. Вспомним все попытки создания панского союза, в котором бюргерство играло ведущую роль — с начала революционного движения до самых Липан, когда пражские бюргеры открыто встали во главе контрреволюционных сил. Политическая позиция бюргерства, этой ведущей силы гуситского революционного движения, во многих отношениях тождественна позиции буржуазии во время буржуазных революций. Несмотря на то, что с самого начала бюргерство выступало в качестве организатора революционного движения (сосредоточение движения в пяти городах, городские союзы!), оно не хотело предоставить «божьим бойцам» полную свободу в борьбе с феодалами, намереваясь использовать революционную энергию широких народных масс для осуществления своих ограниченных и половинчатых классовых требований. Мера революционности этих требований зависела от экономической зрелости бюргерства. Конечно, нельзя говорить о существовании в тот период капиталистических отношений. Самое большее, о чем можно говорить, это о создании предпосылок для этих отношений в виде производства товаров для пражского рынка, развития денежного обращения и накопления торгового капитала. Для развития ремесла, не выходящего за рамки цеховых ограничений, феодальный строй не был препятствием, которое во что бы то ни стало нужно ликвидировать, — он нуждался только в исправлении. Поэтому и программа горожан в гуситском революционном движении значительно уступает программе буржуазных революций (английской и французской) и довольно близка программе бюргерской оппозиции в Германии в период крестьянской войны. Впрочем, эти требования вырастают из одного общего корня — революционного сопротивления феодализму.

Итак, гуситское революционное движение нужно считать крестьянской войной в том смысле, как ее понима-

---

* В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 34

ют Маркс и Энгельс,— ранней ступенью буржуазной революции. Гуситское революционное движение впервые в истории человечества осуществило требование полной секуляризации церковного имущества, нанесло решительный удар церкви и тем самым облегчило последующему революционному движению успешный штурм феодализма. Таким образом, в нем имеются основные предпосылки для развития в дальнейшем буржуазных революций. Организатором, ведущей силой гуситского революционного движения была бюргерская оппозиция. Бюргерство совершенно ясно предъявило свои требования к существующему общественному строю и старалось использовать революционное движение масс для осуществления этих требований. И хотя четыре пражские статьи нельзя квалифицировать как революционную программу, однако в ходе движения они превратились в революционные лозунги и сыграли революционную роль. В гуситском революционном движении бюргерство занимало ту же политическую позицию, что и буржуазия в период буржуазных революций, возглавив борьбу крестьянства и городской бедноты. К той роли, которую играло в гуситском движении крестьянство, применимо высказывание Энгельса относительно роли крестьян в буржуазной революции: они сражались до последней капли крови, и именно на них обрушилась вся тяжесть удара, потому что в решающий момент их оставили ни с чем. В гуситском революционном движении беднота выступает как предшественница пролетариата, она борется за полную ликвидацию всех форм эксплуатации, за установление бесклассового общества. Все эти факты позволяют утверждать, что гуситское революционное движение было крестьянской войной, то есть ранней ступенью буржуазной революции.

В ходе настоящего изложения я сознательно употреблял термин «революционное движение», а не «революция», чтобы яснее показать отличие этих терминов, определяющих различные этапы в развитии буржуазной революции. Обычно употребляемый термин «гуситская революция», безусловно, правилен, поскольку он расценивает гуситство как раннюю ступень буржуазной революции, но неправильно было бы считать «гуситскую революцию» революцией буржуазной. Итак, гуситское революционное движение стоит в одном ряду с крестьян-

ской войной в Германии и является одним из важных звеньев в цепи развития буржуазных революций. В этом и состоит главное значение гуситского революционного движения.

Именно потому, что гуситское революционное движение как ранняя ступень буржуазной революции было жестокой классовой схваткой эксплуатируемых и эксплуататоров, оно стало великим чешским патриотическим движением. Именно в период крестовых походов борьба чешского народа против иноземцев приняла патриотическую форму освободительной борьбы. Клемент Готвальд в радиопередаче из Москвы в 1942 году особо подчеркнул эту сторону гуситского революционного движения, сравнивая его с героическим сопротивлением чехословацкого народа нацистским оккупантам. «Сегодня мы уделяем особое внимание движению гуситов, носителей славных национальных традиций, участников победоносной национально-освободительной войны. Эта сторона гуситского движения так актуальна потому, что чешский народ снова стоит перед исторической необходимостью с оружием в руках подняться на национально-освободительную борьбу. Немецкие империалисты, предпринявшие новую попытку уничтожить чешскую нацию,— это потомки тех же немецких крестоносцев, которые в XV веке почувствовали силу чешского оружия»¹. Во время собирания революционных сил весной 1419 года и затем в 1420 году фактически впервые в истории Чехии в осажденной Праге с разных концов нашей страны собрался народ для общей борьбы ради общей цели. Несомненно, что в ходе концентрации революционных сил росло национальное самосознание чешского народа. Со времени гуситского революционного движения вплоть до XIX века Чехия не знала подобной сплоченности народных масс. Чешский патриотизм нашел животворную почву в рядах бойцов за справедливое устройство общества. Это чувство породило пламенные патриотические призывы к пражанам в то время, когда на Чехию в первый раз двигались крестоносцы, оно заставило Жижку говорить о патриотическом значении борьбы против иноземцев, оно же вызвало в чехах гордую уверенность, что на них почит особая милость божья, которая позволила Чехии ранее других стран узнать четыре статьи. Однако этому патриотическому чувству, тесно переплетавшемуся

с чувством протеста против эксплуатации, были совершенно чужды какая-либо предвзятость или представление о национальной исключительности. Уже Ян Гус торжественно заявлял, что для него гораздо дороже справедливый чужеземец, чем исполненный пороков чех. Любовь к справедливости — то есть к справедливому общественному устройству — была для гуситов решающим критерием для суждения о друзьях и врагах. Поэтому, например, Ян Желивский, изгонявший из Праги немецких патрициев, вместе с тем позаботился о том, чтобы один пражский костел был оставлен для проповедей немецкого священника, толковавшего «Священное писание» немцам — мелким ремесленникам и бедноте. И в Таборе среди чешских «божьих бойцов» мы встречаем немецких батраков, слуг и челядь, ушедших от своих господ, чтобы вместе с гуситами сражаться против общего врага.

И именно потому, что гуситское революционное движение, нанесшее тяжелый удар феодальному строю, подняло чешский народ также на патриотическую борьбу, оно нашло широкий отзвук за границей. Резонанс пражских манифестов, борьба Жиля Мерсо в Пикардии, воздействие «прекрасных походов», восстание бедноты в Бамберге, волнения крестьян Рейнской области, восстание бедноты в Магдебурге, отзвуки гуситского революционного движения в Словакии, борьба против феодалов венгерского, румынского и немецкого крестьянства, выступившего под знаменем гуситов на горе Бобыльне в 1437 году, успехи гуситов в Великой Польше — все это свидетельствует о громадном международном значении гуситского революционного движения. Не только для нашего трудового народа, но и для эксплуатируемых далеко за пределами Чехии красная гуситская чаша была символом борьбы. Не случайно немецкая реформация, первая решающая битва буржуазии против феодализма*, была связана с традициями гуситского революционного движения. Общеизвестно, что в первый — радикальный — период своей деятельности Мартин Лютер публично объявил себя приверженцем Яна Гуса и выступил в защиту чешских гуситов: «Сейчас самая пора нам выступить со всей серьезностью и справедливостью в за-

---

* См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, Госполитиздат, М., 1952, т. II, стр. 94.

щиту чехов и помириться с ними, чтобы наконец прекратились страшные обвинения и ненависть с обеих сторон»². Глава революционной партии в немецкой крестьянской войне Томас Мюнцер в 1521 году посетил Прагу, место деятельности Гуса, желая разыскать потомков гуситов, чтобы вместе с ними вести революционную борьбу. В знаменитом пражском заявлении, в котором Мюнцер обращался к городу «дорогого и святого бойца» Яна Гуса, он предсказал, что Прага снова встанет во главе всего мира: «Как только тут будет введена новая церковь, этот народ станет зеркалом всего мира». Из Чехии, этого источника революции, она должна будет распространиться на окружающие страны: «...потому что в вашей стране наступит новая апостольская церковь, а затем — повсюду»³. Благодаря монографии советского ученого М. М. Смирин⁴ мы знаем, что революционное учение Мюнцера опиралось на таборитские хилиастические идеи. Даже «теоретический представитель немецкого дворянства»*, выступившего в 1522 году против имперских князей и церковной иерархии, Ульрих фон Гуттен, поднял голос в защиту гуситов. Гуттен особенно высоко ценил Жижку, негибаемого борца против церковной знати. «А чтобы ты видел, что не все противники священников были неудачниками, я назову тебе одного из многих, чеха Жижку, непобедимого вождя жестокой и долгой войны против священников. Чего нехватает ему для славы величайшего полководца? Разве он не прославился тем, что освободил родину от тирании, что выгнал из всей Чехии никчемных людей, праздных священников и ленивых монахов? Что возвратил их имения либо наследникам тех, которые их подарили, либо в общественное имущество? Что закрыл страну для злоупотреблений Рима и папского грабежа? Что доблестно отомстил за мученическую смерть святого мужа Гуса? И что, делая все это, не искал наживы и не обогащался? И тем не менее ему постоянно сопутствовало счастье, пока он не окончил жизнь свою к великому горю соотечественников, которым перед смертью он дал спасительные наставления»⁵.

Тесная связь немецкой реформации и крестьянской войны с гуситством не только является свидетельством

---

* Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М., 1952, стр. 67.

международного значения гуситского революционного движения, но и дает новое подтверждение того, что гуситское революционное движение носит тот же классовый характер, что и крестьянская война в Германии.

Гуситское движение имело громадное значение и в том отношении, что в ходе его чешская культура приняла народный характер. Если до сих пор искусство и его произведения были доступны только церковным и светским феодалам, гуситское революционное движение широко распахнуло двери к искусству перед всем народом. Это сказывается, в частности, в том, что широкие народные массы получили возможность познакомиться со «Священным писанием». Вплоть до XIV века латинская библия была практически недоступна простому народу, не знакомому вообще с грамотой, а не только с латынью. Первые чешские переводы библии в начале XV века вызвали массовое распространение этой книги. Таборитские священники не только читали и толковали «Священное писание» простому народу, но и обучали мирян — простых ремесленников, делая из них проповедников. В одной из многочисленных католических сатир, направленных против гуситов, эта деятельность расценивается как еретическая дерзость.

Священники же вашей веры,
Обманывают вас без меры
И превратили в проповедников
Портных, сапожников, каретников,
И оружейников, и гончаров,
Кожевников и бочаров,
И шорников, и пекарей,
И пастухов, и слесарей,
И мясников, и мельников,
И всех других ремесленников,
Всех наравне — мужчин и женщин⁵.

Люди, до того обреченные на невежество, научились читать и писать, равно как понимать и толковать «Священное писание». Эней Сильвий Пикколомини, будущий Пий II, закоренелый враг гуситов, был вынужден написать в 1451 году, когда он посетил Табор: «С ними пришли ученики и многие горожане, знающие латинский язык; ибо это вероломное человеческое племя имеет то единственное хорошее свойство, что оно любит образова-

ние»⁷. Высокая оценка культуры гуситов в устах Пикколомини — ясное свидетельство громадных культурных достижений чешского народа. Впрочем, богатая гуситская литература (главным образом сатира и стихи), по тематике столь близкая простому читателю, уже сама по себе является убедительнейшим свидетельством того, насколько высока была гуситская культура.

В период столь мощного роста творческой инициативы масс значительное развитие получил чешский язык, который обогатился новыми выражениями и оказался прекрасно приспособленным для развития гуситского искусства и науки. Вспомним в этой связи чешский язык Томаша Штитного, о котором К. Маркс говорит: «*Чешский народный язык* был в то время более развитым, чем немецкий, как это явствует из писаний *Фомы Штитного* и др.»*. В сочинениях Гуса, проведшего реформу православия, чешский язык достиг вершин своего развития. В Таборе чешский язык широко употреблялся при богослужении, при чтении и толковании библии, также переведенной на чешский язык. Таборитские трактаты об евхаристии, то есть о «таинстве причащения», написанные по-чешски, свидетельствуют о том, что этот язык был уже прекрасно приспособлен к тому, чтобы выражать самые сложные теологические понятия. Значение чешского языка, столь обогатившегося и развившегося в период гуситского движения, выходило за пределы Чехии. Известны, например, письма литовского князя Свидригайло Сигизмунду Корибутовичу, написанные на чешском языке (они относятся к 1431 году); в Польше в XV веке чешский язык стал языком дипломатическим. Могущественный венгерский король Матвей Корвин во второй половине XV века в переписке с немецким патрициатом Иглавы прибегал к чешскому языку. Городские книги догуситского периода, написанные по-латыни или по-немецки, утратили свой ненациональный характер и писались по-чешски. На чешском языке можно было выражать самые сложные правовые понятия. Если в догуситский период чешский язык редко употреблялся в документах и в письмах, то в период гуситского революционного движения он в этой области вытеснил латынь. Распространение чеш-

---

* К. Маркс, Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, М., 1939, т. VI, стр. 213.

ского языка во всех областях культурной, политической и правовой жизни Чехии говорит о наступлении чешского бюргерства, крестьянства и бедноты на позиции немецкого патрициата и церкви. В ходе движения главные города стали чешскими, в ратуше стали заседать представители чешского большинства, до того подчиненного немецкому патрициату. Не случайно, что те города, где у власти находились гуситы, дольше всего оставались твердыней гуситского движения, а те города, в которых позиции патрициата не были ослаблены, сохранили сильное немецкое меньшинство (например, Ческе Будеёвице, Иглава, Оломоуц, Брно).

Современные католические противники гуситов, а вслед за ними и реакционные историки (и прежде всего Йосеф Пекарж) неустанно твердят о «культурном варварстве» гуситов, которые, сжигая церкви и монастыри, уничтожали культурные ценности — статуи, иконы, книги и т. д. Правда, табориты совершенно сознательно уничтожали все, что было связано с феодалами и напоминало о них. Совершенно очевидно, что гуситы, стремившиеся окончательно ликвидировать старый строй, не могли оставить в неприкосновенности то, что прямо служило целям эксплуатации. Уничтожение икон и статуй, разрушение церквей и монастырей — все это было выражением борьбы за возврат к бедной раннехристианской церкви. Однако, разрушая культуру, служащую феодалам, гуситы хотели на ее месте создать культуру, служащую всему народу и близкую ему. Гуситы не вели борьбы против искусства вообще, они отвергали только феодальное искусство, называя его языческим; свидетельством тому библия Филиппа из Падержова. Филипп из Падержова, один из таборитских гетманов, крестьянин по происхождению, в тридцатых годах XV века велел пышно украсить чешскую библию, его неизменную спутницу во всех походах. Эта библия — драгоценный образец изобразительного искусства, свидетельство любви и уважения к нему простых таборитов. До нас дошли сведения о начитанности участников чешской делегации в Базеле, об их любви к чтению, что, как мы знаем, произвело столь сильное впечатление на собравшихся в Базеле богословов. Даже слуги, сопровождавшие чешскую делегацию в Базель, получая у крестьян фураж, объясняли им основы гуситской программы, давая таким образом новое

свидетельство высокого культурного уровня гуситов, впервые в истории Чехии сделавших культуру достоянием широких народных масс. Особенно высоко стояло у гуситов искусство пения, в высшей степени распространенное в этот период, — широкие массы верующих принимали прямое участие в богослужении, а не были, как раньше, лишь пассивными свидетелями таинственных и непонятных для них обрядов. Высокого развития достигла у гуситов и светская песня, как это показал Зденек Неедлы⁸. Изучаемый период был переломным в развитии музыкального искусства Чехии. Основная тема гуситских песен — это стремление к более нравственной, прекрасной и справедливой жизни всего народа.

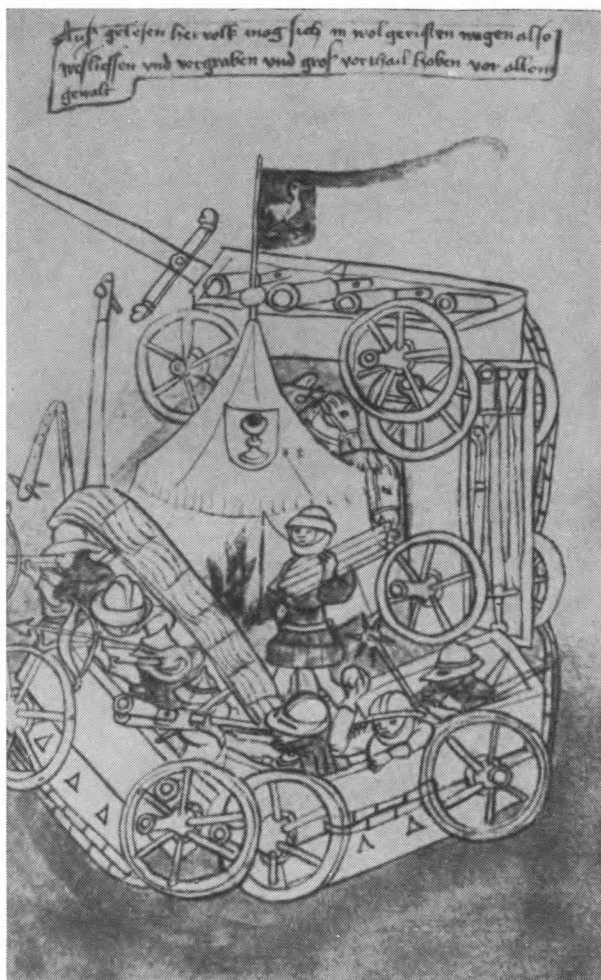
В период гуситского революционного движения существенно изменилось и положение женщины. Если католические рифмоплеты и ученые говорили о женщинах как о неполноценных существах и «сосудах дьявола», гуситы поставили женщину наравне с мужчиной. Таборитские и пражские женщины принимали участие в оборонных работах, сражались в войсках, выступали с кафедр и вели людей на борьбу. В выступлениях хилиастических проповедников совершенно ясно звучало требование предоставить женам право уходить от их мужей. «И также из супругов любой может без разрешения другого уйти в горы или бежать в указанные пять городов, бросив детей и все остальное»⁹. Не случайно таборитский епископ Микулаш Бискупец на Базельском соборе ожесточенно спорил с церковниками по вопросу о проституции. Представитель собора, французский теолог Шарлье, защищал мнение святого Августина: «Убери блудницу из общины и ты всех ввергнешь в смятение страсти»¹⁰ и старался оправдать существование проституток. Однако Бискупец, исходя из гуситских воззрений, убедительно показывал, что проституция пагубна для нравственности.

Гуситы вели борьбу против любого проявления изнеженности, любви к роскоши, аморальности. Гуситские священники требовали, чтобы жизнь была основана на библейских образцах, отвергали азартные игры, пьянство и разврат. Они заявляли, что роскошь, драгоценности — все то великолепие, которое окружает эксплуататоров, является прямым источником зла. Во время сражений беднота уничтожала драгоценности панов, их украшения и т. п. (например, при взятии новоместской ратуши,

Страница Библии, принадлежащей таборитскому гетману Филиппу из Падержова

Гуситская ограда из повозок (цветной рисунок из немецкой рукописи около 1450 года).

крепости Седлец и замка Раби). Во всех таборитских призывах центральным мотивом был отказ от роскоши. Аскетизм гуситов связан с общими тенденциями бедноты, на которые указал Ф. Энгельс в «Крестьянской войне в Германии»: «Уже здесь, у этого первого предшественника движения, мы находим тот аскетизм, который мы обнаруживаем во всех средневековых восстаниях, носивших религиозную окраску, и в новейшее время на начальной стадии каждого пролетарского движения. Эта аскетическая строгость нравов, это требование отказа от всех удовольствий и радостей жизни, с одной стороны, означает выдвигание против господствующих классов принципа спартанского равенства, а с другой — является необходимой переходной ступенью, без которой низший слой общества никогда не может прийти в движение. Для того чтобы развить свою революционную энергию, чтобы самому осознать свое враждебное положение по отношению ко всем остальным общественным элементам, чтобы объединиться как класс, низший слой должен начать с отказа от всего того, что еще может примирить его с существующим общественным строем, отречься от тех немногих наслаждений, которые минутами еще делают сносным его угнетенное существование и которых не может лишиться его даже самый суровый гнет» *. Все эти черты мы найдем как в проповедях таборитских священников, так и у других представителей подлинно революционного крыла движения.

Поражение революционной армии у Липан знаменовало кровавую расправу с движением. В результате гуситского революционного движения паны, захватив громадную добычу — церковное имущество, создали обширные территориально компактные латифундии, ставшие для них мощной опорой в их дальнейшей борьбе с бюргерством. Паны захватили церковные земли независимо от того, прикидывались ли они приверженцами гуситов или в качестве «верных сынов церкви» брали монастырские имения и драгоценности «под охрану». Сверх того, католическое панство получило многочисленные дары от императора Сигизмунда, для которого дарения были единственным средством добиться повиновения высшей

---

* Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполит издат, М., 1952, стр. 51—52.

шляхты. Долгое «бескорольевье» в период гуситского революционного движения благоприятствовало панам, стремившимся разорвать Чешское королевство на самостоятельные феодальные владения, где они могли бы стать полновластными государями. Усиление панства в ущерб не только церкви, но и королю имело своим результатом период долголетних ожесточенных феодальных усобиц (1439—1458 годы).

Низшее дворянство также укрепило свое положение путем захвата церковного имущества. Если до сих пор представители низшего дворянства имели доступ только в королевский совет (да и то против воли панства), то в ходе гуситского революционного движения оно получило право заседать вместе с панами в общечешском сейме и в земском суде. Экономическое и политическое усиление низшего дворянства было тем фактором, который на полстолетия задержал кризис, вызванный ростом панских доменов. Однако эта отсрочка не могла быть продолжительной, потому что мощь панства неуклонно росла; в конце XIV века и в XV веке паны уничтожили все те частичные завоевания, которых удалось добиться низшему дворянству.

Бюргерство в период гуситского революционного движения, несомненно, укрепило свои позиции прежде всего в городах. Была ликвидирована рента и проведена конфискация церковного имущества. Вместо немногочисленного патрициата у власти в городах стала «великая община», то есть совокупность имущих и полноправных жителей (беднота в их число, разумеется, не входила). Все эти завоевания, хотя они и удовлетворили бюргерство, не способствовали, однако, существенному укреплению его позиций по отношению к феодалам. Несмотря на то, что с 1421 года горожане заседали в сейме в качестве одного из сословий, несмотря на то, что в их руки перешли некоторые общечешские должности (например, должность подкомория королевских городов), их компромиссная, робкая политика, неспособность на решительную борьбу против феодализма в дальнейшем способствовали их поражению. В конце XV века города лишились своего союзника в борьбе с феодалами — крестьянства. В результате гуситского революционного движения города захватили большое количество земель; прибыли, получаемые горожанами в результате их пред-

принимательской деятельности, они помещали в «имения страны». Все это (и особенно последнее) превращало города в сеньеров, на земле которых работало множество крепостных (например, город Табор в начале XVI века имел больше 130 крепостных деревень, Лоуни в середине XV века — 25 деревень и т. д.). Эти города-сеньеры, разумеется, отнюдь не были склонны действовать в союзе с эксплуатируемыми.

«Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, — писал Ф. Энгельс о роли королевской власти на этой ступени развития, — тяготели к королевской власти, точно так же как королевская власть тяготела к ним»*. Города, экономически недостаточно развитые (ремесло, в сущности, не выходило за рамки цеховых ограничений и местного рынка), не могли оказать достаточной поддержки королевской власти, что ослабляло позиции последней. Это, в свою очередь, позволяло панству усилить свой натиск на города. Начавшийся после Липан период феодальных раздоров и феодальной политической раздробленности, в которой было заинтересовано панство, ослабил города и способствовал их окончательному поражению. Следовательно, приобретения городов были только относительными и временными, а продолжающееся единоборство с панством вело не к уничтожению феодализма, а, наоборот, к его укреплению. В Чехии начинался процесс так называемого «вторичного закрепощения».

Крестьянство и городская беднота в результате гуситского революционного движения получили лишь самые незначительные материальные приобретения. Только благодаря уничтожению паразитического аппарата церкви простой верующий был частично освобожден от налогов, платежей десятин и податей — всех тех поборов, которые стекались в церковную казну. Однако вся тяжесть основных форм эксплуатации — оброка, барщины, различных видов повинностей, фиксированных «законом» после липанского поражения, — была снова взвалена на спину крепостного. Буржуазные историки, и прежде всего Пекарж, старались доказать, будто бы гуситское револю-

---

* Ф. Энгельс, О разложении феодализма и возникновении национальных государств. См. Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М., 1952, стр. 158.

ционное движение ухудшило положение крепостных. Высказывались мнения, что не будь революции, положение крестьянства существенно улучшилось бы и что революция, следовательно, была шагом назад. Истинный смысл этого утверждения ясен. Оно имело целью доказать трудовому народу на «ужасном» примере гуситского революционного движения, что каждая революция, каждое вооруженное выступление приводит к снижению жизненного уровня трудящихся. Однако в действительности только в конце гуситского революционного движения, после Липан, крестьянство и беднота были отброшены приблизительно в те же условия, в каких они жили в предгуситский период. Таким образом, положение народа ухудшилось вследствие победы реакции. Рост могущества панства после Липан привел к тому, что феодальные повинности были снова увеличены; богатства феодалов росли по мере все большего и большего обнищания угнетенных.

Утверждение о том, будто бы гуситское революционное движение, подобно смерчу, смело множество деревень и, подобно пожару, выжгло крестьянские поля, превратив в пустыню некогда цветущие области, не соответствует действительности. Детальные исследования причин исчезновения многих деревень свидетельствуют, что эти исчезновения произошли вовсе не по вине гуситов, а в результате первоначального накопления, жертвой которого в XV и XVI веках стали не только отдельные держатели наделов, но и целые деревни (при объединении и округлении латифундий, при расширении пастбищ для овец, при создании прудов для рыбной ловли). Но хотя крестьянство и городская беднота не добились существенного улучшения своего материального положения, они дали великий урок многим поколениям. Революционные массы, поднявшиеся на героическую борьбу, те великие революционеры, которые шли во главе гуситского революционного движения, показали всему народу, что только в результате неуклонной классовой борьбы с эксплуататорами может быть создано общество, основанное на справедливости. Гуситское революционное движение стало источником наших революционных традиций.

ГУСИТСКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ —
ИСТОЧНИК НАРОДНЫХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ТРАДИЦИЙ

Гуситское революционное движение послужило образцом и примером для трудящихся нашей страны, вдохновляло их в их вековой борьбе с эксплуататорами. В течение столетий красная чаша гуситских революционных знамен звала эксплуатируемых на борьбу. Красной нитью проходят через историю Чехии гуситские традиции, в которых черпали силу прогрессивные элементы и которые вызвали бешеную ярость реакционеров.

Чешские горожане XV века не забывали о национальных, патриотических принципах гуситства. Напоминанием о героизме гуситов звучало «Письмо старых чехов, подлинно любящих истину христову и чешский язык и их защищающих»¹. Этот документ был написан в 1469 году, когда на Чехию снова нахлынули крестоносные армии и когда чешский народ под руководством Иржи Падебрада оборонялся от захватчиков-крестоносцев и нового («Зеленогорского») панского объединения. «В те годы, — говорится в «Письме», — вторгся в Чехию жестокий враг истины христовой, император Сигизмунд, тот, кто держал в своей мощной руке все соседние страны. И вел он бесчисленное войско, конное и пешее, он уповал на свою мощь и не сомневался в победе; тогда горсточка верных чехов со славной памяти братом Жижкой, безоружных и нагих, одетых только верой христовой и усиленных небесной помощью и святой кровью христовой, прогнала эти многочисленные войска и нанесла им поражение... О превосходный народ чешский, о доблестный чешский народ, о народ воинственный, не теряй же напрасно — так легко и так беззаботно — великие дары божьи, но поднимись вместе с нами, помоги нам защищать и отстаивать истину христову!»² Этот пламенный мани-

фест, поднимавший чешский народ на отечественную войну против крестоносцев, основывается непосредственно на гуситских традициях. Пример гуситских «божьих бойцов» укреплял боевой дух чешского народа, придавал ему мужество.

С этим революционным пониманием гуситской традиции в XV веке не имеет ничего общего культ гуситства в официальной уtrakвистской церкви, старавшейся лишить гуситскую традицию ее революционного содержания. С той же точки зрения, то есть расценивая гуситство только как движение религиозно-реформационное, подходила к гуситской традиции протестантская церковь XVI века. Это была совершенно сознательная попытка извратить революционный смысл гуситской традиции.

Свою связь с гуситским революционным движением признала с самого своего возникновения и община «чешских братьев», куда входили представители крестьянства, проявлявшие таким образом свою тайную ненависть к феодальному порядку. Ян Благослав и Ян Амос Коменский, выдающиеся представители общины, с неизменной симпатией отзываються о выдающихся деятелях гуситского революционного движения, и притом не только о Яне Гусе, но и о самых революционных проповедниках-хилиастах. У Коменского, в его «Истории тяжелых обид, нанесенных чешской церкви»³, мы в числе мучеников находим имя Мартина Гуски; а Тума Пржелоучский вспоминает о «клокотских мучениках». И то, что при самом своем возникновении община «чешских братьев» под покровом еретических воззрений таила идеи классовой борьбы, свидетельствует рассказ, содержащийся в «Истории» Благослава. Несколько человек, вышедших из общины, послали письмо королю Владиславу Ягеллончику (1471—1516 годы), заявив, будто бы «чешские братья» часто говорят о мести, то есть среди них растет возмущение против властей. Король ответил на это: «Уж не хотят ли они следовать примеру Жижки [буквально «жижковать». — *Ред.*]; мы обратим на это внимание и не допустим этого»⁴, после чего он отдал приказ беспощадно преследовать братьев. На основании этого приказа пан Швамберг сжег в Боре шесть приверженцев общины. Характерно, что король прямо связывает попытку «чешских братьев» развязать войну против феодалов с движением гуситов. «Жижковать» — значило

подобно народным революционным борцам с оружием в руках идти на борьбу против угнетателей.

В тот период, когда начиналась новая страница трагической истории Чехии, накануне Белой Горы *, пример гуситов указывал чешскому народу путь вперед, укреплял его и побуждал к борьбе. Народная песня «Поднимайтесь, чехи, поднимайтесь», относящаяся к началу XVII века, вновь заставляет вспоминать о светлых днях истории Чехии:

Где Жижка? Хищникам он сможет
Своею палицей прибить сутаны к коже,
Прошел уж слух — восстанет он из праха,
Нагонит сразу он монахам страху.
Они опять у нас берлоги завели,
Забыв, как с нашей их земли
Ян Жижка гнал, подобно псам,
Ведь их принес нам дьявол сам⁵.

Но напрасно песня била тревогу, напрасно кляла иезуитов, появление которых в Чехии знаменовало усиление феодальной реакции. Кормчие чешской политики, паны, думали только о том, как набить карманы, насколько не заботясь об интересах чешского народа, который они презирали. Они могли привести Чехию только к Белой Горе. Победители при Белой Горе во главе с Фердинандом II начали поход против чешского народа, против всего, что только напоминало о революционном движении. Они боялись этого движения, которое могло бы подорвать установленный в Чехии режим угнетения (усиленный теми конфискациями имений чешского дворянства, которые осуществили завоеватели). Иезуиты — это орудие габсбургской реакции — взяли на себя задачу уничтожить в чешском народе всякое воспоминание о гуситском революционном движении. Уже в 1623 году было дано распоряжение разрушить каменное надгробие над могилой Яна Жижки в Чаславе. Иезуиты слагали насмешливые песни о гуситах и главным образом об их вожде.

---

* В сражении у Белой Горы (1620 год) чешские войска потерпели поражение от войск коалиции католических князей Германии. После сражения у Белой Горы Чехия была захвачена Австрией и надолго потеряла национальную независимость.— *Прим. ред.*

Вот он, пресловутый Жижка,
Эта дьявольская шишка,
Раньше одноглазая,
А потом безглазая,
Что ныне в пекле варится,
В аду на сковородке жарится
И будет жариться со смрадом,
Покуда ад пребудет адом⁶.

Костры, на которых сжигали чешские книги (во время сожжения и пелись песни, подобные приведенной выше), свидетельствуют о неистребимом страхе реакции перед революционными традициями народа. Феодалы понимали, что пока в народе живы гуситские революционные традиции, его нельзя поработить. Вот почему они яростно уничтожали все, что только напоминало о гуситах. Они сжигали гуситскую литературу, изображали Яна Гуса и Яна Жижку как злодеев и извергов. Но чешский трудовой народ не дал погибнуть гуситским революционным традициям. В течение XVI—XVIII веков крестьяне, следуя примеру гуситов, неоднократно с оружием в руках выступали против эксплуататоров. Уже в 1627 году, в период мощного крестьянского восстания в Коуржимском и Чаславском краях, священник Матюш Улицкий призывал народ проснуться и идти в бой с панами «по-жижковски» — по примеру героев-гуситов. В середине XVIII века в народе было распространено произведение, называвшееся «Сельская беседа после окончания семилетней войны», где речь шла о гуситских революционных традициях, хотя гуситы в ней прямо и не назывались.

Ты вспомни, такие примеры нередки.
Как храбры были наши предки.
Льва чешского опутать не позволя,
Они народу сохранили волю.
А королю давали то, что полагалось,
Но сверх того ему не доставалось.
Врагов не страшен был им строй,
Стояли друг за друга все горой,
Делились с ближним кто чем мог,
И изо рта никто не рвал кусок⁷.

Влияние гуситов сказалось совершенно очевидно и во время большого крестьянского восстания 1775 года, когда

крестьяне 21 июля 1775 года пришли на могилу Прокопа Великого у Липан, чтобы оттуда отправиться в бой против эксплуататоров. Подобно гуситам, восставшие крестьяне боролись против эксплуататоров за создание общественного строя, основанного на лучших более справедливых началах.

Деятели чешского возрождения конца XVIII — начала XIX веков совершенно недвусмысленно выступали в защиту гуситов. Хотя они прямо и не называли гуситское революционное движение своим образцом — этому препятствовала строгая меттерниховская цензура, — тем не менее они открыто проявляли свои симпатии к гуситам и особенно ценили их высокий патриотизм. Замечательно, что первым чешским стихотворением, появившимся из-под пера Ант. Яр. Пухмайера, была «Ода Яну Жижке из Трочнова». Пухмайер, совершенно в духе распространенной в период возрождения общей концепции гуситства, концепции национальной борьбы Чехии с Германией (ведь рассматриваемый период это период зарождения чешской буржуазии), прославлял Жижку-патриота:

Тех, кто в борьбе необычайной
За родину откинул страх,
Венком лавровым увенчаем
И в звучных воспоем стихах.

Основной темой стихотворения Пухмайера является борьба Жижки с немцами:

Везде, всегда, в любом сраженье
Ты бил германцев, наших злых врагов⁸.

Чешская буржуазия в период своего выхода на историческую арену придерживалась гуситских революционных традиций, этого испытанного оружия в борьбе против немецкого императорского двора и немецкой буржуазии. И в 1848 году гуситский боевой рог созывал народ на борьбу. Понятно, что революции, которая продолжала бы дело гуситов, хотели прежде всего радикальные демократы, представители мелкой буржуазии. Эмануэль Арнольд написал «Историю гуситов с юсным очерком деятельности Яна Жижки» и вел среди крестьян революционную агитацию, читая в деревнях отдельные главы из своей книги. Уже само изложение событий гуситского

движения вдохновляло крестьянство на борьбу! В предисловии к своей книге Э. Арнольд прямо говорит о значении революции: «Если облака, разбросанные по небу, собираются вместе, начинается буря; точно так же, если объединятся разбросанные и распыленные национальные силы, находящиеся под гнетом бесправия и насилия, вспыхивает восстание. Хотя его голос и грозен, *оно благотворно по своим последствиям, — подобно тому как буря очищает воздух, так и восстание очищает человеческий разум, устраняет беспорядки и злоупотребления и низвергает ложных идолов, чтобы на алтаре патриотизма могли расцвести права, свобода и чистая, неоскверненная чужеземцами народность* [курсив мой. — И. М.]. Мы немного рассказали нашим соотечественникам о том времени, когда со всех сторон над чешской страной собирались тучи, пока не поднялась буря, и когда чешский народ, как бы проснувшись ото сна, протер глаза и увидел, что уже давно пора одернуть немецких захватчиков, которые перешли границу прав, предоставляемых гостеприимством, и вели себя в стране, как господя; что пора не медля ни минуты, освободиться от пут иноземного владычества и разорвать их, как рвет тенета раненый лев.

Насколько успешно действовал народ, покажет следующее изложение. Опыт показал, что в Чехии, как всегда и всюду, простой народ следует за даровитыми начальниками. Однако эти начальники дали только толчок движению, которое давно уже зародилось в народе и только проявилось под воздействием тех людей.

У нас есть мужи, известные всей нашей родине, но не понятые до сих пор, а часто и неправильно судимые. И сразу неволью вспоминаешь о Яне Жижке, неустрашимом вожде чешского народа, и о Прокопе Великом.

Пусть эта книга ободрит чехов, чтобы они отвратили сердце свое от иноземного, пусть она поможет Чехии стать на путь национального величия и мужества»⁹.

Другой представитель радикальных демократов, Карел Сабина, также сознательно связал свою революционную деятельность с борьбой гуситов, назвав свой журнал, проникнутый идеями социализма, «Табором» (1848 год). На пражских баррикадах чешский народ бился с тем же врагом, против которого боролись когда-то гуситы,— против феодалов. В устах этих бойцов, сражавшихся на баррикадах, торжественно звучали строки

«Песни свободы», написанной для революционного собрания «Согласие» молодым композитором Бедржихом Сметаной на слова И. Колара. Эта песня вновь воспевала героическую борьбу гуситов:

Война, война... Взвилось знамя!
Вставайте, чехи, правда с нами.
Вперед, за родину и право,
За древнюю чешскую славу.
Так меж полей, лесов и скал
Зов таборитов прозвучал.

Кто истый чех — берись за меч.
Настало время грозных сеч.
Сердца бойцов пылают гневом,
Гуситских всходят войн посеvy.
Встань, чешский лев, и твердо стой!
Ведет нас бог в священный бой.

Того, кто сердца чутким слухом
Сей клич услышит, а не ухом,
Кто Гуса с Жижкой ставит выше,
Чем всех святых в церковных нишах,
Спасет от адского огня
Единство — чешская броня¹⁰.

Так первое музыкальное произведение Сметаны было посвящено гуситам. Это новое доказательство того, какими примерами вдохновлялись бойцы пражских баррикад; в в гуситском революционном движении они черпали силы, выдающиеся деятели этого движения были для них образцом.

Совершенно естественно, что чешскому рабочему классу, самым ходом исторического развития призванному уничтожить эксплуатацию человека человеком, в период его борьбы против капитализма особенно дороги гуситские революционные традиции. Если буржуазия, оказавшись у власти, постепенно изменила свое, некогда восторженное отношение к гуситству, если буржуазная историография старалась лишить гуситское движение его революционного содержания, а следовательно, оклеветать и фальсифицировать его, то рабочий класс не забыл революционные традиции гуситов. Рабочие, как и все тру-

дящиеся, с радостью приветствовали исторические романы А. Ирасека («Между течениями» и «Против всех»), где дано яркое изображение гуситских войн. Эти романы раскрыли широким народным массам значение гуситского революционного движения. Чем больше буржуазная историография клеветала на гуситов, тем чаще народ обращался к историческим романам Ирасека. Помогая народу правильно понять гуситство, Ирасек выполнял ту задачу, которую должна была бы выполнить историография.

Но и непосредственно — устами своих прямых представителей — пролетариат сказал решающее слово в оценке гуситского революционного движения, значения гуситских революционных традиций для рабочего движения. Уже само чешское название собраний — табор лиду — взято у гуситов; народные собрания протеста против угнетения сначала назывались митингами, позже им дали название «таборов», и это, конечно, не случайно. Из воспоминаний пионера рабочего движения Ладислава Запотоцкого мы знаем, что он собирался прочитать лекцию о народном вожде, революционере Яне Желивском. Однако уже само название лекции всполошило австрийскую полицию, которая расценила ее как «подстрекательство»; лекция была запрещена. Рабочие газеты неоднократно указывали, что чешский пролетариат идет на борьбу с капиталистами, вдохновленный примером гуситского революционного движения. И когда 1 мая 1890 года чешский пролетариат, в ознаменование дня международной солидарности рабочего класса, впервые вышел на улицу, Ян Неруда писал, что в гуле шагов тысяч рабочих ему слышится гул гуситских боев, что это выходит на арену новый, молодой общественный класс, наследник славных революционных традиций. «Красные значки, красные галстуки... Я впервые видел его на улице — этот темнокрасный цвет мирового социалистического движения; я вздрогнул. Удивительно! Удивительно! — те же цвета — черный на темнокрасном фоне, — которые развевались над головами гуситов, борцов за религиозную свободу, развеваются сегодня над головой борцов за полное гражданское равенство!»¹¹ Ян Неруда почувствовал историческое значение выступления на сцену рабочего класса в Чехии и правильно связал его с гуситскими революционными традициями.

Рабочий класс смело шел по стопам гуситов в борьбе против капитализма. Когда в 1921 году во главе пролетариата встала Коммунистическая партия Чехословакии, она высоко подняла знамя гуситских традиций как символ непримиримой классово-борьбы. Необходимо было спасти революционное наследие гуситства от извращения и фальсификаций. После 1918 года и особенно после поражения рабочего класса в декабре 1920 года чешская буржуазия превратила Чехословацкую республику в государство, служащее интересам капиталистов. Чехословацкая «демократия» была в действительности диктатурой буржуазии, направленной прежде всего против организованного авангарда рабочего класса — Коммунистической партии Чехословакии. Страхась революционного натиска трудящихся масс, буржуазия начала поход против всего, что напоминало ей о революции. Она хотела уничтожить жившие в народе гуситские революционные традиции; о гуситах народу говорили либо как о пассивных и безвредных мечтателях, либо как о религиозных фанатиках, которых за их «буйство» постигла вполне заслуженная кара. Если еще в 1918 году Т. Г. Масарик демагогически выдвигал лозунг: «Табор — наша программа», то вскоре он совершенно открыто порвал с революционными традициями, заявив, что чешский народ должен следовать примеру не бесстрашных революционеров, а Петра Хельчицкого. Правда, Петр Хельчицкий теоретически выдвигал требование глубоких социальных реформ, на практике, однако, он энергично выступал против таборитов, против тех революционных сил, которые боролись за решительное изменение феодального общественного строя. Призыв отказа от мира и «умерщвления плоти» придавал взглядам Хельчицкого реакционный характер, поскольку распространение подобного рода взглядов в массах могло только ослабить их революционный дух. Клемент Готвальд писал по этому поводу: «А президент Масарик — отличный буржуазный идеолог. Он очень хорошо знает, в чем нуждается буржуазия, чтобы сохранить свое господство. Вспомним только лозунг: «Табор — наша программа!» Этот лозунг был выдвинут после переворота, в период, когда нужно было отвлечь трудящихся от социальной революции. Поэтому внимание народа отвлекали к событиям, происшедшим за пятьсот лет до нашего времени, причем гуситство

толковали только как религиозную революцию. Потом наступил черед Хельчицкого и «чешских братьев». Это был период, когда буржуазия укрепляла свои пошатнувшиеся позиции за счет широких слоев трудящихся, когда она, отнимая у пролетариата одно завоевание за другим, создавала свой аппарат порабощения»¹². Отрицая революционные традиции, буржуазия выдвинула культ «государственности», ясно обнаруживая тем самым свое стремление укрепить позиции господствующего класса за счет трудящихся масс. Председатель Совета министров, аграрий Ф. Удржал, в своей речи в Таборе в 1929 году отрекся от революционных идей гуситства, заявив, что главным достоинством таборитов было «не то, что они восставали против панов, а то, что они слушались своих полководцев». Президент Масарик присоединился к такому «пониманию» Табора.

В этот период Коммунистическая партия Чехословакии была не только оплотом и авангардом рабочего класса, но и верным стражем гуситских революционных традиций. Вскоре после основания партии Карел Крейбих написал работу о Таборе, в которой от имени Коммунистической партии Чехословакии выразил свои симпатии к традициям гуситства. Достаточно просмотреть коммунистические газеты и журналы, чтобы убедиться, что борьба «божьих бойцов» стала неотделимой частью классово-вой борьбы чехословацкого пролетариата. В период тяжелого кризиса, когда путем забастовок и демонстраций пролетариат вел упорную борьбу за хлеб и работу, Йосеф Гакен написал обширную статью, в которой указывал на пример таборитов: «Представители нынешнего реакционного режима отказываются даже от искаженного ими облика гусизма. Они выдвигают новые образцы — ханжу Вацлава, Карла IV, «отца родины», при котором простой народ голодал, пана Иржи из Подебрад, контрреволюционера, ликвидировавшего гуситскую революцию, а для словаков — какого-то Прибину. Одни господа! Народу навязывают новых буржуазных святых. Нет, паны и эксплуататоры не пример для трудящегося народа! Он должен идти по стопам тех людей, которые восставали против каких бы то ни было эксплуататоров. Табор — наша программа!»¹³ Коммунистические публицисты били тревогу, предупреждая против козней капиталистов и международной реакции, которая под знаком свастики

готовилась напасть на рабочий класс, напасть на Советский Союз, оплот мирового пролетариата. Ян Шверма писал в 1936 году: «Мы вспоминаем сегодня славные победы Табора. Мы вспоминаем их, чтобы учиться на их примере. Мы черпаем силу, читая эти славные страницы нашей истории, написанные кровью наших предков. Сегодня нам также грозит опасность, сегодня чешский народ также накануне грозных испытаний. Тень креста снова упала на наш народ, на нашу страну — тень свастики, символа международной контрреволюции, призрак гибели, смерти и порабощения стал над страной. Снова на наших глазах создается панский союз, панский союз современности, — союз капиталистов, банкиров, аграрных магнатов. Объединение чешских панов, которые сговариваются с международной контрреволюцией, которые и сегодня готовы предать чешский народ, предать республику и, ради спасения своего имущества, своего господства, своего класса, объединиться под знаком свастики с носителями свастики... Но знамя Табора не может пасть! Мы, чешские трудящиеся, помним о наших предках. Сегодня, накануне роковых испытаний, мы еще усерднее, чем когда бы то ни было, учимся по заветам Табора. Перед лицом опасности грозящих извне сил контрреволюции, сегодня мы высоко поднимаем знамя доблестного Табора. И, вопреки всем врагам, мы гордо провозглашаем: Табор — наша программа! Наша программа — программа чешской бедноты, чешских рабочих и крестьян!»¹⁴ Так от имени всех трудящихся говорил Ян Шверма в период, когда над страной нависла нацистская угроза. Столь высокую оценку дала Коммунистическая партия Чехословакии революционной борьбе таборитов. И в 1938 году, когда мюнхенцы внутри страны и вне ее плели паутину интриг и предательств, чтобы лишить народ Чехословакии свободы и независимости, Курт Конрад, предупреждая народ об опасности, зовя его к борьбе, снова обратился к славным страницам нашей истории.

Развертывая клеветническую кампанию против республики, нацистский центральный орган «Фелькишер беобахтер» злобно клеветал на гуситское революционное движение — нацистов и представителей чешской буржуазии объединяла общая ненависть ко всему прогрессивному и революционному. Нацистские газеты называли гуситов «бандой поджигателей и разбойников», которая

пять веков назад «грабила всю Центральную Европу», сравнивая при этом гуситов с коммунистами. Курт Конрад разоблачил нацистскую ложь, показав, что движение, охватившее Чехию пять веков назад, именно потому захватило также и немецкое эксплуатируемое население, бедноту, что оно корнями уходило в самое сердце чешского народа. Из гуситских войск была создана международная армия, которая вела борьбу, носившую характер международной борьбы. «Гуситская революция была одновременно и национально-чешской революцией, и в этой своей национальности она глубоко социальна»¹⁵. «Руде право», мобилизовавшее весь наш народ на борьбу против фашизма и капитулянтства, не раз обращалось к истории гуситского революционного движения как к примеру мужества, источнику вдохновения. Коммунистическая печать в мрачный период, наступивший после Мюнхена, показала, что жива революционная гуситская традиция. «Она живет в нарождающемся единстве всего нашего народа, объединяющегося под знаменем защиты республики, народа, которого в борьбе с международной реакцией ждут столь же славные победы, как и те, что одерживал старый чешский Табор»¹⁶. Когда мюнхенцы осуществили свое позорное дело и продали Гитлеру народ Чехословакии, Коммунистическая партия Чехословакии вела подпольную борьбу против нацистских оккупантов. И в этой борьбе партию вдохновляли гуситские революционные традиции. Клемент Готвальд взял в качестве названия одной из своих речей, переданных из Москвы по радио, гуситский лозунг: «Врага не бойтесь, на число не глядите!». В речи при открытии Ирасековских торжеств 10 ноября 1948 года Клемент Готвальд указал, что борьба против оккупантов находится в глубокой исторической связи со строительством Народно-Демократической Чехословацкой Республики: «Наши борцы за свободу против немецких оккупантов шли по стопам Табора. В духе традиций Табора и национального возрождения мы строим и наше народное государство»¹⁷.

Гуситская революционная традиция в течение веков вдохновляла трудящихся в их борьбе за лучшее и более справедливое общество. Победа рабочего класса в мае 1945 года и разгром контрреволюционного путча нового панского союза в феврале 1948 года означали победу

тех же революционных традиций. Клемент Готвальд указал на это в программной речи на заседании национального учредительного собрания 10 марта 1948 года: «Вы, миллионы и миллионы простых граждан городов и деревень, спасли нашу страну от новых Липан, а тем самым и от новой Белой Горы. Современный панский союз разгромлен, и решающее слово принадлежит ныне национальным и государственным потомкам подлинных таборитов, наследникам магистра Яна Гуса, Яна Жижки из Троцнова, Прокопа Голого и Рогача из Дубы»¹⁸.

ГУСИТСКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ
В ИСТОРИОГРАФИИ

Зденек Нееды, указывая на то принципиальное значение, которое имеет для чешских историков оценка гуситского революционного движения, писал: «О чешском историке можно сказать так: «Скажи мне, как ты судишь о гуситстве, и я скажу тебе, кто ты»¹. Действительно, отношение к гуситскому революционному движению было и остается надежным мериллом прогрессивности историков, критерием их классовой и политической позиции.

В сочинениях основателя чешской буржуазной историографии Франтишека Палацкого ясно отражаются взгляды молодой чешской буржуазии того периода, когда она еще только вступала на историческую арену. Тогда, в середине XIX века, буржуазия была прогрессивным общественным классом, борющимся за ликвидацию старых феодальных привилегий. Поэтому и в своей работе «История чешской нации в Чехии и Моравии» Палацкий дал высокую оценку гуситскому революционному движению. Однако Франтишек Палацкий отнюдь не одобрял насильственные революционные действия гуситов. Это видно, например, в оценке значения смерти Жижки: «Поэтому смерть его, которая рано или поздно должна была повлечь за собой падение демократии в Чехии, следует, тем не менее, расценивать как факт положительный и благоприятный для страны, поскольку эта смерть избавила ее от жестокой борьбы за дело, которое не имело достаточных корней и оснований в духе своего века»². Как мы видим, с точки зрения Палацкого борьба с эксплуататорами никак не могла послужить образцом, достойным подражания. Неумолимая классовая борьба не могла быть примером для буржуазии. «Буржуазии выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли

медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции» *. Для Палацкого гораздо важнее те революционные требования, которые выдвигали народные массы, нежели их революционная борьба. Исходя из идеалистического взгляда на исторический процесс, Палацкий прежде всего видел в гуситском движении его религиозную, нравственную и идеологическую сторону. Чешскому народу, по мнению Палацкого, предстояло «сломать узкие рамки средневековых представлений и незыблемых убеждений, какими бы спасительными они ни казались; он помог человеческому духу найти беспредельный путь прогресса, вместе с большей свободой обрести также и большее достоинство»³. В оценке Палацкого звучит не только вдохновенная похвала духовной отваге гуситских деятелей, но и гордость по поводу того, что именно в чешском народе возникли столь замечательные идеи. Подчеркивая национальное значение гуситства, Палацкий действовал вполне в духе буржуазного национализма, характерного для чешской буржуазии в тот период, когда она боролась с немецкой буржуазией за рынки и за власть. Однако по мнению Палацкого к насильственному решению споров можно было прибегать только в том случае, «если бы Чехии из-за ее новых убеждений грозили насилия и полная гибель»⁴. Палацкий полагает, что в жестоком опустошении чешских земель революцией была виновата не «чешская партия реформ», а реакция, по вине которой реформация переросла в революцию. Несмотря на то, что в связи с гуситским движением на Чехию обрушились тяжкие бедствия, это не умаляет его гигантского значения. «Какие бы бедствия ни сопутствовали реформации в начальный ее период, она была в целом благотворна, явилась существенным фактором в ходе мирового прогресса, ее нельзя недооценивать и не следует проклинать»⁵. В своих сочинениях Палацкий затронул и социальную проблематику гуситства. Он четко разграничивает гуситскую Прагу и Табор: «Там преобладало дворянство, ученые магистры, городской патрициат и люди, от них зависимые; здесь города, земане, крестьяне — вообще демократический элемент»⁶. Однако это социальное деление не стало для Палацкого

В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 34.

методологически исходным пунктом его изложения, что находится в полном соответствии с его идеалистической концепцией, согласно которой исторический процесс есть процесс развития идей. Гуситский «демократизм» Палацкий считал возрождением духа «старославянской демократии»: «Только гуситские войны дали ей новый стимул, воскресили ее не только для самопознания, но и для перестройки и новой деятельности»⁷. В этом духе нужно понимать и данную Палацким известную оценку Липан: «На могиле демократии разрастался феодализм, и чем дальше, тем неодолимее»⁸.

Хотя Палацкий и не мог полностью раскрыть революционный смысл гуситства, тем не менее его оценка послужила основой для последующих работ по истории Чехии прогрессивных историков. «История» Палацкого научила чешский народ с еще большим уважением и любовью относиться к гуситскому революционному движению.

Палацкий потому дал столь высокую оценку гуситству, что он, как уже говорилось, писал в тот период, когда чешская буржуазия только выходила на политическую арену. Однако как только буржуазия стала господствующим классом, страшащимся роста рабочего движения, энтузиазм историков перед славным гуситским прошлым явственно ослабел. О том, что буржуазия меняет свои позиции, свидетельствовала уже работа Томека. В своей «Истории города Праги» Томек собрал большой материал, до него не опубликованный. Однако он воздержался от оценок гуситского революционного движения, он изображал течение событий в их последовательности, не устанавливая их внутренней связи и не определяя исторического значения. В тех же случаях, когда у него проскальзывает какая-либо оценка, обнаруживается его лицо консервативного австрийского университетского профессора. Желивский и его последователи для Томека — «пражский сброд»⁹, а Жижка — не смелый и гениальный руководитель революционных армий, а благоразумный политик, сторонник порядка: «Как человек, заботящийся всегда о сохранении государственного порядка, враг неразумного безвластия, он с самого начала стремился вместо свергнутого государя установить нового, то есть сохранить королевскую власть; только король должен был быть из другого рода»¹⁰.

В период империализма буржуазия, поскольку главная

цель ее заключалась в том, чтобы устоять в борьбе с пролетариатом, стремилась предать забвению гуситские революционные традиции, которые неизменно вдохновляли народ на борьбу против эксплуататоров. Теперь в интересах буржуазии было показать, что гуситское революционное движение представляло собой наивысшее несчастье Чехии, повлекшее за собой разложение, беспорядок, опустошение и истощение нашей страны. Именно такую задачу поставил перед собой Йосеф Пекарж, стремившийся в своей четырехтомной книге «Жижка и его время» показать «пагубный лик» революции. Основной идеей Пекаржа, исходящего из идеалистического, иррационалистического понимания истории, является утверждение, что положение простого народа в догуситский период неуклонно улучшалось и что, не будь революции, все классы общества стали бы жить в мире и содружестве друг с другом; однако мечтатели и религиозные фанатики, типа Желивского и Жижки, «из гордости» раздули революционный пожар, превративший цветущее чешское королевство, этот чудесный сад, в пустыню, в прах и развалины. Вместо того чтобы улучшить свое положение, «сумасшедшие» крестьяне и беднота сошли с пути «просвещенных реформ» и жестокими методами были излечены от своей революционной горячки. Из всего сочинения Пекаржа вытекало: «рабочие, не бунтуйте, ибо с вами будет то же, что с гуситами!» Не следует забывать, что книга Пекаржа была написана в 1927—1934 годах, когда после временной стабилизации капитализма весь империалистический мир был охвачен глубоким кризисом, вызвавшим обострение классовой борьбы. Под руководством Коммунистической партии Чехословакии рабочий класс организовывал мощные забастовки и демонстрации против буржуазии. Коммунистические журналисты и публицисты постоянно говорили рабочим о необходимости классовой борьбы. Наоборот, Пекарж в интересах контрреволюции старался замутить чистый источник революционных традиций. Контрреволюционной позицией Пекаржа определялась и та оценка, которую он дал отдельным деятелям гуситского революционного движения. Вывернув наизнанку концепцию Палацкого, Пекарж выступил также против утверждений Томека. Для Пекаржа Жижка — не что иное, как обычный «разбойник», который был одержим бредовой

идеей «божьего закона» и не колебался проливать потоки крови ради ее осуществления. Идеи таборитских хилиастов Пекарж с высоты своего величия именовал плодом «горячки времени»: «Хилиастический бред как массовая болезнь мог продолжаться только несколько месяцев»¹¹. Подобно тому как в современной политической жизни Пекарж прочно занял позиции поддержки господствующего класса, так и в его работе о гуситском движении все его симпатии также на стороне господствующего класса, церковных и светских феодалов. Каждый шаг народных масс он расценивает с антинародных, контрреволюционных позиций, кровавое поражение революции, Липаны, для него не национальное несчастье, а один из счастливейших дней в национальной истории Чехии. 27 мая 1934 года Пекарж опубликовал в «Народной политике» статью, в которой так оценил значение Липан: «Скажу вкратце, что день победы объединенных чешских партий над войском таборитов и «сирот» — счастливый день нашей истории»¹². Сочинение Пекаржа, благодаря своим антинародным и контрреволюционным тенденциям ставшее идеологической опорой чехословацкой реакции, было в период оккупации использовано нацистами для борьбы против исторической концепции Палацкогo.

Но и по сочинениям историков другого лагеря буржуазной историографии, выступавших против Пекаржа, наш народ не мог составить правильного взгляда на историю гуситского революционного движения. Идеалистическая концепция истории и здесь мешала подлинно научному исследованию. Ф. М. Бартош в многочисленных отдельных работах о Яне Гусе, продолжающих и развивающих сочинение В. Новотного, дал высокую оценку гуситским мыслителям и теологам, однако он придавал слишком большое значение «заимствованию идей». Р. Урбанеку, который произвел тщательный анализ и собрал обильный материал, также не удалось дать целостный очерк гуситства. Все эти историки положительно оценивали гуситов, однако эта оценка относится прежде всего к представителям бюргерской оппозиции (особенно к Якоубеку из Стржибра). Представителей революционной бедноты и крестьянства, особенно таборитских хилиастов, они понять не могли.

Зденек Неedly, всегда тесно связанный с широкими народными массами, все свое внимание уделил именно

народу, его значению и роли в гуситском движении. В «Истории гуситской песни» предметом исследования Неедлы стали чувства и мысли гуситских «божьих бойцов». Если до сих пор историки уделяли главное внимание господствующему классу и вождям движения, то Неедлы обратился к массам революционного народа. «История гуситской песни» — это не только монография о гуситской музыкальной культуре, это серьезный труд о всем гуситском движении. Заслугой Зденека Неедлы является то, что он оценивал гуситство не только как религиозное и национальное движение, но прежде всего как грандиозную социальную битву. Еще в 1914 году Зденек Неедлы писал: «То, что гуситство долго рассматривалось только с точки зрения чисто религиозной, было исторической ошибкой, мешавшей оценить гуситство во всей его прекрасной жизненной полноте. В этот период социальные отношения имеют не меньшее значение, чем отношения культурные и национальные»¹³. В своей книге Неедлы сделал успешную попытку охватить все стороны гуситского революционного движения во всей их конкретности. Если буржуазная историография хотела представить Гуса упрямым средневековым теологом, то в работах Неедлы он — революционер, своей мученической смертью призвавший народ бороться до конца за исправление общества. Неедлы показал его подлинное лицо — лицо борца за права широких народных масс. Неедлы показал, что гуситское революционное движение было периодом национального подъема; как мы уже говорили, он считал, что по отношению ученого к гуситскому движению можно судить о его политической позиции. Ученый, преданный народу, ученый, вся деятельность которого была тесно связана с устремлениями широких трудящихся масс, пришел к выводам, близким марксистскому пониманию исторического процесса. Работы Неедлы о гуситстве показывают, что путь ученого-демократа, тесно связавшего свою судьбу с народом, приводит его к научному социализму.

В работах К. Маркса и Ф. Энгельса содержатся только отдельные замечания о гуситстве. Тем не менее эти замечания свидетельствуют о глубоко научной оценке классиками марксизма гуситского революционного движения. Исторический материализм, научное мировоззрение самого прогрессивного общественного класса —

пролетариата, — разоблачает все фальсификации и извращения буржуазной историографии. К. Маркс впервые указал на то, что гуситское движение было вовсе не религиозной реформацией, а классовой битвой. Из его многочисленных пометок в «Хронологических выписках» * ясно видно, на чьей стороне его симпатии. Так, например, изложение гуситских побед он сопровождает одобрительными восклицаниями «браво». Сравнивая Яна Гуса с революционером Гарибальди, Маркс достаточно ясно показал, какое место в мировой истории отводит он вождю чешского народа. Употребляемые им выражения, такие, например, как «сторожевые псы», «псы-патеры» по отношению к церковникам, «сброд» по отношению к немецким крестоносцам, доказывают его резко отрицательное отношение к врагам гуситов. Отдельные замечания Маркса служат научным критерием для оценки гуситства. Ф. Энгельс в своей работе «Крестьянская война в Германии» дал научное объяснение основным проблемам истории гуситства. Проводя гениальную параллель между 1848 годом и немецкой крестьянской войной, Энгельс раскрыл внутренний смысл революционных движений в период феодализма. Он указал, что при научном объяснении этих революционных движений нельзя ограничиваться изучением той формы, которую они принимают, что необходимо сквозь покров религиозности разглядеть истинную классовую сущность движения. Борьба против церкви не была религиозной борьбой — это была борьба против крупнейшего феодала, против тех, кто создавал феодальную идеологию и стремился ореолом святости окружить феодальный строй: «Ясно, что при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все социальные и политические революционные доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости **». Ф. Энгельс показал, что революционные движения в период феодализма вытекали из классовых

---

* См. К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, М., 1939, т. VI, стр. 218.

** Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М., 1952, стр. 34.

противоречий, углублявшихся в течение XIV и XV веков. Для научного объяснения гуситского революционного движения чрезвычайно важен был и тот факт, что Энгельс разграничил в гуситстве два течения. Он совершенно ясно противопоставил друг другу чашников и таборитов и, не останавливаясь на их различиях в области идеологии, указал на различие классовых интересов, которое отделяло бюргерство и низшее дворянство от крестьянства и бедноты.

Принципиальные методологические указания Маркса и Энгельса означали переворот в историографии гуситства. На основе этих высказываний можно воссоздать подлинно научную историю гуситского революционного движения, извлечь полезные уроки из этой славной главы ранней чешской истории. По стопам классиков марксизма шли и коммунистические публицисты, которые в ряде статей показали, что гуситское революционное движение может служить образцом и примером для рабочего класса и всего трудового народа в его борьбе за лучший общественный строй. В своих статьях Йосеф Гакен, Карел Крейбих, Ян Шверма и Курт Конрад указывали, что гуситское движение было классовой битвой против феодалов, призывали народ следовать примеру гуситов, вставая на защиту гуситских революционных традиций от клеветнических нападок буржуазной историографии. Для Клемента Готвальда традиции гуситского революционного движения неразрывно связаны с политической борьбой за права трудящихся. В период оккупации к чешскому народу летели из Москвы ободряющие слова Клемента Готвальда. Готвальд прямо указывал на пример победоносной борьбы гуситов против иноземных крестоносцев. Гуситский призыв «Врага не бойтесь, на число не смотрите, бейте врага беспощадно!»¹⁴ в устах Клемента Готвальда означал не только глубокую оценку роли гуситства — это был пламенный боевой призыв к борьбе с нацистами. Готвальд дал высокую оценку гуситскому революционному движению. «Наши бойцы за свободу против немецких оккупантов шли по стопам Табора. В духе традиций Табора и национального возрождения мы строим и наше новое народное государство»¹⁵. Чешские и словацкие трудящиеся, сбросившие иго капитализма, под знаком гуситских революционных традиций ведут борьбу за социализм.

ПРИМЕЧАНИЯ
К ЧЕШСКОМУ ИЗДАНИЮ

Глава первая

- ¹ Česká přísloví z díla Konráda z Halberstadtu Tripartitus moralium, ed. V. Flajšhans v ČSM, 1906, roč. 80, str. 477.
- ² Этот образ был очень распространен в средневековой литературе.
- ³ Из так называемого таборитского манифеста. (J. Masek, Ktož jsou boží bojovníci, str. 218.)
- ⁴ F. Graus, Městská chudina v době předhusitské, Melantrich, Praha 1949, str. 169, p. 67.
- ⁵ M. Jan Hus, Výklad desatera, M. Jana Husi sebrané spisy české, str. 220.
- ⁶ Tamtéž, str. 182.
- ⁷ M. Jan Hus, Výklad desatera, str. 220.
- ⁸ Это выражение, часто встречающееся в средневековой литературе, например в хронике Петра Житавского (FRB, IV, str. 300).
- ⁹ Písňě žáků darebáků, Melantrich, Praha 1951, přel. R. Mertlík, str. 96.
- ¹⁰ M. Jan Hus, O svatokupectví, str. 447.
- ¹¹ Tamtéž.
- ¹² О состоянии пражского духовенства см. V. V. Tomek, Dějepis města Prahy, III C, особенно стр. 215 и сл. (Историкам, если не считать Томека, реакционного немецкого историка Хёфлера и клерикально настроенного Неймана, церковными властями не было разрешено заниматься изучением этого источника.)
- ¹³ P. Chelčický, O trojím lidu, str. 71—72.
- ¹⁴ M. Jan Hus, Výklad desatera, str. 218.
- ¹⁵ M. Jan Hus, Výklad modlitby páně, str. 353.
- ¹⁶ K. Höfler, Geschichtsschreiber der husitischen Bewegung in Böhmen, I, str. 567.
- ¹⁷ Václav Chaloupecký, Selská otázka v husitství, str. 14.
- ¹⁸ Tomáš Štítný, Knížky šestery, str. 153.
- ¹⁹ Staročeské satiry, Desatero kázanie, ed. J. Vilikovský, str. 41.
- ²⁰ Tamtéž, str. 56.
- ²¹ M. Jan Hus, O brání odúmrti, str. 195—196.
- ²² Staročeské satiry, str. 70.
- ²³ P. Chelčický, O trojím lidu, str. 67.
- ²⁴ P. Chelčický, O cirkvi svaté, str. 85.
- ²⁵ M. Jan Hus, Postilla, str. 392.
- ²⁶ P. Chelčický, O trojím lidu, str. 72.
- ²⁷ Tamtéž, str. 65.
- ²⁸ V. Chaloupecký, Selská otázka v husitství, Bratislava 1916.

- 29 Tamtéž, str. 13—15.
 20 Tamtéž, str. 5.
 31 Tamtéž, str. 6.
 32 Tamtéž, str. 6.
 33 Tamtéž, str. 7.
 34 Tamtéž, str. 23.

Глава вторая

- 1 Цит. по F. G r a u s, Městská chudina, str. 158.
 2 M. J a n H u s, Výklad menší, ed. Erben, I, str. 358.
 3 M. J a n H u s, Výklad modlitby páně, str. 302.
 4 Tamtéž, str. 278.
 5 Tamtéž, str. 307.
 6 M. J a n H u s, O svatokupectví, str. 429.
 7 V. N o v o t n ý, M. Jan Hus, str. 59, p. 4.
 8 Tamtéž, I, str. 65.
 9 Tamtéž.
 10 J. S e d l á k, Studie a texty, II, str. 304.
 11 V. N o v o t n ý, M. Jan Hus, I, str. 414.
 12 Tamtéž, II, str. 72.
 13 Это место у Хёфлера (Höfler) напечатано с ошибками, см. Geschichtsschreiber, II, str. 201—203.
 14 V. N o v o t n ý, M. Jan Hus.
 15 M. J a n H u s, Postilla, II, 256.
 16 M. J a n H u s, Výklad desatera, str. 149—150.
 17 Tamtéž, str. 242—243.
 18 V. N o v o t n ý, M. Jana Husa korespondence, str. 266.
 19 Tamtéž, str. 258.
 20 V. N o v o t n ý, M. Jan Hus, II, str. 428.
 21 V. N o v o t n ý, M. Jana Husa korespondence, str. 269—273.
 22 Petra z Mladoňovic Pašije Mistra Jana Husi, *FRB*, VIII, str. 142 n.
 23 V. N o v o t n ý, M. Jana Husa korespondence, str. 278.
 24 F. M. B a r t o š, Co víme o Husovi nového, str. 84.
 25 См. J. M a c e k, Ktož jsou boží bojovníci, str. 87.
 26 F. M. B a r t o š, Co víme o Husovi nového, str. 92.
 27 M. J a n H u s, Výklad desatera, str. 133—134.
 28 V. N o v o t n ý, M. Jan Hus.
 29 M. J a n H u s, korespondence, str. 214.
 30 M. J a n H u s, Výklad desatera, str. 156.
 31 См. J. M a c e k, Ktož jsou boží bojovníci, str. 87.
 32 Tamtéž.
 33 Tamtéž.
 34 Tamtéž.

Глава третья, I

- 1 List Poggia Florentského, AČ, III, str. 202.
 2 V. N o v o t n ý, Hus v Kostnici a česká šlechta, Praha 1915.
 3 F. M. B a r t o š, Do čtyř artykulů, str. 38, p. 92.
 4 Staré letopisy, str. 40.
 5 Tamtéž, str. 37.
 6 Tamtéž, str. 113.
 7 Soudní akta konsistoře pražské, ed. Tadra, IV, Praha 1898, str. 128.

- 8 Tamtéž, str. 192—193.
 9 Tamtéž, str. 192—193.
 10 J. Sedláček, Hlídka, XXXI, str. 208 n.
 11 J. Sedláček v Časopise kat. duchovenstva, 1913, str. 622.
 12 B. Auštecká, Jan Želivský, str. 14.
 13 F. Graus, Městská chudina, str. 172.
 14 Tamtéž, str. 169.
 15 Tamtéž, str. 169.
 16 Tamtéž, str. 169.
 17 B. Auštecká, Jan Želivský, str. 17.
 18 Tamtéž, str. 14.
 19 F. Graus, Městská chudina, str. 172.
 20 B. Auštecká, Jan Želivský, str. 17.
 21 Staré letopisy, str. 42.
 22 Anonymní protihusitská báseň Slyšte, všichni staří i vy děti z let 1417—19, ed. V. Nebesky, ČCM, 1852, str. 149.
 23 ČCM, 1852, str. 148.
 24 J. Macek, Ktož jsou boží bojovníci, str. 59.
 25 Tamtéž, str. 59.
 26 Kn. Soudců, IV, 6.
 27 J. Macek, Ktož jsou boží bojovníci, str. 59.
 28 Tamtéž, str. 57.
 29 Tamtéž, str. 58.
 30 F. M. Bartoš, Do čtyř artykulů, příl. I, chiliastické svolání, str. 576.
 31 Tamtéž, str. 576.
 32 J. Macek, Ktož jsou boží bojovníci, str. 61.
 33 Tamtéž, str. 34.
 34 Tamtéž, str. 60.
 35 AČ, III, str. 206.
 36 Staré letopisy české, str. 46.

Глава третья, 2

- 1 Vavřinec z Březové ve FRB, V, str. 357.
 2 J. Macek, Ktož jsou boží bojovníci, str. 59.
 3 Staré letopisy české, str. 397.
 4 J. Macek, Ktož jsou boží bojovníci, str. 61.
 5 Tamtéž, str. 272.
 6 Staré letopisy, str. 42.
 7 Vavřinec z Březové, str. 360.
 8 J. Macek, Ktož jsou boží bojovníci, str. 77.
 9 Vavřinec z Březové, str. 379.
 10 Tamtéž, str. 373.
 11 Tamtéž, str. 384.
 12 Z. d. Nejedlý, Dějiny husitského zpěvu za válek husitských, str. 909.
 13 Vavřinec z Březové, str. 389.
 14 Tamtéž, str. 494.
 15 Tamtéž, str. 494.

Глава четвертая, 1

- 1 B. Mendl, Z. hospodářských dějin středověké Prahy.
 2 Tamtéž, str. 2—3.

- ³ Vavřínek z Březové, str. 482.
- ⁴ Tamtéž, str. 514.
- ⁵ Staré letopisy, str. 62.
- ⁶ Tamtéž, str. 401.
- ⁷ J. Macek, Ktož jsú boží bojovníci, str. 149.
- ⁸ Vavřínek z Březové, str. 364.
- ⁹ Staré letopisy, str. 50.
- ¹⁰ J. Macek, Ktož jsú boží bojovníci, str. 165.
- ¹¹ Tamtéž, str. 159.
- ¹² Tamtéž, str. 159.
- ¹³ Tamtéž, str. 123—124.

Глава четвертая, 2

- ¹ Staré letopisy, str. 75 (в издании Харвата нацистская цензура вычеркнула это сообщение древнего летописца о победе гуситов у Усти, как и о победе у Домажлице и другие места).
- ² J. Macek, Ktož jsú boží bojovníci, str. 248.
- ³ F. M. Bartoš, Husitství a cizina.
- ⁴ J. Macek, Ktož jsú boží bojovníci, str. 205—208; *UB*, II, str. 24.
- ⁵ Tamtéž, str. 198.
- ⁶ Tamtéž, str. 197.
- ⁷ Staré letopisy, str. 81 (в издании Харвата это место также было изъято фашистской цензурой).
- ⁸ Staré letopisy, str. 81.
- ⁹ J. Macek, Ktož jsú boží bojovníci, str. 223.
- ¹⁰ Tamtéž, str. 215.
- ¹¹ Staré letopisy, str. 83.
- ¹² *UB*, II, str. 240.
- ¹³ Leidinger, Andreas v. Regensburg, str. 476—477.
- ¹⁴ F. Palacký, Dějiny, III, str. 453.
- ¹⁵ J. Macek, Ktož jsú boží bojovníci, str. 240.
- ¹⁶ Tamtéž, str. 241.
- ¹⁷ Tamtéž, str. 243.

Глава четвертая, 3

- ¹ K. Höfler, Geschichtsschreiber der husitischen Bewegung, I, str. 93 (Chronicon veteris Collegiati Pragensis).
- ² Postilla Mikuláše Biskupce z Pelhřimova, ed. F. M. Bartoš, ČSPSČ, XXIX, str. 113.
- ³ *MC*, I, str. 460 (Carlerius).
- ⁴ J. Macek, Ktož jsú boží bojovníci, str. 314.
- ⁵ Tamtéž, str. 315.
- ⁶ Tamtéž, str. 315.
- ⁷ *AC*, I, str. 379.
- ⁸ Tamtéž, str. 380.
- ⁹ Staré letopisy, str. 99.

Глава пятая

- ¹ Klement Gottwald, Deset let, str. 181—183.
- ² A. Kraus, Husitství v literatuře, str. 157.

- ³ M. M. Смирин, Народная реформация Томаса Мюнцера, АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 54.
- ⁴ Там же.
- ⁵ A. K r a u s, Husitství v literatuře, I, str. 163.
- ⁶ Anonymní katolická satira z předhusitských, Čech, ČČМ, 1852, str. 149.
- ⁷ J. M a c e k, Ktož jsou boží bojovníci, str. 254.
- ⁸ Z d. N e j e d l ý, Dějiny husitského zpěvu za válek husitských.
- ⁹ J. M a c e k, Ktož jsou boží bojovníci, str. 59.
- ¹⁰ См. F. M. B a r t o š, Táborský biskup a katolický doktor o prostituci, Jihočeský sborník historický, VII, 1934, str. 5 n.

Глава шестая

- ¹ АС, XX, str. 557—563.
- ² АС, XX, str. 562.
- ³ J. A. K o m e n s k ý, Historie o těžkých protivenstvích církve české, kap. 14.
- ⁴ R. U r b á n e k, Žižka v památkách a úctě lidu českého, str. 70.
- ⁵ Tamtéž, str. 81.
- ⁶ Tamtéž, str. 107.
- ⁷ Tamtéž, str. 109.
- ⁸ A. K r a u s, Husitství v literatuře, II, str. 224.
- ⁹ Úvod ke knize E. Arnolda, Děje husitů s zvláštním zřehledem на Jana Žižku, Praha 1848, str. 3 n.
- ¹⁰ См. V l a d i m í r H e l f e r t, «Boží bojovníci» v české hudbě 19 stol., Žižkův sborník 1924, str. 278.
- ¹¹ Z. Š o l l e—V. R o l l o v á—J. D o l e ž a l, I. máj 1890, Práce 1950.
- ¹² K l e m e n t G o t t w a l d, Spisy, I, str. 286.
- ¹³ Rudé právo z 2. července 1933.
- ¹⁴ Rudé právo z 5. července 1936.
- ¹⁵ K. K o n r á d v Rudém právu z 5. července 1938.
- ¹⁶ Úvodník Rudého práva z 5. července 1938.
- ¹⁷ J. P a c h t a, Klement Gottwald a naše dějiny, str. 36.
- ¹⁸ Tamtéž, str. 33—34.

Глава седьмая

- ¹ Z d. N e j e d l ý, Spor o smysl českých dějin, Praha 1914, str. 29.
- ² F. P a l a c k ý, Dějiny národu českého, III/2, kn. XII, čl. 5.
- ³ F. P a l a c k ý, Dějiny, III/1, str. 302.
- ⁴ Tamtéž, str. 300.
- ⁵ Tamtéž, str. 301.
- ⁶ Tamtéž, III/3, str. 159.
- ⁷ Tamtéž, str. 8—9.
- ⁸ Tamtéž, str. 159.
- ⁹ V. V. T o m e k, Dějepis města Prahy, IV, str. 7.
- ¹⁰ V. V. T o m e k, Jan Žižka, str. 211.
- ¹¹ J. P e k a ř, Žižka a jeho doba, I, str. 180.
- ¹² J. P e k a ř, Z duchovních dějin českých.
- ¹³ Z d. N e j e d l ý, Spor o smysl českých dějin.
- ¹⁴ K l e m e n t G o t t w a l d, Deset let, str. 181—183.
- ¹⁵ K l e m e n t G o t t w a l d v projevu z 10. listopadu 1948 při zahájení Jiráskových oslav.

СПИСОК
УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

FRB — Fontes rerum Bohemicarum.

ČČM — Časopis Českého Musea.

АС — Archiv Český.

UB — Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges.

ČSPSČ — Časopis společnosti přátel starožitností českých.

МС — Monumenta conciliorum.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. VI.
2. К. Маркс, Капитал, 1952—1953.
3. Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М., 1952.
4. Ф. Энгельс, О разложении феодализма и возникновении национальных государств. См. Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М., 1952.
5. Ф. Энгельс, Диалектика природы. См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV.
6. Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке. См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV.
7. В. И. Ленин, Развитие капитализма в России. См. Соч., т. 3.
8. В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме. См. Соч., т. 31.
9. В. И. Ленин, Две тактики социал-демократии в демократической революции. См. Соч., т. 9.
10. И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, 1945.
11. Klement Gottwald, Spisy, sv. I, Praha 1951.
12. Klement Gottwald, Deset let, Praha 1948.

Источники

1. Aeneas Sylvius, Historie česká, přel. J. Vičar, Ottova světová knihovna.
2. Archiv český, zvl. sv. I, III, a VI, ed. F. Palacký, Praha 1840 n.
3. Codex iuris municipalis, II a III, ed. J. Čelakovský a G. Fridrich.
4. Documenta Mag. Joannis Hus, ed. F. Palacký, Praha 1869.
5. J. Fejfalík, Altöechische Leiche, Lieder und Sprüche des XIV. und XV. Jhts., Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Akademie der Wissenschaften, XXXIX, Wien 1862.
6. Smil Flaška z Pardubic, Nová rada, ed. J. Daňhelka, Praha 1950.
7. Fontes rerum bohemicarum, V, Kronika Vavřince z Březové a Bartoška z Drahenic.
8. J. Goll, Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der Böhmisches Brüder, I, II, Praha 1878, 1882.
9. K. Höfler, Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen, I, 1856, II, 1865, III, 1866, Fontes rerum Austriacarum, Scriptorum, II, VI; VII.

10. Petr Chelčický, O boji duchovním, ed. K. Krofta.
11. Petr Chelčický, O církvi svaté, ed. R. Holinka, 1940.
12. Petr Chelčický, O trojím lidu, ed. R. Holinka, 1940.
13. M. Jakoubek ze Stříbra, Výklad na Zjevení sv. Jana, I, II.
14. Kronika velmi pěkná o Janovi Žižkovi, čeledínu krále Václava, ed. V. Novotný, Praha 1923.
15. Listář a listinář Oldřicha z Rožmberka, I, ed. Bl. Rynešová, Praha 1929.
16. Josef Macek, Ktož jsú boží bojovníci, Praha 1951.
17. Manifesty města Prahy z doby husitské, Sborník příspěvků k dějinám hlav. m. Prahy, č. 7
18. Monumenta conciliorum generalium saeculi decimi quinti, I, II, Vídeň 1857.
19. Popravčí kniha pánův z Rožmberka, ed. F. Mareš, Praha 1878.
20. Staré letopisy české, nová ed. J. Charvát, 1940.
21. Staré letopisy české, rkp. R, ed. Šimek, 1937.
22. Staročeské satiry, ed. Jan Vilikovsky, Praha 1942.
23. Tomáš Stítný, Knížky šestery o obecných věcech křesťanských, ed. K. J. Erben, Praha 1852.
24. Tomáš Stítný, Řeči besední, Praha 1897.
25. Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges, I, 1873, II, 1873, ed. F. Palacký.
26. Výbor z literatury české, II, sestavil K. J. Erben, Praha 1868.
27. Eberhart Windecke, Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds, ed. W. Altmann, 1893.
28. Vavřinec z Březové, Píseň o vítězství u Domažlic, přel. J. B. Čapek, úvod Jos. Macek, Praha 1951.

Литература

1. F. Bezold, K dějinám husitství, přel. A. Chytil, Praha 1904.
2. F. Bezold, K. Sigmund und die Reichskriege gegen die Hussiten, 1872—1875.
3. Josef Macek, Tábor v husitském revolučním hnutí, I, Praha 1952.
4. Z. Nejedlý, Dějiny husitského zpěvu za válek husitských, Praha 1913.
5. F. Palacký, Dějiny národu českého v Čechách a na Moravě, díl III, 1877, 3. vyd., Praha.
6. H. Toman, Husitské válečnictví za doby Žižkovy a Prokopovy, Praha 1898.
7. V. V. Tomek, Dějepis města Prahy, III, IV, Praha 1899.
8. K. Krofta, Novější bádání o Husovi a hnutí husitském, Český časopis historický, XXI (přehled starší literatury).
9. J. Vlček, Dějiny české literatury. Praga 1897. (Přehled literárně historický.)

К главе первой

1. F. Graus, Český obchod se sukнем ve 14. a počátkem 15. stol., Praha 1950.
2. F. Graus, Chudina městská v době předhusitské, Praha 1949.
3. F. Graus, Recense knihy F. M. Bartoše, Čechy v době Husově, Sborník pro hospodářské a sociální dějiny, II, 1947, str. 213—226.
4. F. Graus, Soukenictví v době předhusitské. Sborník pro hospodářské a sociální dějiny, I, str. 164 n.

5. Václav Chaloupecký, Selská otázka v husitství, Bratislava 1926.
6. Jar. Kadlec, Dějiny kláštera Svaté Koruny, České Budějovice 1949.
7. Kamil Krofta, Dějiny selského stavu, Praha 1949.
8. Kamil Krofta, Kurie a církevní správa zemí českých v době předhusitské, Český časopis historický, X, 1904 a ČČH, XII, 1906.
9. B. Mendl, Hospodářské a sociální poměry v městech pražských v l. 1378—1434, ČČH, XXII n.
10. B. Mendl, Sociální krise měst ve století čtrnáctém, ČČH, XXX n. a zvl. otisk, Praha 1926.
11. B. Mendl, Z hospodářských dějin středověké Prahy, zvl. otisk ze Sborníku příspěvků k dějinám hlav. města Prahy, V, Praha 1925.
12. J. B. Novák, Aviňonské papežství a zárodky českého odporu proti kurii, Časopis matice moravské, XXXI, str. 219 n.
13. Josef Šusta, Purkrabské účty Novohradské z l. 1390—1391, Historický archiv, č. 35, Praha 1909.
14. R. Urbánek, K české pověsti královské, Časopis společnosti přátel starožitností českých, XXIII, 1915 a n.

К главе второй

1. F. M. Bartoš, Co víme o Husovi nového, Praha 1946.
2. F. M. Bartoš, Čechy v době Husově, Praha 1947.
3. F. M. Bartoš, Literární činnost M. Jana Husi, Praha 1948.
4. F. M. Bartoš, Počátky české bible, Praha 1941.
5. Fontes rerum Bohemicarum, VIII, Historické spisy Petra z Mladonovic a jiné zprávy a paměti o M. Janovi Husovi a M. Jeronymovi z Prahy, ed. V. Novotný, Praha 1932.
6. M. Jana Husi Sebrané spisy české, I—III, ed. K. J. Erben, Praha 1865—1868.
7. Z. d. Nejedlý, Počátky husitského zpěvu, Praha 1907.
8. Z. d. Nejedlý, Hus a naše doba, Praha 1947.
9. V. Novotný, M. Jan Hus, život a učení, I, Praha 1919. VI. Kybal, díl II, Praha 1923.
10. V. Novotný, M. Jana Husa korespondence a dokumenty, Praha 1920.

К главе третьей

1. B. Auštěcká, Jan Želivský jako politik, Praha 1925.
2. F. M. Bartoš, Do čtyř pražských artykulů, Sborník příspěvků k dějinám hl. m. Prahy, V/2, též zvl. otisk 1940.
3. F. M. Bartoš, Světci a kacíři, Praha 1949.
4. J. Goll, Chelčický a Jednota v XV. století, Praha 1916.
5. R. Holinka, Sektářství v Čechách před revolucí husitskou, Bratislava 1929.
6. Jan Sedláček, Mikuláš z Drážd'an, Hlídka 1914.
7. E. Stein, Želivský jako náboženská osobnost, Věstník královské české společnosti nauk, 1947.

К главе четвертой

1. F. M. Bartoš, Táborské bratrstvo l. 1425—26 na soudě svého biskupa Mikuláše z Pelhřimova, Časopis společnosti přátel starožitností českých, roč. 29.

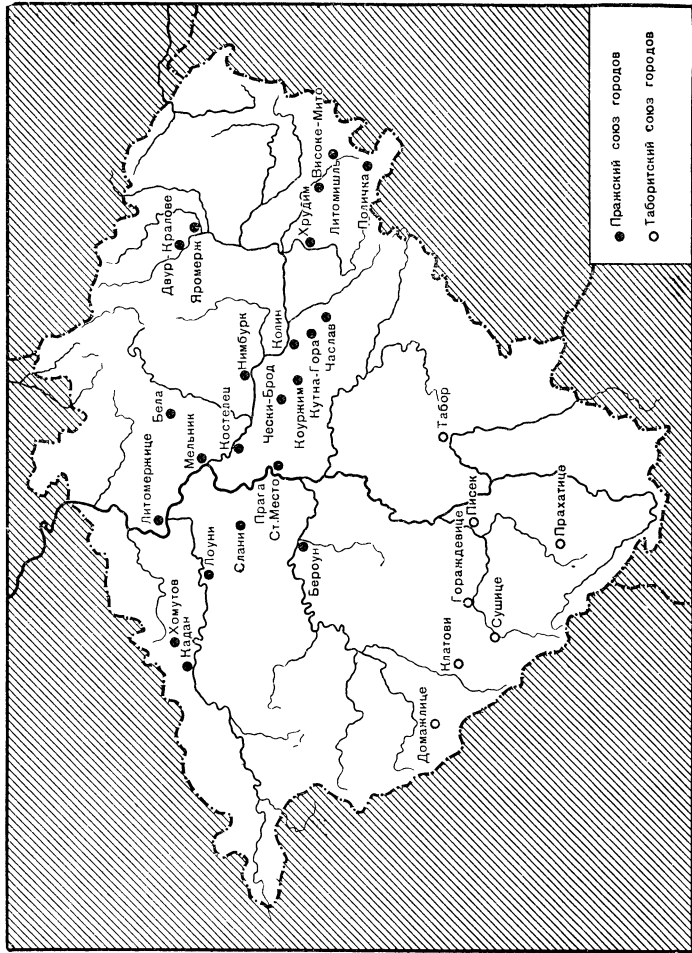
2. L. Hofman, Husité a Koncilium Basilejské v l. 1431 a 1432, ČCH, VII, str. I n.
3. K. Krofta, Žižka a husitská revoluce, Praha 1937.
4. A. Neubauer, Kněz Prokop Holý, ČCH, XVI, str. 28 n.
5. Josef Pekař, Žižka a jeho doba, I—IV, Praha 1927—1933.
6. Josef Šusta, K otázce stáří Žižkova, Úvahy a drobné spisy historické, I, Praha 1934.
7. V. V. Tomek, Jan Žižka, Praha 1879.
8. Rudolf Urbánek, Jan Žižka, Praha 1925.
9. Žižkův sborník, red. R. Urbánek, Praha 1924.

К главе пятой

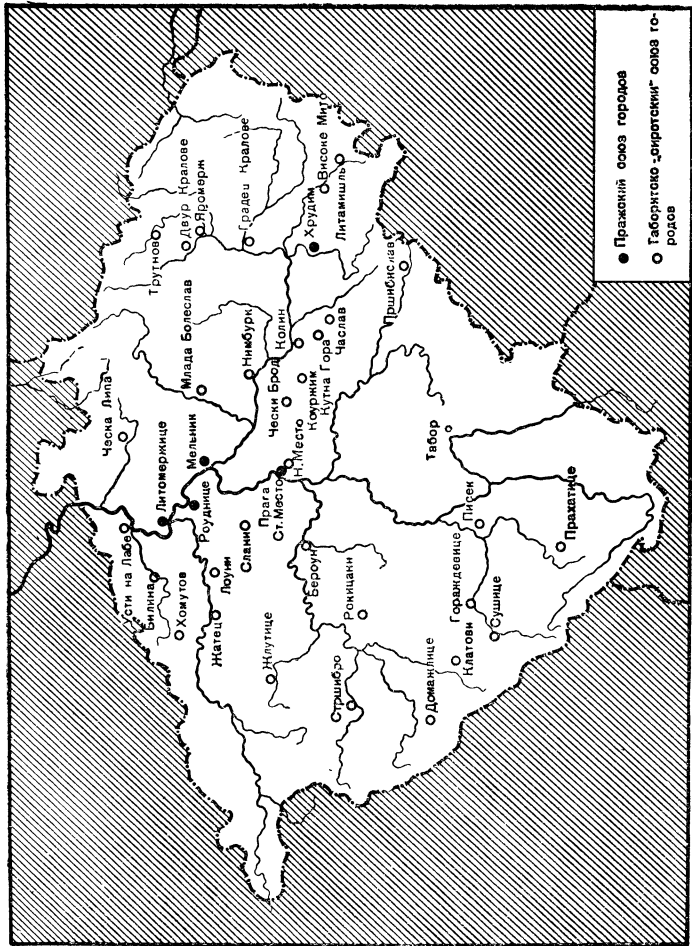
1. F. M. Bartoš, Husitství a cizina, Praha 1931.
2. J. Goll, Čechy a Prusy ve středověku, Praha 1897.
3. C. Grünhagen, Die Hussitenkämpfe der Schlesier 1420—1435, 1872.
4. R. Jecht, Der Oberlausitzer Hussitenkrieg, 1911—1916.
5. J. Macek, Třídní struktura Loun v r. 1460, Časopis společnosti přátel starožitností českých, Praha 1950.
6. J. Macůrek, Husitství v rumunských zemích, Časopis Matice moravské, Brno 1927.
7. J. Prokeš, M. Prokop z Plzně, Praha 1927.

К главе шестой

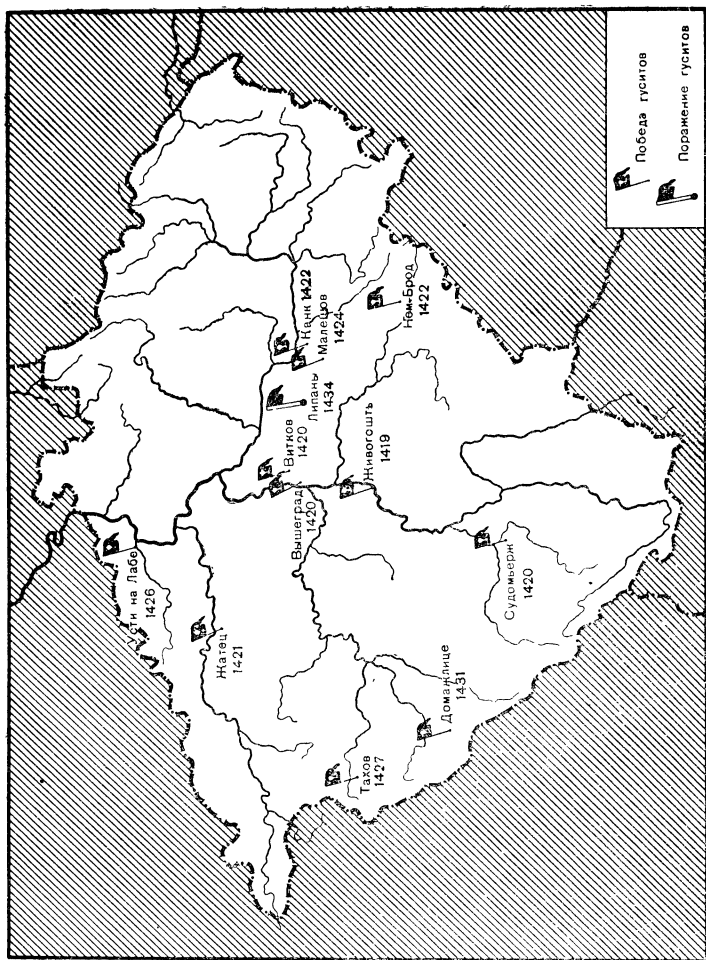
1. A. Kraus, Husitství v literatuře, zejména německé, I—III, Praha 1917—1924.
2. R. Urbánek, Žižka v památkách a úctě lidu českého, Brno 1924.
3. F. Kavka, KSC — strážce husitské tradice, Tvorba, XX, 1951, str. 668 n.
4. При работе над этой главой автор использовал и труд Ф. Кавки, посвященный гуситским революционным традициям (Ф. Кавка, Husitska revolucni tradice, Praha 1953).

Гуситские городские союзы в 1421 году

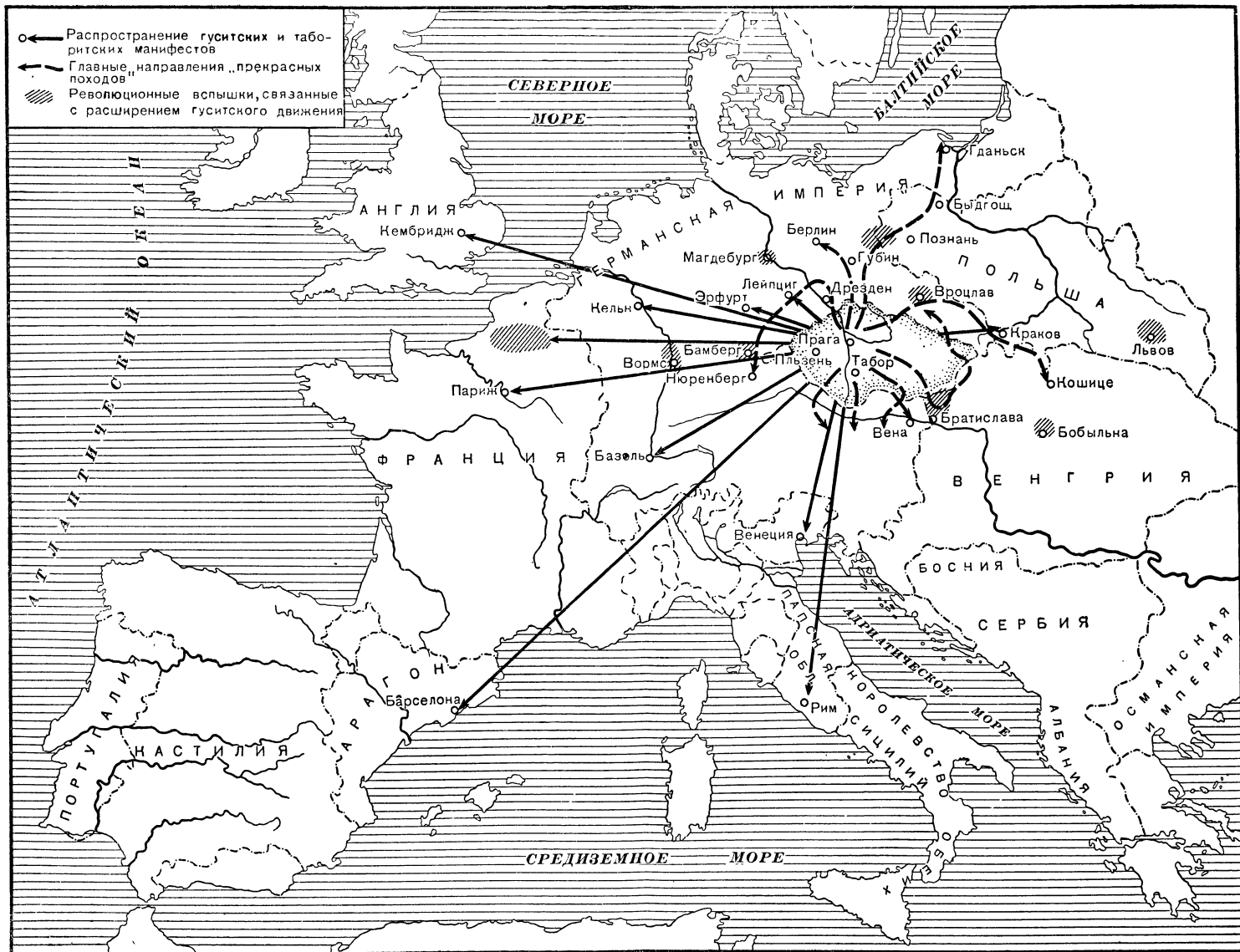

Гуситские городские союзы в 1427 году

Места главных сражений гуситов в Чехии

Отголоски гуситского движения за границей

О Г Л А В Л Е Н И Е

От издательства	3
<i>Глава первая.</i> Экономическое и социальное положение Чехии до гуситского движения	7
<i>Глава вторая.</i> Гуситская идеология как отражение классовых противоречий чешского общества	35
<i>Глава третья.</i> Беднота во главе гуситского революционного движения	58
1. Уход в горы и хилиазм	58
2. Табор в период господства бедноты	77
<i>Глава четвертая.</i> Бюргерская оппозиция во главе гуситского революционного движения	100
1. Ян Жижка из Троцнова	100
2. Прокоп Великий	129
3. Липаны	157
<i>Глава пятая.</i> Результаты и значение гуситского революционного движения	178
<i>Глава шестая.</i> Гуситское революционное движение — источник народных революционных традиций	197
<i>Глава седьмая.</i> Гуситское революционное движение в историографии	210
Примечания к чешскому изданию	218
Список условных сокращений	223
Список использованной литературы и источников	224

Й о с е ф   М а ц е к
ГУСИТСКОЕ
РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Редактор **О. Г. Чайковская**
Переплет художника *Н. А. Муц*
Технич. редактор *В. И. Шаповалов*

Сдано в производство 17/IX 1953 г.
Подписано к печати 7/IV 1954 г.
А03617. Бумага 84×108^{1/32}==3,9 бум.л.
12,6 печ. л. в т. ч. 6 вкл.
Уч.-издат. л. 12,7. Изд. № 6/2130
Цена 6 р. 70 к. Зак. 724

Издательство иностранной литературы,
Москва, Ново-Алексеевская, 52
20-я типография Союзполиграфпрома
Главиздата Министерства культуры СССР.
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

Список опечаток

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
6	11 сверху	говоря, о решительном	говоря, мечтало о решительном
31	8 »	в этом	в это
43	9 »	и симонии ¹³	и симонии» ¹³

Й. Мадек

